

Хазрат Инайят Хан

Духовное измерение психологии

пер. «Суфийского духовного Центра»

Москва 1996

2010г.

Хазрат Инайят Хан

Духовное измерение психологии

пер. «Суфийского духовного Центра»

Москва 1996

2010г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПСИХОЛОГИЯ: НАУКА УМА.....	6
Глава 1. ПСИХОЛОГИЯ, НАУКА И ЭЗОТЕРИЗМ.....	6
Глава 2. УМ И ТЕЛО.....	8
Глава 3. УМСТВЕННОЕ СОЗИДАНИЕ.....	9
Глава 4. БОЖЕСТВЕННЫЙ УМ.....	12
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИРОДА УМА.....	16
Глава 5. МЫСЛЬ И ВООБРАЖЕНИЕ.....	16
Глава 6. ВНУШЕНИЕ	19
Впечатление и вера	22
Слово и голос.....	26
Движение.....	28
Внушение на практике.....	31
Глава 7. ОТРАЖЕНИЕ.....	33
Человек и животные.....	33
Общение и наваждение.....	35
Повторение.....	37
Расширение сердца.....	39
Глава 9. ПАМЯТЬ.....	44
Глава 10. СЕРДЦЕ.....	47
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРЕНИРОВКА УМА.....	51
Глава 11 СИЛА ВОЛИ	51
Развитие воли.....	53
Глава 12. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ (Концентрация ума).....	56
Мистическое сосредоточие	59
Глава 13. ОЧИЩЕНИЕ УМА	67
Успокоение ума.....	67
Дыхание.....	70
Отношение	74
ГЛАВА 14. РАЗОБУЧЕНИЕ	78
Глава 15. ЧИСТЫЙ УМ	81
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. УМ ВИДЯЩЕГО	85
Глава 16. ПСИХИЧЕСКАЯ СИЛА	85
Развитие психической силы	87
Применение психической силы	89
Глава 17. ВНУТРЕННЕЕ ВИДЕНИЕ*	92
Видение истинно видящего.....	93
Развитие внутреннего видения	95
Глава 18. ВПЕЧАТЛЕНИЕ *	99
Умственная запись	100
Выражение	103
Облик.....	105
Лицо.....	106
Движения.....	107
Глава 19. ИНТУИЦИЯ	108

Глава 20. ВДОХНОВЕНИЕ	111
Глава 21. СНОВИДЕНИЕ	113
Типы сновидений	116
Ментальные сновидения	117
Символические сновидения	117
Астральные сновидения	118
Глава 22. ВИДЕНИЕ	118
Глава 23. ОТКРОВЕНИЕ	122
ПРИМЕЧАНИЯ	125

ВВЕДЕНИЕ

Для суфия ум — особый мир; это дворец взаимоотражающихся зеркал, где воображение, творясь, возникает из Божественного ума и иногда устраивает бунты. Это самосоздаваемое царство, в котором все, чем овладевает мысль, обретает бытие, безотносительное к физической вселенной. Здесь воспоминания, цепляясь за воспоминания, выпадают из их временно-обусловленного обрамления во вневременье. Здесь способность изобретать превосходит возможности утилитарной целесообразности, а идеи пересекаются и оплодотворяют друг друга, утверждая себя как не принадлежащие кому-то одному.

Подобно своим суфийским предшественникам, Хазрат Инайят Хан видит Божественную руку в каждом событии и каждой мысли. За тем, что, как мы полагаем, является нашим индивидуальным размышлением, он видит размышление человечества в целом; если хотите, размышление планеты: планетарное сознание, которое является продолжением Божественного ума. Ибо то, что, как мы верим, есть наши сознания, в действительности есть бесконечный строй зеркал, отражающих Одно (Единое) в многообразии его форм. В действительности творческая способность может быть по Божественному размышлению: из-за загрязнения зеркала происходят искажения, порождающие мир Майи, иллюзии и ввергающие воображение в состояние агрессии и наваждения. Мы узнаем в этом мире наш мир непрестанных фантазий, фантасмагории и самообмана с его неизбежно вытекающим отсюда страданием. Единственный выход состоит в том, чтобы очистить зеркало.

В данной работе Хазрат Инайят Хан раскрывает, какие этапы катарсиса переживает пилигрим на духовном пути, и демонстрирует, сколь подвержены такие путники внушению (особенно опасно здесь негативное самовнушение), которое засоряет ум.

Когда сознание отполировано, ум становится кристально чистым, и в человеке начинают раскрываться экстраординарные силы тонкости восприятия, интуиции и даже предвидения. Человек видит сны, — и они сбываются. Он видит основание позади оснований и смысл позади смыслов, касающийся любых жизненных ситуаций — вместо того, чтобы жить в состоянии преследования со стороны внешних его проявлений.

Тот, кто открыл осмысленность всего, обретает цель в своей собственной жизни. Только для узкого, недалекого ума слово «невозможно» имеет значение; для обладающего Бого-сознанием приемлемая, единственная позиция — все возможно.

Пир Вилайят Инайят Хан

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПСИХОЛОГИЯ: НАУКА УМА

Глава 1. ПСИХОЛОГИЯ, НАУКА И ЭЗОТЕРИЗМ

В день, когда наука и психология придут к окончательному взаимопониманию, знание станет полным.

Однако, употребляя слово «психология», я не имею в виду общепринятый его смысл: известная ныне как «психология» новая философия находится в зачаточном состоянии. То, что я понимаю под психологией — это точка зрения мыслителей, способ глядеть на жизнь мудрых, манера глубокомысленных, идеи тех, кто знает жизнь более полно. Психология — это наука о человеческой природе, о человеческих тенденциях, человеческих наклонностях и человеческих точках зрения. И чем более человек касается глубин данной науки, тем более это просветляет его, делая жизнь более ясной его видению. Психология есть то, что соединяет материалистическую науку с эзотеризмом.

Должен заметить, прежде всего, что термины «материя» и «дух» существуют лишь для нашего удобства: покуда мы воспринимаем жизнь как нечто осязаемое, мы называем это «материей»; то же, что неосязуемо в качестве некоего вещества, однако не менее воспринимаемо, мы называем «дух». Знание об этом, последнем мы и называем «психологией». Эзотеризм же — такое знание, которое приобретается не посредством чувственного восприятия и не осязанием вещества, но через откровение.

Итак, мы можем вычленивать три различных аспекта знания: наука, психология и эзотеризм. Наука не может быть полной без психологии; точно так же психология не может быть полной без эзотеризма. Это та триада, что делает знание полным, и именно посредством ее можно надеяться понять жизнь более полно.

Поле знания в области психологии обширно: это знание о воображении и об обращении его в мысль; знание о чувстве и о его превращении в эмоцию; знание о страсти и о том, как она оборачивается выражением; знание о побуждении и его реализации; об импульсе и его подавлении; знание о привлекательности — и знание о противоположном эффекте; знание о симпатии и антипатии, их происхождении, источнике — все это принадлежность сферы психологии. Психология представляет собой знание об осязаемых вещах, но не о твердых телах, которые можно потрогать. Потому законы психологии значительно труднее объяснять словами, нежели законы материальной науки.

Для лучшего постижения психологии необходимо развивать восприятие и добиваться внутреннего проникновения в жизнь. Это означает, что во всем — в каждом действии, в каждом аспекте жизни надо понять причину и следствие. Психология — краеугольная ступень по направлению к эзотеризму, ибо именно психологическое отношение приводит к эзотерическому знанию. Если человек не способен видеть истину эзотеризма или мистицизма — это потому, что у него недостаточно развита психология.

Если он не способен видеть ее тайный закон, он не будет способен видеть и ту скрытую любовь, что в священных текстах зовется Бог. Эзотеризм — метод, совершенно противоположный тому, посредством которого осуществляет себя наука: наука осуществляет себя посредством анализа, тогда как эзотеризм достигается путем синтеза. Если человек желает достичь эзотерического знания, но при этом расчленяет

вещи на фрагменты, анализирует их — до тех пор, пока он анализирует их, он никогда не придет к пониманию эзотеризма.

Психология же имеет надобность и в том, и в другом — и в анализе, и в синтезе. И по мере все более совершенного понимания психологии, овладевая навыком синтезировать в той же мере, что и анализировать, человек подготавливает себя к одной единственной цели — к более полному пониманию эзотеризма.

Итак, овладение эзотерическим знанием это нечто отличное от овладения знанием научным; как если бы одно сравнить с движением на север, в то время как другое — на юг.

Древние объединили знания из области науки, психологии и эзотеризма в единое знание, которое они называли алхимией. Это сделало возможным с исключительным удобством преподносить несведущим скрытые процессы под видом процесса превращения свинца в золото. В результате многие, кто стремились в жизни приобрести золото, оказывались вовлеченными в алхимические поиски; и те из них, кто шли до конца, вместо обретения золота, сами становились золотом.

Вот одна притча, рассказываемая на Востоке, которая изъясняет данную идею занимательным образом. Король страстно желал найти кого-либо, кто действительно был бы сведущ в алхимии. Многие приходили к нему, но в процессе испытания обнаруживалось, что они не могут сделать золота. В конце концов, кто-то сказал королю: «В одной деревне живет человек; он беден, непритязателен, но говорят, он обладает знанием алхимии». Король незамедлительно послал за этим человеком, и когда тот был доставлен, выразил ему свое пожелание изучать алхимию, добавив, что он получит все, чего бы ни захотел, «Нет», — произнес человек, — я не знаю ничего подобного тому, о чем ты спрашиваешь». Король сказал: «Все говорили мне, что ты — тот, кто знает. «Нет, о, Король, — ответил он, — ты нашел не того, кто тебе нужен». «Смотри, — воскликнул король, — я заточу тебя в темницу до конца жизни!», — но тот отвечал: «Что бы ты ни пожелал сделать — ты можешь это сделать. Ты нашел не того, кто тебе нужен».

«Что ж, — сказал король, — даю тебе на размышления шесть недель. Ты проведешь их в тюрьме. По истечении же шестой недели я предаю тебя смерти». И человек был брошен в темницу.

И каждое утро король приходил в темницу и спрашивал: «Ну, ты изменил свое решение? Будешь ты учить меня? Берегись, смерть все ближе. Дай же мне знание». И человек отвечал: «О, Король, обратись к кому-либо еще, кто имеет то, что тебе надо. Я не тот, кого ты ищешь».

И каждую ночь король приходил в тюрьму под видом служителя и подметал у него пол и вытирал пыль в его камере. Он приносил узнику еду, сочувствовал ему и делал все, что мог для него; все, что только может сделать слуга. Он спрашивал: «Не болит ли у тебя голова? Могу ли я что-нибудь сделать для тебя? Не устал ли ты? Моту ли я постелить тебе, чтобы ты прилег? Можно мне обмахивать тебя, пока ты не заснешь — здесь ведь так жарко?..»

Так проходили дни, и остался лишь один день до того момента, когда этот человек должен был быть обезглавлен. Король навестил его утром и сказал: «Видишь: только один день остался до твоей смерти. Это твоя последняя возможность спасти жизнь». И он ответил: «Нет, Король, тебе нужен кто-то другой, не я». Но той же ночью, когда пришел служитель, человек положил ему руку на плечо и сказал: «Бедный ты, бедный служитель! Ты такой славный... Я прошепчу тебе на ухо слово алхимии, и эта алхимия изменит тебя из свинца в золото». Служитель ответил: «Я не знаю, что это такое — алхимия. Я знаю только, как служить тебе, и скорблю, что завтра тебя обезглавят. Это

единственное, что исторгает из моего сердца слезы. Как бы я желал отдать свою жизнь, чтобы спасти твою! Ах, я был бы преисполнен благодарности за такую возможность...» Алхимик промолвил: «Лучше мне умереть, чем дать знание алхимии недостойному. То, что я даю тебе сейчас по склонности, с признательностью, с любовью, я не дам королю, который завтра отберет у меня жизнь. Почему так? Да потому, что ты заслужил это, а король — нет». И он прошептал тому на ухо секретное слово. Вместо изготовления золота, тот стал золотом.

Наутро пришел король сделать ему последнее предупреждение. Он сказал: «Ну вот, это твой самый последний шанс. Настал момент, когда ты будешь обезглавлен. Либо, наконец, уступи — либо ты отправишься к месту казни». Тот промолвил: «Нет, нет». Тогда король сказал ему: «Но ты ведь уже дал мне это!» Он возразил: «Тебе? Я не давал королю, я дал это служителю».

Чудесная история. Она позволяет нам изнутри взглянуть на идею алхимии: метод, посредством которого король обратился в служителя — это метод, посредством которого приобретается знание эзотеризма. Другой метод, где король требовал — неверный способ приобретения подобного рода знания, которое никогда не приходит таким путем.

В настоящее время сложность с эзотерическим знанием заключается лишь в том, что человек, будучи весьма искушенным в науке, оказывается невосприимчивым к обретению этого знания до тех пор, пока он не освоил метод знания психологического. Первое, что человеку нужно, чтобы вступить в ворота мистицизма, это понять: что такое чувство, что такое служение, что такое склонность, что такое искренность. Величайшая ошибка образования сегодня состоит в том, что сентиментальная сторона в нем отбрасывается, а она — наиболее важная сторона. И получается, как если бы мы хотели, чтобы некто пришел к нам, но не живьем, а в виде трупа; или как если бы у человека отнимали жизнь в целях обучения, превращая его из живого в мертвеца. Вот потому-то мы и наблюдаем крушение героизма, идеализма, крушение тех, кто властвуют над человеческими душами; и это продолжается тысячелетия... Что должно быть воскрешено в нынешнем поколении, так это способность чувствовать. Сегодня развито мышление; но что действительно нужно сейчас — так это тот «генератор», который стоит позади мысли, а это — чувство. А вслед за чувством приходит и видение. То самое видение, которое подразумевают, когда говорят «видящий».

Глава 2. УМ И ТЕЛО

Что есть ум?¹ Одна часть человечества полагает, что ум это нечто необъяснимое; другая часть считает, что ум это деятельность мозга. Однако если это верно, то ум должен существовать, пока существует мозг, а когда мозг разрушается — с умом

---

¹ mind — ум, разум. Также память (все хранится в уме), мнение (настрой ума), образ мыслей (настрой, направленность ума). Иногда — дух. Существует традиционная терминологическая путаница, связанная с философскими понятиями на русском языке: ум и разум. Там, где новая философия говорит «разум» (Космический Разум, Божественный Разум, и т.д.), традиционное богословие употребляет ум. В первой традиции под умом подразумевается некая ограниченная, в сравнении с разумом, и тем ограничивающая мышление способность (английским эквивалентом слова «разум» является также intellect — интеллект); во второй — ум — это нечто гораздо более пространное, нежели разум, чье значение приближено к рассудку. Как представляется, вторая концепция ближе к тому, как понимает ум Х. И. Хан. Мы, в данной работе, во избежание терминологической путаницы, будем придерживаться одного понятия — ум, предоставляя возможность читателю подставлять «разум» там, где этого будет требовать его субъективное чувство смысла, (прим. перев.)

покончено... Будь так, весь труд писателя — три-четыре месяца работы, кипа страниц, книги; и вся десятилетняя работа художника — мастерская, полная картин; все это существовало бы только в мозгу. Но где в малюсеньком мозге место для всего этого?.. Очень ограниченное понимание ума... Благодаря радио, голос преодолевает тысячи миль; а ведь ум несравнимо замечательней голоса. Невозможно ограничить и определить его мозгом, — хотя мозг и является посредником, с помощью которого мысли становятся отчетливыми.

Об уме думают, как о чем-то маленьком. Мы говорим «мой ум», «в моем уме»; а ведь то, что мы называем «моим», всегда выглядит меньше, чем наше материальное тело: «мой кошелек» или «мой саквояж» — что-то, что можно перенести. В действительности же ум гораздо больше материального тела. Тень от тела обширнее, чем это общеизвестно; посредством практики мистицизма вы можете познать, как далеко она простирается. Ум же гораздо обширнее тени. Я могу сидеть здесь и посылать свою мысль в Париж... Но тогда может возникнуть вопрос: «Если я здесь, а моя мысль в Париже - я что, отделен от своего ума?.. Могу ли я выйти и оставить свой ум дома, а затем, вернувшись, снова найти его?» Нет, но ум имеет крылья, которые простираются отсюда не только до Парижа, до Нью-Йорка, до России, до Японии, Северного полюса, Южного полюса — и еще гораздо дальше. Если я посылаю свою мысль другу в Индию, посылаю ее, не позволяя ничему препятствовать этому, он почувствует ее в своей жизни, и что-то хорошее случится с ним по причине моей положительной мысли.

Нет ума вне тела. Но вот, что надо сказать: прежде чем было сотворено тело, ум был только акаша² — потенциальное свойство пустоты, пространства. Опыт, который он приобретает через посредство тела, средства его проявления, становится его знанием; и это знание и создает ум. Акаша, становясь умом после того, как тело родилось на земле, уже имеет накопленным некоторое количество смутного знания, доставшегося через ряд умов, которые были встречены на пути к материализации; возможно, знание одного из них имеет большее значение — в таком случае, акаша приобретет характеристики преимущественно одной индивидуальности, которая будет проходить опыт на земле. Кроме того, посредством родителей, акаша приобретает знание или менталитет их предков, из нации, их расы и, помимо всего прочего, — уровня эволюции всего человечества в то время, когда происходит воплощение.

Все, что могут ощущать чувства, находится вовне; но все, что может постигнуть ум — внутри. Это означает, что и воображение берет начало из ума, и что ум может постигать его. Чувство, память, концентрация, рассуждение — все это умственные средства познания. И можно сказать, что ум более отвечает понятию бытия человека, нежели его тело; в сравнении с умом тело — всего лишь некое подобие оболочки, которую сущность человека «носит».

Глава 3. УМСТВЕННОЕ СОЗИДАНИЕ

Люди столь погружены в это, видимое мироздание, что крайне редко думают о ценности того, другого мироздания, которое существует внутри них. Вещи искушающие, прельщающие внимание, навязывающие нам себя — за ними гонится огромное количество людей, которые вследствие этого оказываются ограниченными и даже не подозревают о том созидании, которое протекает бессознательно внутри них. В

---

² Акаша (санскр.) — изначальная духовная субстанция, мыслеоснова мироздания, (прим. перев.)

действительности каждый человек является миром внутри себя. Но как же мало он задумывается об этом! Он всегда сознает себя чем-то вроде капли в океане, тогда как о другом положении вещей в бытии, где он — океан, а все остальное — капля, он не знает.

В Библии есть фрагмент, связанный с тем, как Бог сотворил землю, а затем небеса. Что же, значит, небо было сотворено после земли?.. Нет, смысл здесь заключается в другом: в том, что это, окружающее нас мироздание производит впечатление на ум, и затем ум творит свой собственный мир — свое собственное «небо». Это творение ума — высший мир, который все еще пребывает внутри нас. И такой мир может быть небесами, — а может быть противоположным им. Как говорится у Омара Хайяма: «Небеса для человека — видение осуществленного желания, а ад — тень души в огне». Отсюда очевидно, что желание — источник небес и их осуществления; но в то же самое время оно — мыслительный огонь и разочарование, беспокойство, тревога, мука, которые и есть тень души в огне.

Столетия тому назад Заратустра учил, что есть три вида греха и три вида добродетели: мысли, слова и действия. Человеку свойственно принимать за добродетель добродетельное действие и за грех греховное действие, никогда не думая о добродетели и грехе, содержащихся в речах и мыслях. А ведь мысль человека иногда мощнее его речи или действия. Это очевидно следует из опыта каждого мистика и вообще каждого, кто следует духовному пути: мыслительная сила — гораздо более великая сила, нежели сила речи или действия. В нашей повседневной жизни бывает, что мы желаем, чтобы некто принес нам определенную книгу или цветок, который бы нам хотелось, и он действительно приходит и приносит эту книгу или цветок. Мы не выражали ему желания — а оно уже осуществилось. Такова сила мысли, творчество ума.

Сказано: «Мысли — те же дела»; но они более того: мысли — это существа. Они такие же живые, как мы; они трудятся, как мы трудимся. В них есть жизнь. Христос сказал: «Слова, что я говорю вам, они — дух, истина и жизнь». Дух это и есть подлинная жизнь.

Человек есть дух. Тело его материально. Тело рождает; но разве ум не может порождать также? Это и есть порождение ума — то, что мы зовем мыслью или воображением. Мысль есть то, что управляемо; воображение, — что не управляемо.

На санскрите существует изречение: «Есть бесчисленное множество богов — и все же Бог один». Так значит, как каждая планета является миром, так и каждый ум является миром: это поистине живой мир.

Вопрос заключается в том, что если это мы творим наш мир и придаем форму нашей жизни, — почему мы несчастны? Почему в жизни тревоги? Почему неудачи? Ответ: в этом нет вины ни Создателя, ни мира. Виновато наше невежество, наш недостаток знаний. Будда описывает подобный недостаток знания следующим образом; это как если бы вы цеплялись за ветку дерева в густой ночной тьме, где вам не видно, что под вами: может, земля, а может, море? И оттого вы все время боитесь упасть. Вы цепляетесь за дерево, страдая от ужаса: как долго это протянется? Как долго ветка сможет выдержать вас? Под ногами ничего... Такова наша жизнь, нока в ней не возникает свет. Тогда как будто солнце восходит. И когда оно взойшло, вы обнаруживаете, что вовсе не вода — земля прямо у вас под ногами!

Как далека от нас земля бессмертия! Но когда восходит солнце знания, мы видим, что она близко, так близко! Узнав об этом один только раз, человек не нуждается больше в обучении морали или добродетели: он знает, что для него является наилучшим и куда ему надо идти; он знает свое собственное созидание. Он знает, что, если он творит отвратительных духов в своих мыслях — они станут чудовищами,

действующими против него, и таким образом он разрушит свою собственную жизнь. Но если человек творит дух любви и добра — другие помогают ему в его желании, и он всегда оказывается окруженным любовью и добротой.

Как только люди осознают это, их жизнь становится иной. Они начинают исцелять других, они проникаются невзгодами других, они служат другим в их трудностях, они стремятся узнать, нельзя ли что-нибудь сделать, как-нибудь помочь. Помочь может слово, может помочь добрая и сочувствующая мысль. И что бы они ни делали для других — они делают это и себе, потому что каждая мысль о добре, великодушии и сочувствии порождает мир сочувствия вокруг себя, и такие люди не могут остаться без него. Если они отправляются в край, где их никто не знает или не способен понять, даже там они могут привлечь к себе сочувствие и любовь, раз они сотворили их в себе.

Это показывает, как важно быть осторожным с тем, что мы говорим. К примеру, человек в припадке гнева произносит: «Я не желаю его видеть», или иные злые слова, а после того, как вспышка прошла, он раскаивается: он желал бы, чтобы он этого не говорил или не делал; возможно, даже врагу своему он не желал бы того, что сказал. Однако, говоря, он не знает, что сотворенное им, ожило, и теперь оно будет его врагом — в той же мере, в какой врагом человека, против которого его несправедливая мысль была направлена. Но он порождает и гораздо большее. Из одной только дурной мысли, сотворенной в духе злобы или досады, возникает тысяча других духов. Целый мир может быть порожден, когда мы даем волю одной единственной слабости!

Все, что мы способны собрать и приобрести во внешнем мире в целях счастья и комфорта (наподобие имущества), ограничено; мы не можем назвать воистину нашим королевством даже и тысячной доли внешнего мира, из того, чем мы «обладаем». Но ум наш способен творить и собирать бесчисленное количество мыслей и впечатлений, каждое из которых творит свой собственный реальный мир. Вся наша собственность, все, что мы приобретаем в жизни — все эти вещи, которые мы должны будем в один прекрасный день оставить, преходящи; но то, что мы создали мысленно, в уме — это живет.

Вот человек думает: «Когда-нибудь я бы хотел построить фабрику». Пусть в данный момент у него нет денег, нет знаний, нет возможности; однако ему пришла в голову мысль: когда-нибудь он построит фабрику. И потом он думает о чем-нибудь другом. Возможно, проходят годы, но эта мысль производит работу — постоянно, в тысяче умов; и тысяча источников подготавливает для него то, что он пожелал однажды.

Оглянувшись на свою жизнь, на то, о чем он думал в различных жизненных случаях, человек может обнаружить, что линия предопределенности, которую на Востоке мы зовем «кисмет» (судьба), формируется нашей мыслью. Мысли готовят для нас все то счастье и несчастье, которое мы испытываем. Весь мистицизм основан именно на этом.

Если мысли могут совершать действия — то и любовь, и воображение. Даже сновидение может выполнять действия, в соответствии с тем впечатлением, которое оно производит. Некоторые мысли столь же предметны, как вещи, другие — подобны живым существам. Некоторые, с нашей точки зрения, — ангелы, иные — дьяволы. Все они вокруг нас, помогающие нам в осуществлении нашего намерения или отталкивающие нас от того, что мы хотели бы осуществить.

Но один человек думает, и эффект от его мыслей немошен, а другой сегодня подумал — и завтра его желание выполнено. Почему так? Это зависит от силы мысли. В мысли одного больше жизни, в мысли другого — меньше. Мы зовем жизнью то, что обладает сознанием и активностью; мы зовем предметом то, в чем отсутствуют

мыслительная способность и сознательность. В действительности же и то, и другое живо; разница между предметом и живым существом состоит лишь в том, что в одном жизни меньше, нежели в другом. Человек со слабой волей не имеет в своей мысли силы. Думай он о чем-либо хоть тысячу раз, это не возымеет действия, потому что он не обладает той жизненной силой или энергией, которая необходима, чтобы оживить мысль.

Что же это за жизненная сила, которая оживляет мысль? Она едина в человеке, в овоще, в минерале... Только в одном случае жизнь на поверхности, а в другом — она скрыта. Вот почему мы употребляем слово «вещи» в одном случае и «существа» — в другом. Итак, есть мертвые мысли и живые мысли. К какому классу мысль будет принадлежать, зависит от силы воли: когда есть сила воли, слово одновременно произносится и осуществляется.

Именно эта идея выражена в понятии «кальпа вракша» (дерево желаний). В притче говорится о том, что кто бы ни пришел к этому дереву и ни сел бы под ним хоть на миг — его страстное желание, какое бы оно ни было, осуществляется. Вот только никто не знает, где это дерево найти. Дерево — ум; корни же его — сердце.

Что придает мысли силу, дух и жизнь, так это — чувство. Человек без чувства как бы мертвый; чувствуя, он живет, и его мысль тоже. Мысль с чувством — гораздо более мощная сила, нежели мысль без чувства. Слова «я без ума от вашего искусства» не будут иметь эффекта, если за ними не стоит чувство. Это просто ряд слов, в нем нет жизни. Но когда эти же слова произнесены с чувством, они достигают вашего сердца, и мысль оживает.

Существовали великие люди, чья любящая мысль была способна оживить человека; люди, обладавшие силой наделять жизнью и исцелять. Они оставили после себя свои мысли. Люди почитают их как священное писание, как святые книги; они возводят на них религию. Такие мысли не исчезнут: им была придана долгая жизнь. Они никогда не умрут, — какую бы форму они не принимали: музыки ли, поэзии, афоризмов; они будут жить вечно.

Глава 4. БОЖЕСТВЕННЫЙ УМ

Ум — это некая способность, некая неосязаемая, невидимая деятельность, для которой мозг — всего лишь средство. Человеку свойственно определять вещи беспредельные и находящиеся за гранью его возможности измерять; отсюда он изображает Бога в виде человека или обожествляет животные формы жизни. Тот, у кого ум глубже, имеет более глубокие представления и, возможно, видит Бога в каждом; тогда как человек, чей ум вечно и во всем стремится видеть злое начало, даже в прекрасном человеке найдет темное пятно. Поистине, с самого детства человек приобретает привычку оценивать и понимать вещи в такой, свойственной ему манере, и рассматривает их тем ограниченным образом, который ему присущ. «Нет ничего нового под солнцем», — сказал царь Соломон. Люди могут провозглашать, что открыли нечто новое, — но это уже открыто и переоткрыто множество раз в прошедшие времена. Написанные на санскрите, этой праматери языков, Веды, в которых представлена древняя философия индуизма, употребляют слово «ману» или «мануши» для обозначения человека и слово «манас» для обозначения ума. Английское слово тап (человек) — из того же источника. Это делает очевидным, что источником существования человека является его ум. Однако внешняя форма существования

настолько затуманивает наш взгляд, что другой аспект существования, который в сравнении с внешним — невидим, остается всецело скрытым.

В арабской традиции говорится: «Хочешь познать Бога, — познай самого себя». Как же мало человек знает до тех пор, пока он отравлен ядом индивидуализма!.. «Я — отдельное существо; ты — другое существо; между мною и тобой никакой связи, у каждого из нас свои радости и своя свободная воля...» Да знает ли человек, сколь сильно его жизнь зависит не только от предметов и вещей, которые поддерживают его в живых, но и от ежедневной деятельности тысячи умов? Всякий раз, как человек смеется — это отражение того, что происходит в его уме, направляемой силой ума какого-либо другого человека. Отчего вы чувствуете себя, когда печальным, когда довольным, когда радостным, когда воодушевленным, когда подавленным и опустошенным — без всякой видимой причины?.. И днем, и ночью мы встречаемся с таким количеством умов, отражающихся в нашем собственном уме — вот наши мысли и сменяются без видимой причины. И от этих мыслей оказывается зависимой вся наша жизнедеятельность в целом, меняясь в соответствии с ними.

Итак, кто может сказать: «Я — индивидуальность, независимая и свободная. Я могу думать то, что хочу и могу делать то, что хочу»? Вы не делаете то, что хотите и не думаете то, что хотите. Вокруг вас в облики людей и животных существует множество различных мыслей; множество индивидуальностей воздействуют на ваш ум, ваши чувства и мысли, и вы не можете избежать их. Ни один человек не может избежать подчинения воздействию умов других людей. Всегда существует кто-то, кто сильнее вас, и кто-то, кто слабее вас. Все мы связаны друг с другом. Наши жизни скреплены воедино, и существует в этой связи некое звено, где возможно увидеть, что сквозь все жизни течет единый поток.

Так много небесных тел и источников света — и через всех них течет единый поток...

Мистик ищет проявлений этого всюду и запечатлевает это в своем уме — в чем бы он это ни увидел. Что такое, с его точки зрения, морские волны? Они — часть моря?.. Каждая обладает индивидуальностью только до тех пор, пока вздымается и ниспадает. Но после того как она взмоет и опадет, она растворяется в море; и каждая новая волна отлична от всех других... Что для него дерево? Вот стебель; он выпускает листья; они изменяют цвет и опадают; и, в то же самое время, жизнь дерева как целого зависит от корня и ствола, и любой вред, причиненный как тому, так и другому, влияет на каждую ветку и каждый сучок — на любую из частей дерева. Что для него тело? Глаза, нос, голова — что из них «я»? У руки свое наименование, у пальцев — свое, свое название у каждой части. Мириады мыслей, мириады фантазий, мириады чувств — можем ли мы представить себе их число и разнообразие? Разные эмоции, разные способы страдания, разные степени радости; разве мы способны различить их все или классифицировать их?.. У нашего существа так много аспектов, и какой же из них, в конце концов, и есть тот, что может назвать себя «я»?.. А ведь «я» — это что-то одно, не многое... Мы знаем лишь, что ни без тела, ни без ума мы не способны ощутить себя существующими. И сквозь все это множество человек осознает, что «Я — един»! Любые явления прорастают вглубь ума до тех пор, пока человек не обнаруживает существующее позади всех многочисленных имен и форм единство; единство, в котором он соединяется с Господом.

Отсюда очевидно, что опыт отдельных индивидуумов, состоящий из индивидуальных мыслей, чувств и знаний, равно как и опыт множества наций и рас во все века и исторические эпохи не является принадлежностью ни одного индивидуума,

ни множества индивидуумов, наций или рас, но всегда имеет под собой такую глубину, в которой соединяется с тем, что зовется Божественным умом.

Все умы — листья на одном дереве, его ветви и сучья; но есть только один источник, от которого все они ответвляются. Ни одно жизненное явление не может существовать, если в нем нет того центра, «фокуса», в котором все, что ни на есть, встречается и соединяется одно с другим. И эта точка, этот уровень, где соединяется все, и есть Божественный ум.

Потому брамины и учили людей, что надо омываться в месте слияния всех рек, ибо посредством такого омовения в Сунгаме происходит очищение жизни. Те, кто действительно понимали, что здесь подразумевается, знали, что речь идет о Божественном уме. Очищение жизни заключается в достижении такой глубины жизненного моря, на которой сливаются все мириады форм и имен. Из этого центра направляется жизненная активность всех существ. Как сказано в Коране: «Ни один атом не сдвинется независимо от руки Бога»... Поистине, никакая деятельность — ни здесь, ни где-либо еще среди звезд, не происходит без внутреннего побуждения, берущего начало в той самой глубине, где сливаются все сознания и причины всех действий.

Переходя к моральной стороне дела, может возникнуть вопрос: так как же нам жить дальше? Должны ли мы удовлетвориться тем, что все сущее связано с действием единой силы? Мы что, ни при каких обстоятельствах не должны предпринимать никаких действий, поскольку все — от Бога?.. Нет. Это было бы равнозначно параличу: вы не могли бы двинуть ни рукой, ни ногой. И подумайте: откуда берутся ваши помыслы и побуждения?..

Мы можем тогда спросить: раз так, значит, нам следует осмысливать каждое наше побуждение?.. Нет, ведь это именно наши умозаключения и делают явления правильными или ошибочными, хорошими или плохими, духовными или материальными. Это ваши собственные мысли таковы, не сами явления. Мысли таковы, какими вы их производите. И хоть все побуждения и происходят из единой глубины, они окажутся неверными, если вы сделаете их неверными, и будут верными, если вы сделаете их таковыми. Мы всегда оправдаем себя, потому что судим себя по закону, создаваемому нами самими.

Глуп ум или мудр, безнравственный он или добродетельный — в действительности каждый ум любит благо (добро) и красоту. Что есть благо? Благо то, что для вас прекрасно, перед чем вы преклоняетесь, чем не можете не восхищаться. Может быть, у вас вызывает восхищение красота чьей-то доброты, красота действия, чувства или мысли...

Существует ли хоть кто-то, кто мог бы сказать: «Пожалуйста, не будьте добры ко мне, пожалуйста, обманите меня»?.. Никому не нравится быть одураченным. Безнравственность состоит в том, чтобы стремиться к приобретению и ничего не отдавать; но и безнравственный человек все же осознает красоту.

Какие бы различия в критериях правильного и ложного ни демонстрировали религиозные веры, никакие два индивидуума не различаются в этом естественном критерии: каждая душа ищет красоты; и каждая добродетель, праведность и доброе дело это ничто иное как вспышка красоты.

Мир — это собор, где каждое действие является отзвуком другого действия. Приносите пользу, и она вернется к вам, если не от кого-то одного, так от другого, как эхо: вы не знаете, с какой стороны оно к вам придет, но оно придет, тысячекратно усиленное, в сравнении с тем, что вы отдавали. Мистик руководствуется собственным умом. То, чего мы, мистики, ищем в жизни, мы должны отдавать другим: если это доброта — отдавайте ее, если это польза — отдавайте ее, если служение — отдавайте

его. Секрет счастья в жизни полностью состоит в этом. Если мы ищем счастья в доброте другого человека, это означает, что наше счастье зависит от него; и до тех пор, пока мы ждем от другого, чтобы он сделал нас счастливыми, мы ждем от него того, что сами себе должны дать.

Отдавая любовь, получите ли вы холодность? Делая добро, можете ли вы получить зло?.. Вот только, творя добро, не судите свои действия — равно как и действия других: ведь пока вы не отрешились от самого себя, вы не можете быть судьей; только тогда к вам придет справедливость, только тогда вы поймете ее природу. Это — стена между вами и справедливостью. А пока есть только одно, что действительно верно, это — сказать: «Я не должен этого делать». Когда же вы говорите так по отношению другому, вы уже можете ошибиться.

Мистик развивает свой ум, таким образом, очищая его чистыми мыслями, чувствами и действиями («чистое» означает свободное от чувства разделённости), и следуя только одной этой линии мышления.

Поскольку суфий обладает такой моралью, он не нуждается в том, чтобы следовать какому-то особому убеждению или вере, ограничивать себя особым путем. Он может следовать как индуистскому, так и мусульманскому пути, пути любой церкви или веры — при том условии, что он следует этому, «королевскому» пути: убеждению, что вся вселенная — ничто иное как постоянство красоты. Вы родились с предрасположенностью восхищаться ею в любых ее формах, и вы не можете ослеплять себя зависимостью от какой-то лишь одной черты красоты — тогда вы не примете ее в других. И отдавайте ее. Сделайте себя, свое действие, свою мысль прекрасными и дайте другим принять вашу красоту. ... Так что же это за совершенство ума, с которым мы должны прийти в соприкосновение? Мы касаемся его, созерцая, осуществляясь и осознавая единство потока, протекающего через всю жизнь. Тогда мы начинаем постигать это. Ум, на религиозном языке зовущийся Всемогущим, а на мистическом языке — Божественным умом; это он является глубиной всей жизни, глубиной всякой активности; той глубиной, с которой связаны все деятельности вместе и каждая порознь. Есть лишь одна религия. Молитва мистика обращена именно к этой красоте. Его работой является забыть себя, растворить себя в ней как пузырек в воде. Волна осуществилась: «Я — море». И, ниспадая в океан, она, тем самым, простирается перед своим Богом. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИРОДА УМА

Глава 5. МЫСЛЬ И ВООБРАЖЕНИЕ

Процесс мышления может быть расчленен на две части: воображение, являющееся следствием произвольного действия ума, и мысль, которая есть результат его преднамеренной работы. Исходя из этого, мыслящий человек не обязательно должен обладать развитым воображением, равно как человек, обладающий богатым воображением, необязательно должен быть глубокомысленным. У обоих качеств — свое место. Но при этом человек, имеющий привычку размышлять, однако неталантливый в сфере воображения, более далек от красоты, проявляющейся через поэзию и музыку, так как они продукт воображения. Если уму дозволяется поступать, как он того хочет, он танцует, как ему вздумается, и его движения творят образ; а мы называем это поэзией, живописью или музыкой. И в какой бы из этих форм он ни проявлял себя — он прекрасен.

Люди смеются над теми, кто имеет богатое воображение. О таких говорят: «Он витает в облаках, он грезит». Но ведь все музыкальные, живописные и поэтические произведения проистекают из воображения, ибо воображение — это свободное цветение ума, когда тому позволено, работая самостоятельно, проявлять красоту и гармонию, что содержатся в нем. Когда его ограничивают обязательными принципами или правилами, он не действует свободно. Вне всякого сомнения, вы найдете среди художников и музыкантов множество мечтательных и непрактичных людей, но это не означает, что от этого они менее талантливы. Возможно, даже наоборот: их непрактичность некоторым образом помогает им совершать то, чего практичные люди сделать не могут. Можно не следовать их опыту, но, тем не менее, высоко оценивать его. И вот еще что, ни один человек не способен верить в Бога, никто не может любить Бога и никто не достигает состояния присутствия Бога, как только с помощью воображения. Те, кто спорят с верующими, говоря: «Где он, ваш Бог? Вы можете показать Его? Можете вы объяснить Бога?» — у них отсутствует воображение. И нет никого, кто мог бы одарить их своим воображением.

Можно ли верить в веру другого? — Если кто-то способен верить во что бы то ни было, он должен делать это сам. И из чего формируется вера? — из воображения. Вот говорят: «Если бы Бога не было, его надо было бы придумать». Но никто не способен достичь Бога, если он не способен его придумать. Те, кто беспокоят себя по поводу абстрактного Бога, не имеют Бога: они только лишь используют слово. Нет, они не лишены истины, но они не имеют Бога.

Истина без Бога не приносит удовлетворения. Достигать истину следует через Бога; только это дает удовлетворение. Если б всю силу, которую можно извлечь из пищи, сосредоточить в одной таблетке, возможно, она и позволит вам пребывать в живых, однако она не даст вам понятия о радости вкушения пищи. Если кто-то съест таблетку истины, возможно, какая-то часть его существа и будет удовлетворена, но это не будет истинное удовлетворение. Идея Бога питает человека, но прежде он должен ощутить ее в себе, с помощью своего воображения. Если же он не желает применять воображение, а лишь ждет, что Бог придет к нему, он может прождать долго.

Кто-то, возможно, спросит: «Хорошо ли это — обладать сильно развитым воображением?» Быть сильным — это хорошо. У того, кто обладает силой, сильное

воображение, и мысли его тоже сильные. Однако если взглянуть чуть глубже, сильное воображение означает силу, исходящую из кого-либо, но простирающуюся без его контроля. Отсюда сильное воображение далеко не всегда приносит желаемые результаты. Что в действительности желательно, так это сила мысли. Ибо, что есть мысль? Мысль — это самонаправляемое и контролируемое воображение.

Разница между человеком мысли и человеком воображения состоит в том, что один думает, применяя волю, в то время как другой ее не применяет. Если вы однажды узнали ценность воли, вы понимаете, что в мире нет ничего более драгоценного. Естественно, вследствие этого, в уме думающего человека возникает вопрос: «Есть ли у меня воля? Сильная или слабая у меня воля?» Ответ: «Никто не способен существовать без воли, она есть у каждого».

Непроизвольная деятельность ума продуцирует воображение; но цена воображения зависит от того, что делает из него ум. Если ум ориентирован на высокий уровень, тогда и воображение будет более высокого уровня; если же ум не ориентирован на высокий уровень, то и воображение будет не на высоте.

Воображение обладает своим местом и своей ценностью. В каком же случае оно имеет ценность? — В том, когда сердце настроено на такую высоту, что воображение не может свернуть куда-либо еще, кроме как в рай. Сердце, настроенное любовью, гармонией и красотой, даже не желая того, непроизвольно растекается; и в этом своем движении оно реагирует на все, к чему прикасается, и выражает это в какой-либо форме. И когда оно выражает это в форме линии, цвета или слова, возникает искусство — живопись, музыка, поэзия. В таком случае воображение обретает ценность. Когда же мы обращаемся к бизнесу, к науке, ко всем тем областям, что связаны с нашей повседневной жизнью в миру, лучше отложить воображение в сторону и работать с помощью мысли.

Как день и ночь равно полезны, как равно необходимы отдых и действие, так и мышление, и воображение имеют в нашей жизни свое место. К примеру, если поэт использует волю, чтобы направить свое воображение, это будет уже мысль, и притом весьма жесткая. Для поэта более естественное позволит своему воображению свободно дрейфовать в пространстве, и, если оно к чему-либо прикоснется, дать своему сердцу выразить это. То, что выражается, это и есть вдохновение. Если же человеку надо заниматься бизнесом, тогда не стоит позволять своему сердцу растекаться в пространстве, вы должны думать о земных делах и быть очень внимательным с цифрами.

Но и человек воображения, и человек мысли могут попадать в чрезвычайные обстоятельства и переживать падение. Только соблюдение баланса между тем и другим приносит желательные результаты. Если человек — думает, он становится благоразумным, точным и глубокомысленным. Однако и думающий человек может надумать такое, что смутится своим собственным мыслям. Есть множество мыслителей, которые думают так сильно, что становятся бездумными.

Теперь, если обратиться к более глубокой метафизике: что формирует мысленную картину? Это очень тонкий вопрос. Ученый-материалист сказал бы, что существуют «атомы» мыслей, которые группируются и образуют формы; соединяясь вместе, они составляют мыслеформу. И, если бы он желал быть еще более объективным, то сказал, что в мозгу существуют крохотные мыслительные «кадры», наподобие кино, и что, двигаясь в последовательности, они-то и образуют форму. Материалист не видит дальше своего тела и оттого тайну всего в жизни желает найти в своем теле и вообще в физическом мире.

В действительности мозг — это всего лишь инструмент для того, чтобы делать мысли более ясными. Мысль больше, обширнее, глубже и выше мозга. Мысленная картина составляется из впечатлений ума. Если у ума не было впечатлений, мысль не будет ясной. К примеру, слепой, который в жизни не видел слона, будет неспособен сформулировать идею слона: у его ума нет формы, готовой составить по приказу воли. Ибо для того, чтобы составлять что-либо, ум прежде должен это знать. Вследствие этого ум можно представить, как склад всех форм, которые человек видел когда-либо... Но разве форма не может отразиться в уме слепого? Может, но только она будет неполной. Когда мысль проецируется на слепого, он воспринимает лишь половину ее, потому что он неспособен воспринять ту часть, которую должен извлечь из своего собственного ума. Таким образом, он воспринимает только отражение, проецируемое на него. Исходя из этого, у него существует смутное представление о предмете, но полностью уяснить его себе он не может, потому что ум его не сформировался для подобной идеи.

Форма мысли, овладевающей умом, отражается в мозгу. Мозг можно уподобить фотопластинке: и наши собственные мысли, и мысли других «падают» на мозг подобно тому, как падает отражение на фотопластинку. Но существует еще и другой процесс, и состоит он в том, что, подобно фотографии, мысль преобразуется. Как же она преобразуется? Существует ли некий «раствор», в который погружают «фотопластинку»? Да, существует, и это — интеллект: посредством интеллекта процесс развивается и делается более ясным для внутренних чувств. Под внутренними чувствами здесь имеется в виду некая внутренняя часть чувств, ибо мы переживаем различные вещи посредством пяти внешних органов, что дает нам идею пяти чувств, но в действительности есть только одно чувство.

Существуют прозорливые люди, которые видят различные цвета мыслей, фантазий и чувств и различные невидимые формы мыслей и чувств. Несомненно, эти формы и цвета, скорее, символические, нежели реальные. Цвет мысли соотносится с состоянием ума, он отражает тот элемент, к которому мысль относится, будь то огонь, вода или земля. Это означает, что, если, к примеру, за мыслью стоит элемент огонь, он продуцирует свой цвет вокруг мысли — в качестве окружающей ее атмосферы. И когда такие, видящие люди видят форму мысли, выражаемую в форме цвета, они понимают: все, что ни окружает данную мысль, соотносится с ее характером.

Мысль, связанная с земными делами, имеет отношение к элементу земли; мысль любви и взволнованности представляет элемент воды; мысль мести, разрушения, обиды, зла связана с органом; мысль энтузиазма, мужества, надежды, устремленности олицетворяет воздух; мысль уединенности, одиночества, покоя, мира — из области эфира. Таковы преобладающие характеристики мыслей в их связи с пятью первоэлементами.

Ни один элемент не преобладает над другим. Преобладание же мыслей соответствует точкам зрения ума. К примеру, человек, стоящий на земле, видит перед собой горизонт — это его точка зрения. Другой человек стоит на вершине башни, и оттуда ему виден более широкий горизонт. Его точка зрения иная. От точки зрения зависит, будет ли мысль преобладающей или же подчиненной. Кроме того, в отношении какой-либо мысленной картины никто ведь не может заявить с точностью: «это подчиненная мысль» или «это преобладающая мысль». Мысль не разменная монета, которая может быть более крупной или более мелкой; то, что делает ее таковой, это побуждение, лежащее за ней.

Ум — творец мысли и воображения. Он — та почва, из которой произрастают «растения», обретающие форму мыслей или фантазий. Все они живут там, хотя, по мере

прорастания новых растений, те, что были сотворены раньше, исчезают из нашего поля зрения, и только новые, расцветая, предстают перед нашим сознанием. Именно поэтому мы не можем много размышлять на тему ушедших мыслей и фантазий — ведь их нет перед нами; но в то же самое время, когда бы вы ни пожелали отыскать мысль, которую раз сформулировали — она может быть немедленно отыскана, ибо все еще существует в мозгу.

Та часть мыслей, которую мы не можем увидеть немедленно, называется подсознанием. Созданием же зовут то, что пребывает на поверхности, ту часть наших мыслей и фантазий, которая возникла у нас только что, и на которые мы пока еще смотрим. Как бы там ни было, если у человека однажды возникла фантазия или мысль, она все еще существует.

В какой же форме она существует? — В той форме, которую придал ей ум. Душа принимает форму в физическом мире, форму, которую она в этом мире «одалживает». Так и мысль принимает форму, которую одалживает в мире ума. Причем, чистый ум способен придавать мысли определенную жизнь, определенную форму, беспорядочный же ум производит неопределенные неотчетливые мысли. Истинность данного положения можно видеть на примере сновидений: сновидения человека с чистым умом ясны и отчетливы, у человека же с неочищенным умом сны смутны. Кроме того, чрезвычайно интересно наблюдать, что сны художника, поэта, музыканта, живущих в мире красоты, думающих о красоте — прекрасны, сны же тех, чей ум опасается впасть в смущение, имеют тот же характер, что и их ум.

Это доказывает, что именно ум придает мысли «тело», ум снабжает формой каждую мысль, и в этой форме мысль способна существовать. При этом форма мысли очевидна не только тому, кто ее думает, но и тому, кто воспринимает, тому, в чьем сердце она отражается. Отсюда между людьми существует молчаливое общение — отражение мыслеформ одного человека в уме другого. И эти мыслеформы могущественней и яснее слов. Часто они впечатляют гораздо более чем произнесенные слова, потому что язык ограничен, в то время как мысль обладает значительно более широким полем выражения.

Глава 6. ВНУШЕНИЕ

Нам трудно даже представить себе, сколь сильно в своей повседневной жизни зависим мы от внушения, и особенно в том, как складываются наши мнения о других людях. Любые похвала или порицание кого-либо, коснувшиеся наших ушей, в ближайшее же время делаются для нас реальностью; мало найдется в мире людей, способных отвергнуть приходящее к ним от кого-то другого внушение. И это несмотря на то, что сами они к предмету внушения могут быть совершенно безразличны. Как легко мы впадаем в предубеждение против кого-либо, кого в жизни в глаза не видели и знать не знаем, просто оттого, что вам о нем что-то сказали! И что самое интересное, к похвале мы можем относиться с сомнением, а вот порицанию — доверяем. Причина данного явления состоит в том, что наш жизненный опыт делает из нас пессимистов. Вся порочность, все зло, с которыми мы сталкиваемся, производят на нас столь глубокое впечатление, что со временем мы невольно начинаем чувствовать, что все, что ни существует — порочно и несет в себе зло. Когда мы слышим о ком-то нечто хорошее, мы прежде всего в этом сомневаемся; мы думаем, что, возможно, тот, кто рассказывает нам об этом, заблуждается, что, очевидно, он не осведомлен о

действительном положении дел, или что нам надо подождать, пока мы не узнаем больше об этом человеке, который столь подозрительно хорош... Когда же дело касается порицания кого-либо, нам и в голову не приходит подождать, пока мы встретимся с человеком лично, узнаем его и увидим, в чем же его вина; мы верим мгновенно.

Размышляя над психологией толпы, мы видим, сколь часто великие люди, поистине трудившиеся на благо своих товарищей на любом поприще, хоть раз услышав нечто недоброжелательное в свой адрес, впадали в недоброжелательство. Сегодня, когда наша жизнь чрезвычайно насыщена механичностью, и все мы столь зависим от того, что день ото дня говорят газеты, мы изменяем свои мнения о людях коллективно, не зная причины ни отчего их превозносят, ни почему их порицают.

Когда до людей начинает доходить, что значит внушение, большинство реагирует на это отрицательно, что неверно. Так, к примеру, они начинают думать, что сказать кому-то: «Со мной все в порядке», уже является внушением, и удивляются, узнав, что это не так. Но они не знают, что внушения, приходящие к нам произвольно и в любых формах, воздействуют на нас с утра и до вечера. И не столь важно, принимаете ли вы внушения или отвергаете их, сколь важно понимать, что для нас полезно, а что вредно. Так внушения, достаточно, чтобы люди поверили в то, что в доме завелась нечистая сила, этого само по себе уже довольно, чтобы они почувствовали испуг или недомогание.

Внушения о том, что нам могут встретиться трудности, и будут производить трудности. Внушения, проистекающие от людей, говорящих: «Этот человек вас любит», «этот человек вас не любит», — все они столь сильно воздействуют, что человек очень часто приобретает убеждение о чем-либо, еще раньше, чем начнет пытаться узнать правду об этом. Среди сотен людей вряд ли найдется хоть один, кто захотел бы узнать правду прежде, чем воспринять внушение; чаще всего он даже не беспокоится на этот счет. Легче всего поверить в то, что нам скажут, сразу, и тут же сформировать суждение: тогда нам ни о чем не надо беспокоиться. Вот почему мы с готовностью принимаем внушения, и, таким образом, вся наша жизнь состоит из внушений. Но это ведь тяжело для того, о ком мы формируем отрицательное мнение на основании всего лишь чего-то услышанного. Кем бы он ни был — нашим родственником, другом, слугой или начальником — в любом случае, это несправедливость... Но и это еще не все. Когда человек слышит о ком-либо нечто негативное и формирует свое мнение об этом, мнение его действует против того человека, заставляя его быть таким, каким его считают.

Вот так многие не развивают в себе чувство справедливости, способность понимать верно, из-за того, что зависят от мнения других. И когда такой человек оказывается в положении, где ему приходится иметь дело с большим количеством людей, и его суждение обладает для них весом, и от него зависят изменения в их жизни, много людей испытывают страдание. Это часто случается с занимающими высокое положение, когда у них нет ни времени, ни склонности побеспокоить себя вникнуть в обстоятельства тех, кто от них зависит. Бывает, самые преданные и верные друзья порывают друг с другом из-за слабости воспринимать чужие внушения. Такое случается и среди родственников, вызывая разрыв без причин.

Лучший способ противодействовать внушению — попытаться докопаться до фактов. Но очень часто человек действует так: пытается обнаружить их в свете все того же внушения о них. Это как в истории об Отелло, который, начав подозревать Дездемону, интерпретировал все факты в таком свете, как это было внушено ему.

В соответствии с метафизикой, одним из способов устранения из ума эффекта внушения является концентрация. Две вещи достигаются при помощи концентрации: первая — утверждение мысли в чем-либо уме, вторая — устранение ее. Когда вы

практикуете концентрацию, вы способны устранить любую мысль, какую ни пожелаете, и вживить ту мысль, которую вы желаете удержать в своем уме.

Но кроме того, с точки зрения морали, человеку следовало бы держать уши и глаза закрытыми для всего неприятного, дисгармоничного и безобразного, всего, что настраивает одного человека против другого. Нужно не обращать на это внимания. В нашей жизни может быть увидено столько красоты — стоит только отвести взгляд от всего уродливого, от всего нежелательного, и обратить их на все, что прекрасно и приятно. Ибо если мы желаем чувствовать себя обиженными, оскорбленными и озабоченными, всегда найдется не одна — тысячи причин для беспокойства, и единственный способ вырваться из них — не замечать их.

Некоторые люди, как представляется, имеют склонность всегда придерживаться противоположного тому, что им внушается. Это другой род слабости, показывающий, что они не только не доверяют другому человеку, но также не доверяют и себе. Естественное и нормальное состояние ума — овладевать вещами и обстоятельствами: и если от кого-то исходит внушение — осмысливать его. Осмысливая, нам не нужно ему верить, но не нужно ему и противодействовать. Ибо все, что ни на есть, является внушением, хорошо это или плохо. Неправда, что внушения всегда вредны — часто они полезны, и если человек противостоит любым внушениям, он оттолкнет и все полезное по той же причине, что он боится.

В этом мире существует много людей, которые готовы защищать себя еще прежде, чем на них совершено нападение. Никто не имеет намерения напасть на них, а они уже готовы к обороне. Есть и такие, кто, прежде чем кто-либо оскорбил их, уже готовы к нападению, они воображают, что у людей есть такое намерение... Все это неверные наклонности ума, и с ними необходимо бороться с целью хранить ум в чистоте. Чтобы очистить свой жизненный путь, надо хранить в чистоте умонастроения.

Не допускать проникновения вредных внушений в свой ум означает бороться, но если человек не знает, как именно надо бороться, он будет только поддерживать своей борьбой те же самые внушения. К примеру, если борющийся с болезнью, будет говорить себе: «Я не болен, я не болен», — пока эти два слова, «нет» и «болен», соединены, он будет продолжать болеть. Или если человек, страдающий от бедности, говорит: «Я не беден», — несмотря на «не», здесь присутствует «беден»; и оттого его бедность останется при нем. В то время как он борется с чем-либо, оно постоянно занимает его ум, он не хочет этого, и, тем не менее, оно там, в его сознании, и он не может от него освободиться. В отношении внушения надо действовать мудро.

Природа ума такова, что самое глубокое впечатление производит первое внушение, и все последующие внушения способны произвести лишь более слабый эффект. Следовательно, если однажды на человека произвело впечатление нечто неверное, в результате чего он сформировал неверное суждение изменить его чрезвычайно сложно. Кроме того, есть люди, которые «зацикливаются» на своих мнениях: не они имеют мнение — мнение имеет их; и если у них однажды сложилось представление, ничто не может изменить его, потому что оно — мертвое, оно как скала. Скала стоит там, где стоит, она не живое существо, способное двигаться...

Человечество сильно страдает от этой слабости, укоренившейся в нашей расе, и так как в мире недостает психологического знания, то она день ото дня распространяется все шире. Если прежние времена люди страдали оттого, что вынуждены были зависеть от мнения одного человека, то теперь мы страдаем оттого, что зависим от мнения огромного количества людей, воздействующих на нас постоянно, механически... Сколько личностей появлялось лишь за последние годы, чтобы «просиять» миру, сколько людей завоевали популярность на время, и сколько утратили популярность! А

причина в том, что масса действует механически и при этом не знает реального положения дел. Она знает лишь то, что ей говорится. Через газеты ли, через другой ли канал формирования мнения, сказанное становится мнением толпы. И часто она судит неверно, она редко когда бывает права... Для улучшения состояния человечества, людей надо с детства учить понимать, что такое механическая работа ума и в чем разница между ней и работой ума при участии воли.

Может ли человек с помощью внушения одолеть все, что угодно? Может. Но об этом невозможно говорить. Есть много величайших вещей, которые могут быть исполнены, но когда о них хочется сказать, это слишком сложно. Не только другие не поверят, но и сам человек не поверит себе, если начнет говорить об этом. Если же оставить это произнесенным — еще более великие вещи могут быть осуществлены, такие, что трудно и представить...

Впечатление и вера

Цвета и формы произвольно внушают нам некие мысли и чувства. Цвета, которые мы носим, цвета, окружающие нас, воздействуют на нас и создают определенную атмосферу. Как-то раз я пошел в один новообразованный клуб, где некоторые его члены сказали мне: «В этом доме определенно есть злой дух: с тех пор, как у нас открылся здесь клуб, каждый раз, как мы собираемся, у нас происходит ссора!» Я обратил их внимание на стены той комнаты, где они проводили свои встречи: они были оклеены красными обоями. Я сказал им: «Все дело в этих красных обоях: они апеллируют к огненной стороне вашей природы, и, если у вас есть склонность к воинственности, они провоцируют вас на нее».

Древние ордена мудрецов, святых и созерцателей знали это и выбирали цвета для своей одежды и окружающей обстановки, держа эту мысль в уме. Ныне данная идея упускается из виду, и люди надевают те цвета, которые соответствуют моде сезона, не зная, что эти цвета внушают им и другим людям. То же самое с формой вещей. Если объект обладает соразмерной формой, он внушает ритм и гармонию, если же он непропорционален, то внушает противоположное.

В древние времена существовали поверья, касающиеся добрых и дурных предзнаменований. Одно из них основывалось на идее, что всякий цвет имеет на человека воздействие, и, если человек собирается что-то делать, от этого воздействия зависит будет ли его деятельность успешной или нет. Впечатление, которое производят цвета, столь сильно, что способно влиять на то, что человек делает. Было также поверье, что если встретить калеку в то время как собираешься что-то осуществить, судьба принесет тебе болезнь. И не только больной человек, но все дисгармоничное, что вы видите в такой момент, действительно производит впечатление на вашу душу своей искривленностью. Мы можем не знать о значении черт лица, но каждый испытывает на себе их воздействие.

Приобретая это впечатление, человек не догадывается об этом, потому что внушаемого ему их формой, он не способен описать — хотя и чувствует. Ведь этот язык не имеет слов. Хотя он и передает нечто, однако человеку далеко не всегда просто сделать перевод даже для себя самого.

Боль и дискомфорт часто имеют длительное действие благодаря силе внушения. Как только мы чувствуем дискомфорт или боль, ум начинает повторять: «Мне больно, мне плохо», - и это внушение добавляет еще боли, как будто подливает масла в огонь. Очень часто человек устает еще прежде, чем сделает какую-либо работу, потому что его

предыдущий опыт усталости внушает ему это. И таких случаев много, когда люди устают из-за существующего в их уме впечатления, которое внушает им, что они устали. То же и со слабостью: если однажды на человека произвела впечатление его слабость, немощность его тела, это впечатление продолжает воздействовать на него. И когда какой-либо добрый друг попытается помочь ему, сказав: «Ты выглядишь очень неважно сегодня», — это только усугубляет дело.

Существует еще одна, чрезвычайно важная сторона проблемы внушения, заключающаяся во впечатлении, производимом на совесть. Например: «Я сделал плохо», «Я сделал нечто несправедливое», «Я поступил неблагородно, это ниже моего достоинства»... Несомненно, подобное впечатление производит лучшая сторона человеческого существа, но результат часто бывает отрицательным. А дело вот в чем: вначале возникает ощущение, что что-то сделано неверно, затем, со временем, оно притупляется, и человек начинает мириться с ним и думать, что все в порядке. Но так как впечатление, что что-то неправильно, осталось и продолжает свое воздействие, человеку становится все хуже и хуже. Вот так часто тот, кто однажды попал в тюрьму, продолжает совершать те же преступления. Причина в том, что у него в уме отпечаталось преступление, а чувство, противостоящее преступлению, стало притупленным. Он привыкает как к преступлению, так и к наказанию. Другими словами, он, своего рода, жертва обстоятельства.

То же самое относится и к детям. Если на ребенка произвело впечатление, что он сделал нечто хорошее, и что мы восхищаемся этим и говорим: «Это очень хорошо», или если ребенок сам думает: «То, что я сделал — хорошо», — Это продолжает действовать у него внутри. Таким образом, он может совершенствоваться день ото дня.

Оттого, что люди в древности признавали власть внушения, они давали своим детям имена, значения которых могли внушать им определенные идеи. Это естественно: если человек слышит свое имя сто раз в день, ему сто раз внушается нечто. Он может не осознавать этого в тот момент, но глубины его сознания воспринимают внушение, и он развивает данное качество, ибо такова природа человеческой души.

Данная идея очень мало известна миру, но чем более она будет становиться известной, тем больше люди будут понимать ее ценность. И потому нужно быть благодарным тем, кто начинает постигать эту идею и распространяет ее среди своих друзей. Ничто не способно произвести на вас более сильное внушение, чем ваше собственное имя, ибо в нем содержится произвольное внушение. Каждый раз, как мы слышим, что нас окликают, наше имя производит определенное чувство не только в нашем сознании, но и в уме тех, кто нас зовет. Это чувство возникает самопроизвольно и также производит действие в нашу пользу.

Большинство людей дают имена бездумно или бессмысленно, и это, конечно, не может производить положительного результата. Если, к примеру, человеку дается имя, по созвучию близкое к чему-то вроде «мучение», то жизнь этого человека может, в конце концов, и стать мучением. Хотя в случае, если родители, дающие ребенку имя, не знают, какое взять, деятельность космических сил может самопроизвольно внушить им некое особое имя, и тогда это имя определит судьбу ребенка.

В обычае великих мистиков давать людям лучшие имена с целью произвести лучшие результаты. Бывает имя, данное мудрецом или мистиком в момент глубокого чувствования, исходящее из самого его сердца, изменяет всю судьбу человека с того дня, как он получил данное имя. Это не умозрение, но часто повторяющийся реальный опыт. Есть много примеров того, как жизнь людей, получивших имя в качестве благословения от духовного человека, меняется: бедный становится богатым, глупый —

мудрым, незаметный — великим или знаменитым. Мы знаем так мало о могуществе имени...

Ничто не производит на человека более сильного впечатления, нежели его успехи или провалы, слабые и сильные стороны, удачи и несчастья, печали и радости и, к величайшему сожалению, его недостатки, ибо, когда самовнушение недостатков происходит долго, куда оно заводит? Оно приводит к полному падению чувства собственного достоинства, и, естественно, человек вынужден будет нести этот крест. В подобном случае та часть его натуры, которая могла бы противостоять краху, начинает притупляться, пока не приводит его к безнадежности.

Существует множество препятствий такого рода, как если человек говорит: «Когда я среди людей, я становлюсь нервным, робким. Меня просят сказать или сделать что-то, а я не могу...» Все это внушение. Наполеон никогда бы не сказал «не могу». Говоря «Я не могу», человек производит самовнушение и тем ослабляет свою энергию, с помощью которой в ином случае он мог бы это выполнить. Допуская мысль «У меня нет сил, у меня нет энергии, у меня нет умственных способностей», вы действуете против себя.

Часто люди, разочаровавшиеся в жизни, говорят: «Мое сердце мертво», - но в действительности, это они внушают себе, что их сердце лишилось жизни. От иных можно услышать: «Я больше не могу никого любить». Но ведь мы вышли из любви, мы рождены любовью, мы — это сама любовь; так как же мы можем больше не любить?.. Все это — внушения, нежелательные и глупые, действующие против нашей жизни: когда люди воображают, что их никто не любит, что все их ненавидят, что все завидуют им; такая мысль, развиваясь в их собственном уме, естественно, отражается на других и создает тенденцию ненавидеть и не любить.

Мы должны всегда помнить, что человек создан Богом не так, как плотник вырезает из дерева, ибо плотник отличен от дерева, человек же создан из самого Бога, следовательно, все, что есть в Боге, есть и в человеке. Все различные силы и свойства, в которых мы нуждаемся в жизни, доступны нам, если только мы не отвергаем их существования в нас самих. Но если мы не признаем, что они в нас есть, тогда, разумеется, жизнь лишит нас этого дара, который являющегося нашей собственностью по праву. Как может человек быть удачливым, если он верит и думает, что все, к чему он ни прикоснется, начинает идти неверно? Как может он быть любимым, если несет в своем сердце мысль, что каждый, кто его ни увидит, не любит его, ненавидит его, избегает его, затевает что-то против него? Никто не является его врагом, кроме него самого. С подобным отношением к себе человек становится самым худшим своим врагом.

Конечно, такая идея не должна удерживать нас от культивирования принципа скромности. Если человек, не учившись, говорит: «Я это умею», — это не значит, что он тут же станет обученным этому. Если, не имея голоса, вы заявите, что вы тенор, это не сделает вас тенором. Не имея определенных качеств, не нужно заявлять о них, хотя можно их предчувствовать и ожидать. Но при этом не стоит говорить, что ты не имеешь на них права. Ведь человек может сказать: «Я имею право на все то, что открывает дверь продвижению вперед». Ибо как только человек допускает, что он не обладает этим свойством, этой силой, этими мыслительными способностями, этим даром, он сам, собственной персоной закрывает для своего духа эту возможность. Следующая история является примером скромности вкупе с внушением. Раб по имени Аяз снискал такое расположение султана, что тот сделал его хранителем своей сокровищницы. Самые дивные, драгоценные предметы и камни были отданы под его ответственность. И это разгневало окружение султана: подумать только, раб возвышен до их уровня и обладает

таким доверием... Они постоянно пытались довести до сведения султана недостатки, которые им удалось подметить у раба. Однажды некий придворный сказал: «Аяз ходит в сокровищницу каждый день и иногда остается там часами, даже когда в этом нет нужды. Он, несомненно, ворует драгоценности из казны».

Каждый день султан слышал что-нибудь против Аяза, и, в конце концов, он сказал: «Если все это действительно так, я должен пойти и увидеть своими глазами». И он пошел и сделал отверстие в стене, так, чтобы можно было видеть и слышать, что его раб там делает. Султан стоял снаружи и подглядывал, когда Аяз пошел и закрыл дверь. Сначала он открыл сундук, в котором хранились дивные драгоценности, затем из того же сундука вынул нечто, что он там хранил. Он поцеловал это, прижал к глазам и вслед за тем развернул сверток. ... И что же это было? Это была та одежда, в которой он был куплен, будучи рабом. Он снял свою одежду придворного и надел одежду раба, встал перед зеркалом и сказал: «Аяз, помнишь ли ты сегодня, чем ты был прежде? Ничем. Раб, приведенный к властителю, чтобы быть проданным. Властитель увидел в тебе нечто. Возможно, ты не заслуживаешь этого, но сделай все возможное, чтобы быть преданным тому, кто сделал тебя тем, что ты есть. Никогда не забывай день, когда ты носил это рубище, дабы ты не гордился перед теми, кто служит под твоим началом, и никогда не позволяй чувству благодарности оставить тебя, ибо благополучие отравляет. Сохраняй рассудительность и благодари Бога. Моли Его даровать султану долгую жизнь и будь благодарен за все, что тебе дается».

Затем он снял свое рубище, сложив его обратно в сундук, запер двери и вышел. Султан приблизился к нему с расprostертыми объятиями и сказал: «Аяз, ты был хранителем моих сокровищ, теперь же ты стал хранителем моего сердца. Ты преподавал мне урок, как я должен стоять перед своим Господином, перед которым я был ничто и есть ничто».

Таким должно быть отношение. Он внушал себе не то, что ничтожен как раб, но то, что он сознает, что возвысился из этого состояния до нынешнего уровня, и что он должен доказать, что стоит этого. Когда мы начинаем осознавать нашу недостойность, наши ограничения, безусловно, это помогает нам, и все же это может реально помочь нам только в том случае, если мы имеем надежду стать лучше. Ибо если мы остановились, мы можем с тем же успехом стоять вечно. Когда человек говорит, что он слишком слаб, чтобы быть лучше, он остается там, где он есть, но, когда он делает допущение: «Да, сегодня я слаб, но завтра я буду лучше, я попытаюсь быть лучше», — такое отношение правильное. Никогда не следует позволять духу обладания мастерством, который есть в нас, притупляться чувством неспособности, ибо сущность жизни — надежда. Если мы надеемся на лучшее, мы будем лучше. Это не может быть иначе. Лучше умереть, чем утратить надежду.

Мы способны сделать что бы то ни было в том случае, если мы решились прилагать усилия. Но сложность заключается в том, что мы часто не решаемся на это. Почему? Да потому что мы не верим. Чего обычно не хватает человеку, так это доверия. Но вот что любопытно, представьте себе, что есть десять человек, и в медитации Провидение дарует им милость попросить о таком богатстве, какого они только могли бы пожелать. Попросят ли все десять одинаковое количество? Нет, потому что не найдется и двух согласных в том, сколько возможно приобрести таким образом. Один будет просить сто, другой — тысячу, третий, возможно, попросит миллион, а четвертый — ничего, потому что он не верит, что что-либо может быть ниспослано.

Река полна чистой воды, но люди, приходящие к ней, не могут взять одинаковое количество ее. Один, у кого есть стакан, возьмет стакан, другой, у кого кувшин, унесет кувшин; третий, у кого растягивающийся мех, наполнит его; а тот, кто принесет

цистерну, возьмет полную цистерну. И так с каждым из нас в жизни: мы обретаем то, что позволяет нам обрести наша вера, будь то здоровье или удача, сила, чин или духовность. То чего наша вера не позволяет нам обрести, мы не можем обрести. И трудно сказать, где пределы возможностей веры позволять нам приобретать. Ибо мы живем в мире ограничений и не можем поверить в находящееся за гранью видимого. Что удерживает нас от веры, так это впечатление от ограничений вокруг нас: мы не можем даже подумывать или поверить, что есть что-то отличное от того, что мы видим.

Как возможно обрести веру? Вот наиболее трудный вопрос, какой только можно задать, поскольку ее невозможно изучить, ей нельзя научить, это — в милости Божьей. Вера, в сущности, то же, что доверие, но только когда вера становится убежденностью, она переходит в доверие. Я помню, как мой муршид (духовный учитель), благословляя меня, дал мне напутствие: «Пусть твое доверие укрепится». Будучи молодым, я подумал: «И это все, что он хочет мне сказать? Не «вдохновения тебе», или «просветления», или «процветания», или еще чего-нибудь?!» Но когда я думаю об этом теперь, я знаю, что в этом благословении было все. Когда вера укрепляется, мы обладаем всем. Если нам чего-либо недостает в жизни, это надо приписать только нашему недостатку веры. Но повторяю снова: вера — это не что-то такое, чему можно выучиться или научить, или что можно дать кому-либо, это нисходит по милости Божьей.

Утверждать, что веришь — одно, реально же верить — совсем другое. Многие говорят, что они верят, но немногие верят в действительности. Да, существуют моменты, когда человек испытывает «приступ веры», но затем наступают и другие моменты, когда он испытывает «приступы безверия». Если же это состояние исчезнет, и возникнет поток неизбывной веры, тогда, как река, что достигает океана, душа человека достигает совершенства.

Слово и голос

Все впечатление, которые мы приобретаем, производит наша жизнь, и наиболее сильное впечатление исходит от слова. В Библии сказано: «В начале было Слово. И слово было Бог». Это говорит нам о творческой силе слова; слово столь же обладает способностью творить, как сам Бог. На Востоке детей из благородных фамилий учили, с раннего возраста избегать слов и выражений, которые могут повлечь несчастье, таких, к примеру, как употребляют мальчишки: «Я убью тебя», «Я тебя застрелю»; или как говорят девочки: «Лучше бы я умерла», «Лучше бы все это развалилось»... Детей обучали никогда не употреблять слова с разрушительным смыслом, так как нам известно, что вселенная может иметь связь с человеческим словом, и слово произнесенное может стать правдой; и потому если человек хочет сказать о чем-то, чего он не желал бы, ему лучше не делать этого. Люди не отдают себе в этом отчет. Не осознавая, как велика сила слова, они в шутку могут говорить такие вещи, которые способны повлечь серьезные проблемы как в их жизни, так и в жизни их друзей. Поэтому великие учителя создали науку слов, где повторением определенных слов можно повлиять на характер человека и окружающую его обстановку. Человек может даже, используя определенные слова, помогать другому человеку.

Человеческий характер может быть полностью изменен повторением определенных слов; результаты такого повторения могут быть поразительны...

Интонация произносимого слова, музыка фразы часто способны внушать значение, совершенно отличное от того, что реально означают эти слова и фразы. Простые слова,

такие как «да» и «нет» могут нести абсолютно разное значение в зависимости от тона. Музыка фразы может придавать мысли оттенок, как искренности, так и сарказма. Разумеется, далеко не каждый может ясно выразить, что это за интонация, которая делает значение различным, или что это за музыка, что изменяет смысл фразы, хотя автоматически каждый может сказать обыкновенное слово или фразу в том тоне, который он естественно употребляет для выражения его глубинного чувства. Однако, когда такое случается, многие заявляют, что это не их вина, если их неверно поняли, и что нечего порицать их за то лишь, что они произнесли несколько простых слов — и действительно, будь те же самые слова сказаны в ином тоне, они были бы простыми...

Если мы углубимся в предмет, то обнаружим, что каждый гласный звук является суггестивным, внушая определенные чувства, и что посредством этого имени и слова оказывают определенный эффект на говорящего и на слушателя, независимо от их формального значения. Например, интересно понять из звучания слова, почему цветок должен называться «цветок» и почему камень — «камень»? Мы чувствуем в звучании «камень», что это нечто твердое, тяжелое, и мы чувствуем в слове «цветок», что он мягкий и красивый. Те, кто говорят без понимания интонации и музыки, у кого нет интуитивного ощущения, как выражать свои мысли и чувства соответствующей интонацией, очень много теряют в жизни, ибо тем самым многое исчезает из смысла, который они желали бы выразить. Мы очень часто слышим, как люди говорят: «Я говорил ему снова и снова, но он меня не слушает...». Может быть, так происходит оттого, что они игнорировали тон и музыку речи? Психологическая причина, почему тот не слушает обязательно существует: возможно, тон был неверный, или музыка была неточна...

Голос обладает великой тайной. Голос индивидуума наводит на размышления о всевозможных вещах — не только о его мыслях, чувствах и действиях, но о степени его эволюции: о его прошлом, настоящем и будущем. Если десять человек скажут одно и то же, мы обнаружим, что каждый из них внушил нам разные чувства, идущие дальше, чем слова. В то время как слово проникает не далее, чем в ухо, чувство проникает глубже — в сердце. Именно голос несет ощущение, смысл; и он выражает столь многое, что чем больше мы изучаем его, тем больше обнаруживаем, что голос имеет огромное значение. Когда человек говорит: «Я говорил, но никто не слышал меня», — он обычно понимает, что это из-за его голоса его не было слышно. Не из-за того, что он сказал, а из-за того, что заключалось в его голосе. Не каждый это заметит, но каждый чувствует это произвольно. Добрые, мудрые, глупые, слабые или могущественные индивиды — все они проявляют свой характер через голос. И не было бы преувеличением сказать, что иногда человеческий голос выражает полную противоположность тому, что говорится в словах.

Выискивая секрет языка в истории, мы обнаруживаем, что множество языков, известных нам сегодня, произошли от очень небольшого количества древних языков. Но если мы пойдем дальше того, что позволяет нам история, мы найдем, что все языки произошли от одного языка, языка, который человеческая раса знает с колыбели, языка, котором человек научился посредством интуиции. Имена, данные им вещам, были произведены от того, что внушала ему каждая вещь; он называл вещи в соответствии с тем, что он интуитивно чувствовал, глядя на них или ощущая их. Вот почему, чем ближе мы подходим к древним языкам, тем более мы обнаруживаем секрет психологического внушения. Потому что каждое слово в древних языках имеет психологическую ценность и воздействует своим смыслом настолько глубоко, что его воздействие можно уподобить тому, которое способна внушить реально существующая вещь. Наши умы, испорченные новыми языками, которые сами были искажены

смешением, не могут выражать или полностью передавать то чувство, что мы находим в древнем языке, обладающем способностью внушать не только благодаря значению слова, но благодаря природе, характеру и таинству того, с чем оно идентифицируется.

Именно на этом принципе основана мантра-йога. Слова, которые вырастали из интуиции йогов и мыслителей, которые являлись носителями значения чрезвычайной глубины, — такие слова были собраны воедино с целью использования адептами, повторявшими их и извлекавшими пользу из их повторения. Мантра-йога означает науку слов, являющихся священными и способных помогать человеку в его духовной эволюции. Йоги работают по этому принципу на протяжении тысяч лет, и они открыли великую мистерию силы слов. Суфии во все времена следовали этому же принципу использования слов, внушающих определенный смысл, который желательно извлечь наружу и сделать жизненной реальностью. Без сомнения, нужно знать значение священных слов, которые произносишь: это дает тысячекратное усилие эффекта. И, в случае, если за словом стоят сила концентрации и искреннее чувство, произносимое вслух, оно имеет большую силу, нежели концентрация в молчании.

Сила внушения священных слов производит впечатление, прежде всего на дух человека, помогая развить то качество, ту добродетель, то достоинство, ту силу вдохновения, которые это слово внушает. Механизм нашего внутреннего существа таков, что любое слово, которое человек повторяет много раз, с каждым разом становится все более живым. И если человек повторял священное слово в течение пятнадцати минут, действие этого слова продолжается в течение всего дня и ночи, так как дух повторяет его непрерывно.

Другой эффект такого повторения состоит в том, что слово отражается в универсальном духе, и тогда уже универсальный механизм начинает автоматически повторять его. Другими словами, то, что человек повторяет, Бог начинает за ним повторять, и повторяет до тех пор, пока оно не материализуется и не станет реальностью во всех планах бытия.

Существуют опасные слова. В действительности, есть так много опасных слов, что невозможно предостеречь людей от всех них. Для того чтобы избежать некоторых, несущих отрицательный эффект, существует забавный обычай в некоторых слоях общества Индии. Вместо того чтобы сказать: «Когда ты заболеешь, я навещу тебя», — там обычно говорят: «Когда твои враги заболеют, я навещу тебя».

Мистики всех времен придавали огромное значение мистерию слова, и каждый адепт, проявлявший упорство, терпение и доверие, достигал желаемого результата. Да, именно так: упорство, терпение и доверие, — все эти три момента требуются для исполнения мистической работы посредством силы повторения.

Движение

Каждое движение имеет несравненно большее значение, нежели можно себе представить. В старину люди, признавая этот факт, знали психологию движения, и чрезвычайно жаль, что наука движения и его психологического эффекта, как представляется, столь слабо известна сегодня. Движение — это жизнь, отсутствие движения — подобно смерти. Все, что проявляет себя как жизнь, в какой бы то ни было форме, является движением; все, в чем очевидны признаки смерти, в любой форме, является отсутствием движения.

Движения могут быть рассматриваемы с различных точек зрения. Существуют различные виды движения. Есть естественное, спонтанное движение; его чаще всего

можно увидеть, наблюдая за простодушным ребенком, который нигде не заучивал свои движения и на которого не оказывало воздействия наблюдение за тем, как кто-то делает нечто подобное; он просто делает их естественно, выражая чувство, которые невозможно выразить словами. Когда чувства изумления, страха, необыкновенности, привязанности или восхищения выражаются естественно, они обнаруживают гораздо больше того, что могли бы выразить слова.

Далее, существуют движения, которые могут рассматриваться как язык людей, принадлежащих к определенному сообществу, определенной семье, определенной стране или расе. Только члены данного особого сообщества знают этот язык, другие же абсолютно не осведомлены в нем. Движения, ставшие выражениями такого языка, непонятны людям, к примеру, другой страны. Однако эти движения не естественные и спонтанные, как те, о которых упоминалось выше и которые подобны языку, известному всем. Так, восточный способ подзывания человека употребляет все пальцы рук, он как бы внушает: «Я зову тебя от всего сердца»; если же человек зовет кого-то с помощью лишь одного пальца, это считается неправильным. Такой же способ подзывания существует в Италии и других средиземноморских странах. Во всех странах Востока движения могут отчасти отличаться, некоторые могут быть схожи с употребляемыми на юге Европы, но, несомненно, существуют некие психологические причины, почему эти движения похожи.

Как и слова, различные действия и движения воздействуют на нас и на других желательным или нежелательным образом. Так, приветствие, которым пользуются индусы, означает: «Мы эволюционируем, объединяясь». Соединение двух ладоней внушает мысль о единстве, поднятие их вверх означает эволюцию. Приветствие, употребляемое мусульманами — поднятие рук вверх — внушает мысль о восхождении, в любой его форме. И понимает ли человек значение приветственного жеста и делает его осознанно или неосознанно, — эффект будет тем же самым, в большей или меньшей степени. Многие императоры и короли были свергнуты с вершин своей славы при посредстве, употреблявшегося среди их ближайшего окружения способа приветствия. Таким приветствием было опускание рук вниз. Привычки, наподобие скрещивания ног во время сна, подразумевают пересечение, препятствие течению жизни, что означает препятствие всей эволюции. Когда люди скрежещут зубами ночью, это внушает мысль о разрушении; и действительно так или иначе, но разрушение проявляется как их путь в жизни. Люди имеют привычку закидывать руки за голову; это вызывает мысль о предотвращении подъема, в любой форме. У многих бывает привычка обхватывать себя руками, что, очевидно, олицетворяет идею отказа, отречения. Когда Могол, император Дели, отправился к дервишу, жившему в лесах, он и его министр увидели его сидящим, обхватив себя руками, и с вытянутыми ногами. Дервиш увидел, что они подошли и сели рядом с ним, но не изменил позы. Министр удивился этому и сделал саркастическое замечание: «Как давно, о, дервиш, вытянуты твои ноги?» Тот ответил: «Всего лишь с тех пор, как мои руки сложены». Вытягивание рук внушает мысль об алчности или желании, складывание их — об отсутствии желаний.

Иногда наш путь пересекает какой-либо человек. Если мы собираемся в это время делать некую существенную работу, это может внушить нам мысль о препятствии. Иногда мы роняем ручку, собираясь начать писать. Значит, вероятно, то, что мы собираемся написать, не будет иметь эффекта. Стакан может разбиться прежде, чем мы выпьем вино. Это может означать, что жизнь еще не готова дать нам столько счастья, сколько нам бы хотелось. Если нам принесут букет цветов, когда мы собираемся в путешествие, он будет внушать нам мысль об успехе. Все это показывает, что каждая мелочь вокруг нас внушает нам нечто и имеет некое воздействие на нашу жизнь.

В древности на Востоке, в Египте и Индии, существовали мистические танцы. Каждый танец содержал в себе целую историю, и каждая история имела воздействие на того, кто ее смотрел. Говорят, танец Махадевы покорила небеса; танец Кришны сделал его победителем Кунсы, чудовища. И среди суфиев были свои танцы дервишей, обладавшие определенным значением. Люди, игнорирующие психологический эффект, всегда терпят крах, если апеллируют только к изяществу движений. Ваджад Али Шах, а также король Бирмы стали жертвами легкомысленного отношения к красоте движений. Маги работают с помощью движения с объектами внушения.

Есть также индивидуальные движения: движения, производимые индивидуумом, проявляющим таким образом состояние своего здоровья, свои умственные способности. И таким образом можно читать состояние человека по тем движениям, которые он производит. Если вы способны вникать в движения, вы можете, исходя из того, как человек двигается, постигнуть, в порядке ли у него глаза, уши, или, может быть, у него болит еще какая-нибудь часть тела. Движения также позволяют увидеть черты характера личности, ее отношение к чему-либо, ее точку зрения, взгляд на жизнь. В движениях человека может быть усмотрена тонкость или грубость его характера, равно как и такие глубинные характеристики, как скромность или гордость также могут быть обнаружены, исходя из естественных движений личности.

Правильно ли это, делать движения? Правильно все: делать ли движения, не делать ли их, потому что у всего свое употребление и свое значение. У вещей, которые правильны — правильное использование, у неправильных — неправильное... Несомненно, также имеет значение контроль над движениями. Если человеку позволить следовать за своими движениями, мы не знаем, куда они могут его завести, но в то же самое время, подавляя движения, можно окаменеть. Существует множество людей, которые, — обладая красивыми мыслями и прекрасными чувствами, окаменевают из-за того, что контролируют свои движения до такой степени, когда человек становится подобен камню. Это можно видеть достаточно часто. Подавляя движение, человек может похоронить мысль или чувство внутри себя, и если это нежелательные мысли или чувство, лучше было бы, если бы этим движением он выбросил их из себя, вместо того, чтобы хранить. Несомненно, возможно взглянуть на данную проблему и с другой точки зрения, точки зрения самоконтроля, но это — тема аскетизма, которую мы здесь, в целом, не затрагиваем.

Далее, существуют более утонченные движения, которые относятся к области искусства. Искусство движений может быть разделено на три класса. К первому относятся грация и тонкость движений, выполняемых с мастерством и точностью, гармония, которую они выражают, и музыка, которую они имеют в самих себе. Следующий класс — движения, более полно, доносящие значение того, что говорится. Когда искусство речи и пения отделяется от искусства движения, это определено, исключает большую долю красоты и очарования, так как изначально речь, рецитация и пение неотъемлемы от движений. И, наконец, третий класс — движения, призванные иллюстрировать чувство, содержащееся в музыке, выражающие или переводящие музыку в форму движений.

Но наиболее существенным аспектом движения является то, что оно не только внушает значение, для которого оно, собственно, и предназначено, но, в соответствии со своей природой и характером, может производить впечатление на того, кто его видит или на того, кто его делает; эффект, который действует непроизвольно, формируя линию судьбы в жизни данного человека. В древние времена каждое движение, делаемое священником в процессе службы или церемонии, имело психологическое значение, и, соответственно, оно производило впечатление на тех, кто присутствовал на

службе. Ведь не только мы придаем значение движению, но движение очень часто имеет значение в себе самом, и это значение производит эффект. Не понимая значительности движений, которые он делает, человек может даже повредить себе или другим.

Как можем мы знать, какие движения полезны, а какие оказывают разрушительный эффект?.. Все, что мы хотим знать, мы можем узнать и узнаем, но часто мы не знаем чего-то из-за того, что не интересуемся. Область знания столь обширна, и тем не менее, оно рядом, потому что, как только мы заинтересовались предметом, не только мы начинаем двигаться к нему — сам предмет также двигается к нам. Для того чтобы начать открывать значение движений, их характер, их природу, их мистериальность, надо только наблюдать. Наше чувство верных пропорций, чувство красоты и гармонии начнет показывать нам, что внушает разрушение, а что — гармонию, сочувствие, любовь, красоту или утонченность. Мы должны только уделить внимание этому, и все придет. Однако для того, чтобы описать какое движение созидательно, а какое разрушительно, понадобились бы тома. Возможно, это такое же сложное и тонкое дело, как выяснение того, какое слово разрушительно, а какое созидательно и какое скрытое психологическое значение, помимо своих обычных значений, имеет каждое слово.

Наша жизнь, какова она сейчас, столь загроможденная и заполненная материальными проблемами, оставляет нам мало возможности заглянуть в глубину жизненной значительности. В течение всего дня она держит наш ум занятым на поверхности жизни, так что мы остаемся равнодушными к тому, что скрыто, движений вокруг нас и тех, что мы делаем сами. Это — род отравления. Он удерживает нас «плавающими» на поверхности, игнорирующими глубину жизни, ибо у нас нет времени думать о таких вещах. Тем не менее, эти вещи имеют свое значение, свою значительность, и производят свой эффект, независимо от того, знаем мы о них или нет.

Благословения, даваемые святыми, добрые пожелания и молитвы мастеров всегда были связаны с движением. Движения делали молитву живой, они подтверждали, что благословение даровано. Несомненно, если движение производится без молчаливой мысли и глубокого чувства, оно слабее, чем просто мысль или чувство, оно почти ничто. Но когда движение совершается с живой и искренней мыслью и с глубоким чувством, оно сделает мысль и чувство в тысячу раз более действенными.

Внушение на практике

Практическое внушение имеет четыре различных аспекта. Первый — это внушение, делаемое себе самому, которое зовется самовнушением. Второй тип — внушение, которое производится другому человеку. Третий тип — внушение, производимое низшим существам. И четвертый, который мало известен научному миру, но который всегда был хорошо понимаем мистиками — внушение, производимое предметами.

Самовнушение — это нечто, с помощью чего мы помогаем себе быть мужественными или трусливыми, здоровыми или больными, падать или подниматься, быть счастливыми или несчастными. Существуют два вида самовнушения: то, которое мы делаем себе сознательно, намеренно, и на котором базируется весь мистический тренинг, и то, которое мы делаем себе непроизвольно, не зная ни его природы, ни результатов. Последний вид внушения делается без знания, принесет ли это нам благоприятные плоды или неблагоприятные. С его помощью многие деградируют и очень немногие растут. Существует много людей, которые, не ведая того, влюблены в

неудачу. Внешне они могут говорить: «Я ненавижу это, я этого не хочу. Я не хочу быть больным, я не хочу быть несчастливym», — однако в то же самое время бессознательно они непрерывно внушают себе обратное, думая: «Я так болен, я такой несчастный, я такой тупой, я такой слабый»...

Существует также два типа внушения, производимого другим людям. Одно делается с целью помочь излечиться от болезней или улучшить жизнь, или характер. Другой тип — внушение, которое производится по глупости, или когда к последствиям равнодушны. К примеру, кто-либо говорит в шутку другому: «Я тебя сегодня застрелю». Это шутка, но он не знает, какой эффект такая шутка может произвести на его друга. Мы часто говорим в виде шутки: «Ты разоришься, если будешь и дальше проводить время таким образом», — или: «Ты что, хочешь умереть? Что ж, у тебя есть такая возможность». Вы можете говорить это, не сознавая, какой эффект это способно рано или поздно возыметь на других. Иногда, дабы продемонстрировать свою дружбу, человек говорит: «Как ты плохо выглядишь! Ты выглядишь совершенно изнуренным. Ты чувствуешь себя хорошо? Странно...» Такое внушение может сделать друга больным.

Затем, есть внушения, производимые низшим созданиям. Все домашние животные, такие как собаки, кошки или лошади, воспринимают внушение и действуют соответствующим образом. Это показывает, что неверно, как многие говорят, что низшие создания не имеют ума. Они не только имеют ум, но также и сердце, и очень часто оно проявляется более очевидно и более живо, чем у так называемых разумных существ.

И, наконец, четвертый тип внушения — внушение, которое делается предметам. В наш век материализма большинство людей этого не понимает, но с мистической точки зрения это часто столь же эффективно и удивительно, как и любые другие силы внушения, которые я упоминал. В древние времена герой, прежде чем идти в битву, обычно брал в руки меч и произносил слова верности ему, идущие из глубины сердца. Он мог сказать: «Я взял тебя в руки, чтобы ты был моей поддержкой, моей защитой и моим другом на поле брани. Все остальное я оставляю дома, тебя же одного беру с тобой, мой друг, мой любимый меч»...

В Индии музыкант, прежде чем начать играть на вине, приветствует свой инструмент, говоря: «Ты — моя жизнь, ты — мое вдохновение, ты — средство возвышения моей души. Я приветствую тебя смиренно. Ты будешь моей опорой, когда я буду играть». Никто не может знать производимого эффекта, кроме того, кто произносит такие слова: он знает, какую жизнь он вложил в предмет. Инструмент, который был предметом, превратился в живое существо.

Любые способы практики: и такие, как призывание Божественных имен, и такие, как повторение духовных песнопений в новом помещении — все это внушения, воздействующие даже на объекты. Каким бы глупым это ни выглядело со стороны, факт остается фактом: все вещи и существа представляют жизнь, единую жизнь, хотя одни более открыты внушению и чувству, в то время как другие, по видимости, менее открыты. Но и последние также открыты для внушения, это мы не открыты, чтобы увидеть, что они принимают его. Человек, который знает данную тайну, знает замечательный закон природы. Как только душа пробудилась к этой мистерии, жизнь начинает открываться ей сама, и душа входит в общение с ней.

Глава 7. ОТРАЖЕНИЕ.

Человек и животные.

Мир ума в терминах суфийских поэтов именуется «Айна хана», что означает дворец зеркал. О феноменах, которые содержит в себе этот дворец, известно очень немного. Не только среди разумных существ, но и среди низших созданий мы обнаруживаем феномен отражения.

Вызывает изумление, как крошечные микробы и черви, маленькие насекомые, живущие за счет других маленьких жизней, наступают или привлекают свою пищу. Действительно: их ум отражается на крошечных жизнях тех, кто затем становится их пищей. Это верно только до определенной степени, что у животных нет ума; на самом деле, у них нет того, что именуется умом в терминологии ученых. Но в соответствии с представлениями мистиков, ту же мыслительную деятельность, что и у человека, хотя и в меньшей степени, можно найти и у низших созданий. У них есть ум, хотя не такой ясный; и вследствие этого, в сравнении с нами, можно сказать, что он таков, как если бы они не имели ума. Но мистика считает, что, хотя он может быть и не столь ясным, тем не менее, он — тоже зеркало.

Дружба, враждебность, сражения, которые имеют место среди птиц и зверей, образование ими пар — все это происходит у них не в виде мыслей и воображения, но как передача отражения от одного зеркала к другому. Что из этого следует? Из этого следует, что язык низших созданий более естественный, чем язык, созданный человеком, и что человек далеко отошел от подобного естественного интуитивного способа выражения. Вы можете спросить любого наездника о той радости от езды верхом, которую он считает наивысшей и самой прекрасной среди всех видов спорта и удовольствий. Она, весьма возможно, и в состоянии объяснить причины этого, а причина состоит в феномене отражения: когда отражение его мысли падает на ум лошади, оба их ума фокусируются друг на друге, и лошадь знает, куда желает ехать наездник. И чем больше взаимосвязь между наездником и лошастью, тем большее наслаждение он испытывает от езды. После скачки на спине у лошади, вместо усталости, он чувствует возбуждение; его радость сильнее усталости. И чем глубже связь между умами лошади и наездника, тем большую радость от езды он испытывает. И то же самое происходит с лошастью. Со временем, и она начинает чувствовать расположенность к своему наезднику.

Существует одна история про арабского всадника, который пал на поле брани. Не было никого поблизости, кто позаботился бы о его теле, и его конь стоял рядом три дня, без еды, под палящим солнцем, до тех пор, пока не пришли люди и не обнаружили мертвого. Лошадь защищала тело своего хозяина от стервятников. Известна также история про собаку, которая выла три дня после смерти своей подруги и в конце третьего дня умерла. Такова сила отражения, с помощью которого животные взаимодействуют друг с другом.

Часто можно видеть цирковых животных, лошадей, которые замечательно делают то, что им велят. Происходит ли это благодаря уму? Они что, выучились этому? Нет, не выучились; это заключено в самом их уме. В действительности, когда человек встает рядом с ними со своим хлыстом, отражение от его ума падает на их ум. Если же их оставить одних, они даже и не подумают работать. Причина такого феномена в том, что как сказано в Коране: «Мы сделали человека господином творения». Это означает, что все создания вокруг человека, большие и маленькие, притягиваются его магнетизмом;

все они смотрят на него сверху вниз, ибо он представляет собой божество, и они бессознательно знают об этом, и безоговорочно подчиняются этому. Слоны в Бирме работают в лесах, перенося бревна, но это именно мысль человека, обучившего их, отражаясь на них, побуждает их работать.

Когда занимаешься этим постоянно, обнаруживаешь, что здесь имеет место не процесс обучения, а именно отражение: что человек думает — животные делают. Они, так сказать, становятся руками и ногами своего хозяина. Два существа становятся одним в их мысли; как говорится в персидском стихотворении: «Когда два сердца становятся одним, они сдвигают горы». Так может устанавливаться связь между человеком и животным. Но как трудно установить такое единство между людьми!..

Существует легенда о пророке Данииле, который вошел в пещеру со львами, и львы мгновенно стали ручными. Была ли то его воля? Нет. Это покой и мир сердца Даниила отразились на львах и сделали их такими же мирными. Его собственный покой стал их покоем. Могут спросить: после того, как Даниил покинул пещеру со львами, остались ли они такими же? В этом можно усомниться; но это не означает, что в них ничего не осталось от встречи, а лишь, что естественные склонности львов проснутся в них опять; но к своей природе они вернуться не раньше, чем Даниил выйдет из пещеры.

Очень часто птицы и животные, живущие в семье, предупреждают о смерти, которая произойдет в этой семье. Можно подумать, что они знают откуда-то или что у них есть в уме нечто, что думает об этом, но в действительности это отражаются в них состояние человека, мысли тех, кто его окружает, состояние космоса в это время, вся обстановка... И они начинают выражать своей 'чувство, и это чувство становится предупреждением о смерти.

Только ли домашние животные отражают? Могут ли животные проецировать свои мысли и чувства на человека? Может ли человек отражать чувство животного? Да, иногда человек, который расположен к своему животному, чувствует его боль, без какого-либо объяснения. Животное не может описать свою боль, но он чувствует, до какой степени оно страдает. Чрезвычайно интересно то, что пастухи, отражая чувства животных, издают звуки, ноют и танцуют, подражая животным, и демонстрируют при этом разными способами характерные черты животных.

Очень интересно наблюдать, как феномен отражения между человеком и животным проявляется взгляду того, кто способен видеть остро. Это доказывает нам, что язык является только внешним средством, с помощью которого мы общаемся друг с другом. Но естественным языком является отражение, которое проецируется и отражается от одного человека к другому. Этот язык универсален, и если вы его поняли, вы можете общаться не только с другими людьми, но даже с низшими созданиями. Это не сказка, когда люди говорят, что в древности святые разговаривали с животными и птицами — это правда. Только они не разговаривали с ними на языке, на котором мы разговариваем в своей повседневной жизни; они говорили на том естественном языке, на котором все души сообщаются друг с другом.

Далее, в Испании существует бой быков, а в Индии — бой слонов; хотя не часто в лесу увидишь сражающегося слона. Это умы зрителей, жаждущих, чтобы слон сражался, стимулируют его боевую природу. Тысячи людей, наблюдающих за этим родом спортивного действия, как одни ожидают боя, и это ожидание такого количества умов, отражаясь в уме несчастных животных, придает им силу и желание сражаться.

Есть заклинатели змей, которые, как полагают, выманивают их из норы. Да, они играют при этом на флейте, но не музыка, а ум заклинателя, отраженный змеей, извлекает ее из норы. Музыка здесь только предлог, посредник.

Существуют люди, которые знают магическое средство, как изгнать мух из дома или из сада. Известно, что однажды один человек оказался способен извести всех мух в одном месте. Это все его ум, отраженный на крошечных, незначительных умах... Способность воздействовать на умы насекомых является свидетельством силы, а не странностью. Вне сомнения, человеческий ум несравненно более велик по силе и способности концентрации, чем это общепринято; естественным образом, он проецирует свои мысли на те объекты, которые выбрал; но сделать это могут лишь те, кто знают, как фокусировать свой ум. Если человек изгоняет мух откуда-нибудь, это вовсе не означает, что в нем есть нечто «мушиное», а только то, что он умеет фокусировать свой ум на мухах, чего другой человек не может; потому что люди в большинстве случаев не уделяют этому внимания. Они даже вообразить не могут, что такое возможно; и поскольку они не могут сконцентрировать свой ум должным образом, то, даже если бы они обратили свое внимание в эту сторону, хотя бы ради эксперимента, они не достигли бы успеха.

Сила воли развивается фокусировкой мысли на определенном объекте концентрации; и таким образом, посредством силы воли, можно развить эту особую способность лучше, чем какую-либо другую. К примеру, те, кто в оркестре играют на медных инструментах, естественным образом развивают в себе силу дуть в эти инструменты, и потому они будут способны также играть и на деревянных инструментах — таких как кларнет или флейта. Однако, в то же время, если они практиковались играть на трубе, они будут играть на ней лучше, чем на флейте. Потому что хотя дуть надо и там и там, но они привыкли больше к чему-то одному. Так же и с концентрацией. Например, если заклинатель змей, при всей своей силе укрощения змей, встанет рядом с банком и захочет привлечь кошелек, у него вряд ли это выйдет. Он может привлекать змей, но не кошельки... Однако, несомненно: если сила воли развита в каком угодно направлении, это окажется полезным во всем, что бы человек ни делал.

Были случаи, когда лошади оказывались способными дать ответ на такие сложные задачи, на которые не знали ответа те, кто задавал им эти задачи. И это — тоже отражение ума человека, проецируемое на ум лошади, так как сама лошадь не способна к математике. Это род медиумического процесса, посредством которого математическая идея проецируется на ум лошади; и само усилие человека заставить лошадь знать математику уже способствует успеху. При этом сила проецирования возрастает с возрастанием силы воли: и она может быть развита посредством развития воли, мысли и чувства. Есть столько всего, чему мы можем научиться в мелочах, и столько вещей могут раскрыть нам величайшую тайну жизни — если только глаза наши открыты и мы стремимся замечать...

Общение и наваждение.

Явления отражения различны по своей природе и характеру, прежде всего, по причине различия натур людей. Во-первых, человек, чьи мысли отражаются в сердце другого человека, может иметь в мысли конкретную форму, замысел или картину. В таком случае отражение четко попадает в сердце другого человека. Если же ум столь слаб, что не может соответствующим образом удерживать мысль, тогда она смещается и не может отразиться в уме другого человека. Картина будет нечеткой, если ум не в соответствующем состоянии: неясный, подавленный или слишком активный; тогда он не способен переносить отражение полностью. Ум подобен озеру: если дует ветер, вода волнуется; тогда отражение будет не четким. Так и ум. Ум, который спокоен, способен

воспринимать отражения. Ум мощный, способный создавать мыслительную картину и удерживать мысль, может проецировать свою мысль за пределы любых границ, какие только могут быть установлены, с целью помешать ему.

Можно спросить: «Отражает ли сердце ум — или же ум отражает сердце?» Во-первых, следует знать, что ум — это поверхность сердца, а сердце — глубина ума. Следовательно, ум и сердце — это одно и то же. В сравнении с зеркалом, ум — это поверхность зеркала, а сердце — его глубина; но и то, и 'другое — это одно и то же зеркало. Зеркало — хороший образ. Если отражение приходит с поверхности сердца — оно и затрагивает поверхность; если же оно идет из глубины сердца — тогда оно достигает глубины. Так голос неискреннего человека идет с поверхности — и достигает только ушей; голос же искреннего человека идет из глубины -- и проникает в глубины.

Ничто не может сместить два ума, сфокусированные друг на друге. Ни один человек, имеющий сердце, способное волноваться, и нежные чувства, не будет отрицать, что две тяготеющие друг к другу души общаются друг с другом; 'и дистанция совершенно не является препятствием этому. Разве не видели мы в последнюю войну солдатских матерей и подруг, жен и детей, уподобившихся своим дорогим и близким, сражающимся на фронте, чувствовавших их состояние и знавших, если солдат бывал ранен или убит? Можно сказать, что это мысль достигает другого человека. И, в то же время, мыслительные вибрации в самой глубине становятся намерением. Мысль, намерение, особая картина отражается, и посредством этого отражения, другой человек чувствует ее немедленно. Отражение — это не диалог. В диалоге каждое слово раскрывает идею, и идея проявляется постепенно. В отражении же вся идея выражается полностью, мгновенно, потому что все целое существует в форме картины, и эта картина отражается в уме, принимающем ее.

Именно данная теория раскрывает нам тайну связи между живыми и мертвыми. С такой позиции, идея наваждения может быть объяснена как отражение чьей-то мысли «с той стороны», прочно овладевшее существом здесь, на земле, и ставшее наваждением. Молодой анархист может убить кого-нибудь, но, в конце концов, вы обнаружите, что между ним и тем, кого он убил, не было большой вражды; за всем этим событием скрывается тайна: некий враг того человека, которого убили, — враг «по ту сторону», отразил свою мысль в пассивный мозг молодого человека, который, благодаря своему темпераменту и физическим возможностям, чувствовал склонность кого-нибудь убить, без причины, и тем самым вызвал его смерть. Подобные случаи особенно характерны для экстремистов: вследствие их экстремистских взглядов, их сердца восприимчивы; они способны легко воспринять как хорошее отражение, так и плохое, и действовать соответственно. Возможно ли, чтобы человек, живущий здесь, на земле, был способен проецировать свои мысли на кого-либо «по ту сторону»?.. Любая религия учит, что это так. Но интеллектуальное развитие в наше время совершенно не постигает этого. Однако среди индусов и по сей день, существует обычай предлагать умершему все, что он любил в своем естественном окружении — цветы, реки, горы, ручьи, деревья... Все это, любимое умершим близким человеком, оставшиеся в живых подносили ему. У некоторых народов существует обычай делать изысканные блюда или воскурять благовония, приготавливать цветы и духи. И после подношения всего этого усопшему, живые разделяют с ним это, ибо если они разделят с ним подношение — это может показаться странным, но это их опыт; то, что отражается в них и потому для них истинно: когда они присваивают себе подношение, именно через них умерший получает его. Они являются передатчиками; таков единственный способ, которым они могут передать его.

Это учит нас еще одному: те, кто оплакивают своих близких, безусловно, продолжают причинять тем, кто ушел, боль, потому что вместо того, чтобы собирать свои лучшие переживания и отражать их ушедшим, они собирают боль и предлагают умершим ее. Мудрейшее из того, что можно сделать для тех, кто ушел, состоит в том, чтобы проецировать на них мысли о радости, о счастье, о любви и красоте, о покое и мире. Именно таким образом лучше всего помогать мертвым.

Могут задать вопрос: реально ли повлиять на душу, ушедшую из этого мира, в такой степени, чтобы она оказала воздействие на ум человека для совершения определенного действия здесь, на земле? Теоретически это возможно, но зачем же беспокоить чужой дух?.. Если вы способны влиять на духов, то почему бы вам ни повлиять на тех, кто здесь на земле?..

В настоящее время, когда материализм все более превалирует, случаи наваждения распознаются чрезвычайно редко. Чаще всего те, кто одержим наваждением, отправляются в психиатрические лечебницы, где их пичкают всевозможными лекарствами и подвергают процедурам. Медики думают, что что-то не так у них в мозгу, с их умом; что-то не так у них с нервами. Но во многих случаях это неверно: это проявление наваждения, одержание. Когда человек одержим, он теряет свой ритм, свою гармонию и, вследствие этого, у него искажается самоощущение. Он чувствует себя странно. Продолжительность подобного дискомфорта вызывает нарушения в его нервной системе; вследствие этого развиваются различные болезни, но корень их — в наваждении.

Наваждения могут создавать не только мертвые, но также и живые, но наваждением это зовется лишь в первом случае, в последнем — это называется впечатлением. Но в любом случае происходит вот что: всякая душа, привязанная к земле, является либо ограничителем земной жизни, либо защитником земной жизни. Любовь вдохновителей и защитников земли изливается, подобно потоку, и, без сомнения, может достигать отдельных личностей; но в то же время, главным образом, она воздействует на множество людей. Безусловно, ее нельзя классифицировать как наваждение — ее можно назвать благодатью. Однако другие души, которые являются ограничителями жизни, отражаются в наш мир по причине своей недостаточности. И как ими бы ни были причина или недостаток, эти души всегда несовершенны — потому что они ограничены.

Творение — феномен, где каждый индивид должен иметь свободу, на которую он имеет право. Когда его лишают этой свободы наваждением, как ему ни помогай, его состояние остается ограниченным. К тому же, возможно, что наваждение чрезвычайно привлекательно для него, и одержимый следует ему. В таком случае, если излечить его от его наваждения, он утратит себя: он будет чувствовать, что его лишили жизни, которую он переживал долгое время.

Короче говоря, как общение между живыми, так и общение между живыми и душами тех, кто оставил эту землю, имеют место благодаря феномену отражения, зависящего от силы и ясности ума.

Повторение

Мысль можно уподобить проецируемой на экран киноленте: да, это не одна картинка, а ряд фрагментов картины, которые, сменяясь каждый момент, составляют ее. Так же и с мыслью: далеко не всегда человек удерживает в своем уме картину; как правило, она составляется у него в постепенности. Другими словами, мыслительная

картина состоит из частей, и, когда форма мысли близка к завершению, части соединяются и образуют одну общую картину.

В соответствии с этой теорией, мистики создали мантра шастра — науку психологических феноменов слов, которую суфии называют вазифа. В ней есть нужда, потому что удержание мысли в уме, необходимое для ее концентрации, невозможно для всякого: лишь отдельные люди могут удерживать мысль в виде целой картины. Для большинства же если и существует возможность наиболее завершенного формирования мысли, так только путем ее повторения. Именно по этой причине восточное искусство демонстрирует подобную тенденцию: если посадить живую изгородь из роз, — то есть, из розы, повторенной двадцать тысяч раз, то, в конце концов, один лишь брошенный на эту изгородь взгляд даст нам полную картину розы. Если перед человеком много объектов, ни один не удержится у него в мыслях. Вследствие этого, лучший способ, который изобрели мистики для развития силы созерцания, состоит в повторении слова, внушающего определенную мысль; слова посредством повторения, вызывающего картину определенной идеи. Просто повторения здесь недостаточно, если вы хотите достичь цели. Чтобы высечь на камне определенную фигуру, недостаточно провести линию карандашом — нужно вырезать ее. То же самое необходимо сделать в целях создания реального впечатления от идеи: глубоко выгравировать ее в подсознательном уме. Такое гравирование необходимо, и оно происходит путем повторения внушающего определенную идею слова. Никакое повторение не бесполезно, ибо каждое повторение не только дополняет, но и углубляет предыдущее, впечатление, создавая тем самым более ясное представление в подсознательном уме.

Вне мистических процессов, в повседневной жизни можно видеть, как люди повторяют в уме мысли боли, ненависти, тоски, разочарования, восхищения или любви. Бессознательная, эта работа осуществляется ими самими, — и, тем не менее, она производит глубокое впечатление на их сердце, начиная оттуда проецироваться на каждого, с кем бы они ни встретились. Невозможно не притягиваться к любящему; вследствие этого вы бессознательно тянетесь к человеку, который любит. Вы не можете также игнорировать идущее от человека чувство боли, ибо боль высечена в его сердце. Все это — феномен отражения, производимого одним умом на другой. Люди могут сидеть вместе, работать вместе, вместе жить всю жизнь, и, тем не менее, быть закрытыми друг от друга. И это — все то же отражение. Если сердце человека закрыто, его влияние проявляется в том, чтобы закрывать сердца других людей всюду, где бы он ни проходил. Даже самый любящий, и тот беспомощно почувствует, что двери его сердца закрываются, и при этом он не будет понимать, что происходит, ведь это — феномен из сферы бессознательного...

В результате отражения удовольствие и неудовольствие, привязанность и раздражение, гармония и смятение — все это ощущается без единого произнесенного слова, когда двое встречаются. Слова ведь и скрывают реальность... Если мы не видим, это не означает, что мы не можем видеть; это означает только, что глаза наши не всегда открыты; итак, мы пребываем в неведении относительно феномена отражения. Раз он существует, то нет в мире ничего, что человек мог бы скрыть. Как сказано в Коране: «В День Судный твои руки и ноги будут свидетельствовать о делах твоих». Но нам не надо ждать наступления Судного дня, чтобы увидеть этот феномен. Мы видим его и переживаем его всегда, — даже если не уделяем ему достаточно внимания. Итак, каждый момент является Судным днем, когда бы вы ни испытали по отношению к кому бы то ни было благорасположение, возбуждение, волнение или же порыв злобы, враждебности; мы не можем утаить их от другого. И нам достаточно знать эту

сокровенную правду, эту абсолютную правду единой вселенной, исходящую из того, что источник — един, цель — едина, жизнь — едина, и множество — лишь покров.

Расширение сердца

Феномен отражения таков, что каждое действие и каждая мысль отражаются в человеке, и отсюда проистекает некий результат: производится нечто, формирующее направление в жизни человека и становящееся генератором всего, что он делает, генератором его силы и мысли. Есть поговорка: «Истинное существо человека говорит громче, чем его слова». Это показывает, что в явлении отражения каждый человек предстоит перед всеми зеркалами, и нет ничего в мире, что можно было бы скрыть. Что вы не произносите, вы отражаете и, таким образом, тайн нет.

Когда Соломон говорил: «Под солнцем», — он имел в виду истинное солнце — умственную способность. В свете этого солнца все зеркала, без малейшего усилия со стороны человека, отражают все, что перед ними оказывается. Вот почему желание человека — если это действительное его желание, — рано или поздно исполняется: оно отражается в зеркалах, и посредством этого отражения обретает жизнь. Отражение дает ему жизнь, потому что зеркало не мертво; это живое зеркало — человеческое сердце. Так что нет ничего удивительного в том, что, если вы подумали о друге, он приходит к вам, хотя вы уже собираетесь делать что-то совсем другое, и его приход выглядит для вас неожиданным. Если же взглянуть на дело изнутри, то это ваше отражение коснулось мозга вашего друга и вызвало встречу.

Некто спросил мудреца: «Встретим ли мы в иной жизни тех, кто окружает нас сейчас?» Мудрец ответил: «Да. Мы встретим тех, кого мы любим и тех, кого ненавидим». Человек был более или менее удовлетворен первым и совершенно не удовлетворён вторым. Мудрец же продолжал объяснение: «Ты думаешь о тех, кого любишь больше всего и о тех, кого ненавидишь больше всего; не думать о них ты не можешь. Молится ли человек о друге или проклинает врага — он думает и о том и о другом. И самое удивительное, что он часто неожиданно, без какого бы то ни было намерения со своей стороны, встречает их». Человек спросил: «Что же здесь можно поделать?» Мудрец отвечал: «Самое лучшее не ненавидеть никого, а только любить. Это единственный выход. Как только ты просил тех, кого ненавидишь, ты избавляешься от них. Тогда у тебя не будет причин их ненавидеть — ты их просто забудешь».

Великий индийский поэт Амир сказал: «Глаза мои, вы имеете в себе свет Совершенного — и не можете видеть. Это так не из-за недостатка в вас света, это лишь потому, что вы держите себя закрытыми». Человек ищет ясного видения, он постоянно желает видеть свет, но при этом он держит закрытыми сами глаза, свой взгляд, обладающий божественным светом, и происходит это потому, что он держит закрытым свое сердце. Никто не может научить этому никого, и никто не может это приобрести — силу видеть ясно, ибо человек — видящий по самой своей природе; когда он не видит — это удивительно... Видящие не только видят индивидуума, когда тот появляется перед ними; если перед ними сидит десять тысяч человек, они способны видеть всех как единое множество и, одновременно, — каждого отдельного индивида. Так происходит потому, что чем больше становится зеркало, тем больше отражений оно приводит в согласие в себе. Вследствие этого в отражении одного человека для него в то же время может быть отражено множество: их сердца, души, умы, все... Несомненно, это начинается с видения отражения, идущего от одного человека; но по мере раскрытия сердца, оно принимает отражение множества.

Здесь лежит раскрытие тайны духовной иерархии: все это лишь расширение сердца. Не видим ли мы в нашей повседневной жизни людей, говорящих: «Я могу любить одного человека — того, которого я люблю, но других я не выношу». Это только ограничение сердца. Иные говорят: «Да, я могу любить своих друзей, тех, с кем я чувствую себя как дома; я ощущаю с ними контакт. Но это не для посторонних; я не могу их любить, для них я закрыт». И такой человек действительно закрыт для посторонних. Он может быть любящим, но в их присутствии его любовь закрывается. Но по мере того, как сердце становится более свободным от такого ограничения, оно пропорционально этому, естественным образом становится больше; потому что размеры сердца, как говорил в своих стихах Асаф, невообразимо велики. Асаф говорит, что если сердце человека раскрылось, оно может привести в согласие всю вселенную — как единая капля в океане. Оно может быть таким огромным, что будет удерживать весь космос, все, что ни на есть. И, если сердце может удерживать в себе отражение всего, оно может и видеть отражение от всего. Итак, процесс эволюции состоит в увеличении. Увеличиваться — означает становиться свободнее от ограничений; и результатом этого состояния увеличения является то, что проявляется видение.

Как это возможно, чтобы умы множества людей отражались в сердце? Точно так же, как отпечатываются на фотопластинке группы людей. Это может быть толпа — фотопластинка запечатлеет всех; если она не вмещается — значит, пластинка недостаточно велика. Сердце способно принимать отражение так же, как фотопластинка. Если оно не может их воспринять, это из-за того, что оно ограничено, мало. Жизнь как целое — абсолютный мыслительный процесс, страна зеркал, в которых отражается все. Если мы начнем глубоко размышлять над этим, мы обнаружим, что даже днем при его свете наши глаза закрыты. Мы спим...

Что мы должны исполнить в жизни в первую очередь, так это очистить отражения, исходящие из нашего собственного сердца; отражения, которые препятствуют нашему пути. Например, бизнесмен приходит к мистика и говорит: «Я не понимаю. На меня напало невезение. Я все время терплю неудачи и не понимаю, отчего. Я ходил к спиритам, я ходил к прорицателям, я ходил к астрологам. Одни говорили мне одно, другие — другое, и теперь я не знаю, что правильно». Мистик говорит: «Правильное и неправильное заключено в вас самих. Слушайте себя. Выясните, что происходит у вас в уме. Не память ли это о некоей утрате, которая могла быть у вас когда-то? Это род непрестанного голоса, идущего изнутри вашего сердца. Астролог скажет вам, что это нечто вокруг вас; спирит — что за всем этим стоит некий призрак или дух. В действительности же — хотя призраки могут существовать, а могут не существовать — это некий голос в вашем сердце говорит: «Ты проваливаешься, ты проваливаешься...» Можете ли вы успокоить этот голос, заставить его замолчать? Как только вы избавитесь от отражения данной идеи, все у вас будет в порядке». Бизнесмен спрашивает: «Что же мне делать? Как мне добиться этого?» Мистик отвечает: «Решимость. Верьте мне, с этого дня и впредь вас никогда больше не посетит мысль о прошлых неудачах. Прошлое есть прошлое, настоящее есть настоящее. Продолжайте свое дело с надеждой и мужеством, и все будет хорошо».

Вы всегда можете обнаружить, что те, кто говорят: «У меня все не так», — слышат громкий голос: это их собственные неудачи говорят с ними. И как только они окажутся способными заставить этот голос замолчать, неудачи прекратятся; в книге их жизни откроется новая страница, и они смогут смотреть вперед с большим мужеством и большей надеждой. Смел тот, кто перед лицом тысячи неудач сможет встать и сказать себе: «Теперь я не провалюсь. Провал — только подготовка к моему успеху». Вот это верный дух.

Как можно стереть все те бесчисленные «фотоснимки», которые мешают человеку? Весь процесс суфийского метода нацелен на это: сделать «фотопленку» ума чистой. Это может быть достигнуто практикой концентрации. Дикие лошади в лесу не прискачат, если вы будете их звать, и не поскачат туда, куда вы пожелаете, потому что они не обучены. Так же и наши мысли, и фантазии: они разгуливаются в уме без упряжи и поводьев. И когда их берут в руки, происходит нечто подобное тому, как в цирке, где дрессировщик говорил лошади идти — и лошадь идет; бежать — и она бежит, остановиться — и она останавливается. Работая с мыслями, человек уподобляется цирковому дрессировщику. Это первый и самый важный урок, который нужно выучить в суфийской работе, и это является основанием для всего мистицизма и философской практики: вы должны быть способны перемещать ваши мысли, как вы того хотите. Когда вы желаете думать о розе, вам на ум не должна приходиться лилия; когда вы думаете о лошади, перед вами не должен появляться слон. Вы должны не допускать посторонние мысли. Это учит вас создавать мысль и удерживать ее, а также исключать любую, которая для вас нежелательна. Таким способом вы становитесь мастером своих мыслей: вы дрессируете их, вы контролируете их, и затем вы используете их для своей пользы.

Разве это не доказывает нам, что страна зеркал — страна живого феномена? Живого, потому что зеркала — живые. И дело не только в проекции и отражении, отпечатывающихся в зеркалах, но также в феномене творчества: все, что проецируется и отражается, в то же самое время и создается; рано или поздно оно материализуется. Именно в этом суфизм полагает секрет мастерства — в том, что, помимо всех идей судьбы, мировых и небесных влияний в человеке, которая действует творческая способность его существа. Возможно, что в одном человеке творческая сила его существа работает на один процент, а девяносто девять процентов работы занимает механическая часть. В другом, кто более развит, возможно, девяносто девять процентов творческой силы задействовано, а один процент его существа занят механической работой. Это именно механическая часть существа подлежит воздействию внешних обстоятельств и окружения, и она беспомощна перед ними; и это именно творческая часть человеческого существа творит: она производит феноменальные явления. И именно в этом аспекте существа может быть обнаружено Божественное существование.

И это противоположный довод. Вы полагаете, воры, разбойники и убийцы не имеют мотивов действовать так, как они действуют? Иногда у них бывают сильнейшие мотивы.

Однако они поверхностны. Разве вор не может, в целях оправдания своих действий, сказать: «Что случится, если этот богачей расстанется с приличной суммой денег? Я — бедняк, и я смогу найти им более достойное применение. Я не взял у него ни пенса лишнего — ровно столько, сколько мне было нужно. Это даже полезно: обобрав его, я сделал доброе дело... »

Рассудок — слуга ума. Когда ум испытывает потребность превознести человека, рассудок мгновенно находит тысячу доводов, чтобы превознести его. Если же ум желает возненавидеть кого-то, рассудок сразу откапывает, по меньшей мере, двадцать аргументов в пользу подобной ненависти. Так можно видеть, как любящий способен найти в любимом тысячу достоинств и прекрасных черт, в то время как его неудачливый соперник найдет тысячу недостатков в самом лучшем человеке, какой только есть на свете, и на это у него будут свои доводы.

Французы говорят: «Vous avez raison». Можно сказать: у каждого свои мотивы. И не то, что у человека иногда бывают мотивы; нет, — они есть всегда и у каждого; весь вопрос в том, что это за мотивы, «земные» они или «небесные»; или это некие

промежуточные мотивы?.. И, естественно, что «небесные» мотивы вступают в противоречие с «земными».

Теперь, переходя к сущности предмета; откуда берутся доводы, где мы узнаем их? «Земные» доводы мы узнаем из своего земного опыта. Когда мы говорим: «Это верно, а это неверно», — это только потому, что мы в своем земном опыте убедились, что это так. Для невинного, только что родившегося на свет ребенка, который еще не выучил, что хорошо, а что плохо, это не значит ничего; он еще не приобрел «земных» доводов. Но существуют еще некие доводы, более глубокие, чем «земные». Так, человек, взявший чужой плащ, имеет своим доводом то, что был дождь; но за этим доводом существует более глубокий — что плащ не его; лучше уж он промокнет насквозь, но не возьмет чужое.

Далее, существует ощущение оснований, являющихся «небесными». Такие основания способен постичь не каждый — их открывают внутри себя визионеры, мудрецы, мистики и пророки. Именно на эти основания опираются религии; на их почве вырастают идеи мистицизма и философии, разрастаясь, наподобие растений, цветы и плодонося. Когда от ученика ожидается, что он будет слушаться доводов своего учителя, вместо того, чтобы обсуждать их, это делается для того, чтобы он распознал позади них «небесные» основания и понял, что приходит в жизни время, когда глаза человека открываются для видения сущностной основы. И как же эта основа называется? — Она называется бодхисаттва. Саттва означает сущность, а бодхи, или буддх — основание; отсюда название Гаутамы — Будда.

Как может человек достигнуть этого основания? Посредством достижения такого ритма, который зовется саттва. Существуют три жизненных ритма: тамас, раджас и саттва. Человек, чей жизненный ритм тамас, это человек земных мотивов; тот, чья жизнь является раджасом, знает нечто позади земных мотивов, нечто скрытое за ними; а тот, кто начинает жить в ритме саттвы, начинает видеть основание всех мотивов, которое является глубочайшей глубиной всего сущего и которое есть Божественная основа.

Основание связано с побуждением и с мыслью. Там, где оно связано с мыслью, основание представляет собой среднюю часть действия рассудка (соображение); наиболее глубинная его часть — то, что связано с исходным импульсом. Но только та часть основания, что вдохновляет, воодушевляет, является «божественной». Данное основание раскрывает Божественный свет; и происходит это посредством пробуждения к открытию мотива, который единственный живет в сердце Бога.

Существует предание о том, как Моисей пересекал одну страну в сопровождении Хызра, бывшего его муршидом (духовным руководителем — прим. переводчика) в то время, когда его готовили к его пророческой миссии. Первый урок, который был ему преподан, был урок дисциплины: он должен был молчать, невзирая на любые обстоятельства. Видя на своем пути дивные красоты природы, оба, и учитель, и ученик оставались безмолвными, хотя учителя глубоко трогала эта красота, и ученик чувствовал ее не меньше.

И так они достигли берега реки, где Моисей увидел маленького ребенка тонущим. Его мать громко кричала, поскольку была не в состоянии ему помочь. Моисей не мог молчать; он нарушил дисциплину и сказал: «Учитель, спасите его, ребенок тонет!» Хызр промолвил: «Молчи!» Однако Моисей не мог оставаться спокойным. Он снова воскликнул: «Учитель, Учитель, спасите же его! Ребенок тонет!» «Молчи!» — сказал Хызр, и Моисей умолк.

Но в душе Моисей не мог успокоиться; он не знал, что ему думать. «Как может учитель быть таким бессердечным, таким нечутким, таким жестоким?»

Или, может быть, он бессилен помочь?.. — спрашивал он себя. В его уме не укладывалось, что к нему; он не смел думать подобным образом, и все же, эта мысль причиняла ему огромное неудобство.

Пройдя еще немного, они увидели тонущую лодку, и Моисей сказал: «Учитель, эта лодка тонет; она уже почти совсем погрузилась!» Учитель снова приказал ему молчать. Моисей подчинился, но чувствовал он себя еще более дискомфортно.

Когда они прибыли к себе, Моисей сказал: «Учитель, я полагал, что вы спасете это невинное дитя, которое тонуло, и эту лодку, уже почти совсем погрузившуюся в воду. Но вы не сделали ничего. Я не понимаю; я бы хотел, чтобы вы объяснили мне». Учитель сказал: «Что ты видел, я тоже видел. Мы видели оба. Поэтому нет смысла пересказывать мне это, ибо я знал. Если бы я думал, что было бы лучше вмешаться, я бы вмешался. Почему ты озаботился рассказывать мне об этом и нарушил свой обет безмолвия?» И он продолжал: «Ребенок, который тонул, явился бы причиной раздора двух народов, и этот конфликт унес бы тысячи и тысячи жизней. То, что он тонул, предотвращало другую опасность, которая могла бы случиться». Моисей смотрел на него в величайшем изумлении. А Хызр продолжал: «Лодка, что тонула, была лодкой пиратов, чьей целью являлось вызвать крушение корабля, полного пилигримов, и затем забрать себе все, что там есть. Ты считаешь, что ты и я можем быть судьями порядку вещей? Судья — позади него. Он знает Свои дела; Он знает Свою работу. Когда тебе было ведено молчать, это было сделано с целью, чтобы, пока твои губы сомкнуты, ты, молча, замечал все — как это делал я».

В одном персидском стихотворении говорится: «Садовник знает, какое растение вырастить, а какое выкорчевать»...

Должны ли мы все относиться к вещам подобным образом? Должны ли мы не помогать другим? Нет, вы можете им помогать. Но в то же время, если человек духа не делает того, чего вы от него ожидаете, нет нужды обсуждать это, ибо вам должно знать, что на то есть свои основания. Не стоит судить его. Потому что чем дольше вы эволюционируете, тем сильнее ваши мотивы отличаются от общепринятых. Никто не может судить другого, но должен сам стараться делать все, что он должен делать.

Несомненно, в настоящее время огромным препятствием в развитии детей является образование. Их учат свободно обсуждать все наравне со своими родителями; но из-за этого, когда они достигают определенного возраста, они не могут остановить свои рассуждения. Прежде, чем они подумали, они уже спорят, дискутируют и спрашивают: «Почему бы нет?» «Почему?» Таким способом они никогда не достигнут Божественного основания. Ибо, чтобы достичь такого основания, необходимо отзывчивое отношение, а не утвердительное. Ребенок сегодня учится агрессивному отношению. Он выставляет свои знания против знания других. Из-за недостатка отзывчивости он теряет возможность даже прикоснуться к той сущности побуждений, которая является духом бодхисаттвы. Это всегда было очень большой проблемой для душ, стремящихся к эволюции. Что произошло с Иисусом Христом? Земное побуждение пришло в противоречие с божественным побуждением.

Однажды я наблюдал своего муршида, и в моем любознательном уме возникла мысль: «Почему человек такой великой души, как мой муршид, носит туфли, расшитые золотом?..» Но я сразу одернул себя, и это осталось только мыслью. Она никогда не соскользнула бы с моих губ — я контролировал ее. Но он узнал о ней. Закрытостью моих губ я не мог скрыть моего высокомерия; мое сердце было открыто моему муршиду как раскрытая книга. Он мгновенно видел все, что было там, внутри, и читал мои мысли. И знаете, какой ответ он мне дал? Он сказал: «Сокровища земли я имею у ног своих».

Однажды некий муршид отправился в город, и по возвращении оттуда сказал: «О, я полон радости, я переполнен радостью! Какой восторг был быть в присутствии Возлюбленного!..» Его мюрид подумал: «Ага, значит, у него там были возлюбленная и восторг; замечательно. Надо и мне пойти; может быть, и я тоже это найду».

Он обошел весь город, и когда вернулся, сказал: «Отвратительно! Как ужасен мир! Все как будто норовят вцепиться друг другу в глотку — вот, что я увидел. Я не ощущал ничего, кроме подавленности; как будто все мое существо было разодрано на куски». «Да, — сказал муршид, — ты прав». «Но объясните мне, — сказал мюрид, — почему вы испытываете такой восторг после пребывания там, а я чувствую себя таким раздавленным? Я не могу этого вынести; это чудовищно». Муршид сказал: «Ты не вошел в тот ритм, в котором был я, хотя по городу».

Здесь имеется в виду не только медленный ритм ходьбы, но тот ритм, в котором движется ум, это ритм, при котором возрастает способность наблюдать, отличающая одного человека от другого, это то, что приносит гармонию во взаимоотношения людей.

Говорящий: «Я не желаю слушать свои доводы», — несомненно, имеет на то свои соображения — как каждый человек имеет свои соображения. Но было бы, все-таки, лучше, если бы он оказался способен выслушать и понять соображения другого. Соображения можно уподобить списыванию орбит. Ум одного описывает орбиту за минуту, ум другого — за пять минут. Ум иного человека описывает орбиту за пятнадцать минут, у него еще одно соображение, отличное от других. Чем длиннее орбита, тем шире горизонт видения, и таков взгляд на жизнь.

Рассуждение подобно лестнице. С помощью этой лестницы один может возвыситься, а другой может с нее пасть. Ибо если человек не двигается в сторону подъема с помощью рассуждения, оно ведет его вниз. Потому что как для подъема на каждую ступень есть свое основание, так и для спуска с каждой ступени. Данное различие приведено здесь с целью сделать очевидным пониманию тот факт, что основание всего этого — едино; в действительности все это — одна способность. Можно расчленить тело человека на три — и все же, это одно тело, один человек. Таким образом, рассудок, — великий фактор; и возможность каждого проклятия и каждого благословения заключена в нем.

Глава 9. ПАМЯТЬ

Работа памяти имеет не творческий, а воспринимающий характер: получать впечатления и объединять их. Ряд ученых считают, что в мозговых клетках отпечатывается каждое впечатление, приходящее при посредстве органов чувств, и что это именно благодаря клеткам впечатления хранятся в мозгу до тех пор, пока у человека не возникнет потребность в них. Но это не так, хотя такую версию и можно принять в качестве символического объяснения. Ученый изображает то, что происходит на внутреннем плане, но так как он не признает внутреннего плана, он желает объяснить происходящее в терминах физического плана и зовет это мозговыми клетками. Это верно по сути; но дело здесь не в клетках, а в уме.

Память — это записывающее устройство, которое записывает все, что попадает на него через посредство пяти органов чувств. Что мы видим, слышим, обоняем, осязаем, пробуем на вкус — все запечатлевается в памяти. Форма, изображение, образ, увиденные однажды, бывает, остаются в памяти на всю жизнь, если они хорошо «записаны». В жизни мира за день можно услышать столько слов — и все же некоторые,

зафиксированные памятью, остаются на всю жизнь, столь же живые, как услышанные в первый раз. Так и музыка. Если однажды человек услышал замечательную мелодию, и она отпечаталась в его мозгу, она остается с ним навсегда. Память — это такое живое устройство, что вы можете воспроизвести «запись» в любое время: она там навсегда. Приятный аромат, ощенный однажды, определенный вкус, чувство прикосновения — все запоминается, все остается с нами.

Однако «запись» в памяти — совсем иного рода, нежели запись в записной книжке: поскольку эта, вторая мертва — то, что остается в ней, также мертво. Память же это нечто живое, и потому то, что остается в памяти, также живо и обладает живыми ощущениями. «Запись» приятного воспоминания иногда столь притягательна для нас, что мы готовы принести в жертву такой «записи» весь реальный мир. Я был чрезвычайно тронут однажды: родственники одной вдовы попросили меня убедить ее вернуться к светской жизни, возобновить общение с людьми. Я отправился к ней с таким намерением; однако она очень мягко сказала мне: «Все, что может дать светская жизнь, как бы оно ни было приятно, не доставляет мне удовольствия. Единственная моя радость — это память о моем любимом; все остальное делает меня несчастной и заставляет страдать. И только мысли о моем возлюбленном дают мне почувствовать радость». Я не смог найти слов, дабы изменить ее мнение. Я счет, что было бы грехом с моей стороны отвлечь ее от того, что доставляет ей радость. Если бы память о любимом была для нее несчастьем, я бы нашел слова; но в этом было ее счастье, ее единственное счастье. Я подумал, что она является живым воплощением сати — вдовы, приносящей себя в жертву. Я испытывал только глубокое уважение к ней: и мне нечего было сказать.

Именно в памяти сокрыта тайна рая и ада. Что такое рай и ад? Где они существуют? — В нашей памяти. Следовательно, память — нечто не такое уж малое. Это не что-то, скрывающееся в мозгу — это нечто живое и являющееся миром в себе самом.

Однако могут спросить: «А что, собственно, плохого, если человек потерял память? И чем это вызвано — нарушением мозговой деятельности?» Во-первых, в действительности, невозможно потерять свою память. Человек может утратить память, но при этом она не теряет его, потому что память — это и есть наше существо. А происходит то, что нарушение мозговой деятельности делает невозможным разглядеть то, что содержится в памяти. Отсюда, человек, потерявший память вследствие мозгового расстройства, тем не менее, как и прежде обладает ею, и эта память снова проясняется у него после смерти. Ибо ум это нечто отличное от тела; нечто отдельное, существующее независимо от тела. Ум зависит от тела лишь в получении внешних впечатлений, приобретаемых посредством органов чувств, но он независим от тела в тех сокровищах, которые он приобретает из внутреннего мира.

Поскольку мы привыкли переживать все через посредство телесной оболочки — даже наши чувства, — это временами делает нас зависимыми от тела; но это не означает, что мы не можем испытывать все то, что принадлежит к сфере ума, без помощи тела. Если бы человек сумел возвыситься над своим материальным бытием, он обнаружил бы свою память неповрежденной. Память не может функционировать в мозгу, который не в порядке, однако впечатления все так же пребывают в ней, в то время как человек «теряет» память; позже они возвращаются к нему. Единственное, чего она не делает, в то время как человек утратил память: она не фиксирует активно то, что ей предлагается.

Иметь хорошую память не просто хорошо — это блаженство. Это — признак духовности, потому что демонстрирует, что свет мыслительной способности ясен и что

он озаряет каждую частицу мозга. Хорошая память — признак великих душ. Кроме того, память — это сокровищница, где человек копит знание. Если же он не может извлечь из памяти знание, имеющееся там, его зависимость от книг стоит малого.

Нет сомнения в том, что записываемое нами на бумаге, всегда принадлежит земле: цифры, даты... Но то, что относится к духовному порядку вещей, к Божественному Закону — имеет гораздо более важное значение, и записная книжка не для него. Оно должно храниться в сокровищнице памяти? Ибо память — это не только записывающее устройство; в то же самое время она — плодоносная почва, и что попадает туда, не перестает развиваться; с ним происходит нечто. Отсюда, вы обладаете не только тем, что вы вложили — у него есть свои собственные интересы.

Но вместе с тем, мы учим на суфийском пути, как стирать из записи живую память о чем-то в прошлом. Данная работа выполняется с помощью сосредоточения и медитации. Это далеко не просто; напротив, это самое трудное, что может быть, но также и самое ценное, что может быть. Вот почему мы ограждаем наши учения от спекулирования, от всевозможных верований, доктрин и догм — ибо мы верим в реальную работу с самими собой. Что, если бы вам сказали в один прекрасный день нечто — и вы поверили бы в это, а на следующий день засомневались и перестали верить? Если бы вам сказали, что на седьмом небе существует дворец? Что бы это значило для вас? — Это только удовлетворило бы ваше любопытство, но никуда реально не вело бы вас. Вот почему мы добиваемся того, к чему стремимся, посредством медитации. Мы способны стереть из памяти все, что пожелаем, и, таким образом, мы способны сами создавать свои небеса. Весь секрет эзотеризма состоит в контроле ума и в работе с ним — так как художник работает с холстом, чтобы создать на нем то, что он желает.

Как возможно уничтожить нежелательные мысли? Надо ли их разрушать именно тому, кто их сотворил? Да, именно творец мысли должен разрушать ее; и далеко не каждый обладает силой, необходимой для этого. Только ум, достигший самообладания, способный творить все, что ни пожелает, может также и разрушать. Когда мы оказываемся способными создавать на холсте нашего сердца все, что мы пожелаем, и стирать все, что мы пожелаем — значит, мы достигли того совершенного самообладания, которое требуется нашей душе; мы исполнили то предназначение, для которого явились сюда. Тогда мы становимся владыками нашей судьбы. Это трудно, но именно это и является тем предметом, к которому мы стремимся в жизни.

Иногда память ослабевает из-за слишком сильного напряжения ее. Когда мы стараемся что-то вспомнить, это оказывает давление на то, что является естественным. Для памяти естественно вспоминать, но когда вы надавливаете на нее — «Ты должна вспомнить!» — тогда она может и забыть.

Надо стараться не отпечатывать на уме ничего более глубоко, чем ему свойственно запечатлеть. Нет необходимости усиливать работу мозга, когда мы пытаемся что-то вспомнить, потому что, усиливая ее, мы только напрягаем наш мозг. Память всецело в нашем подчинении. Если мы хотим вспомнить что-то — она немедленно предоставит это нам, безо всякого напряжения. Это автоматический процесс; она непременно предоставит в одно мгновение все, что мы пожелаем узнать. Если этого не происходит, значит, что-то с нашей памятью не в порядке.

Несомненно, при вспоминании помогает ассоциативное объединение идей. К примеру, если человек потерял мысль, говоря о лошади, ему может напомнить о ней мысль о конюшне. Вполне достаточно просто нашего внимания; не нужно употреблять силу воли, чтобы вспоминать. Люди апеллируют к неверному методу в настоящее время, когда говорят, что если вы хотите что-то вспомнить, надо применить волю.

Применяя волю, вы ослабляете себя. Кроме того, надо помнить о необходимости равновесия между активностью и покоем.

Память не покидает нас никогда. Что в действительности происходит, так это то, что, когда ум расстроен, память затемняется, потому что различие того, что она содержит, зависит от спокойствия ума. Если ум расстроен, если человек неспокоен, тогда, естественно, он не способен прочесть то, что записано в памяти. Неверно, что память способна выбрасывать накопленное в ней. Это человек всего-навсего утрачивает ритм жизни из-за перевозбуждения, нервозности, ослабленности нервной системы, нетерпения, беспокойства, страха, смущения. Все это создает род беспорядка в уме, и человек не может отчетливо ощущать то, что записано раз и навсегда в его памяти. К примеру, человек, который не может с легкостью учить стихи наизусть, чтобы улучшить состояние своего ума, должен, в первую очередь, успокоить его. Это ментальный способ. Физический способ улучшения памяти состоит в том, чтобы меньше есть и нормально спать, не работать чересчур много, не беспокоиться слишком и отстранять от себя нетерпение и страх. Не нужно работать с памятью, если вы хотите прояснить ее. Что требуется, так это обрести спокойствие, ритмичность и умиротворенность — и тогда ваша память обретет отчетливость.

Наша память — подобие более глубинной сферы. Сфера эта — вселенская, универсальная память; иными словами — Божественный ум, где мы не только вспоминаем то, что увидели, услышали или узнали, но где мы можем даже прикоснуться к тому, о чем мы никогда не слышали, чего мы не знали и не видели. Да, и это тоже возможно найти там; вот только для этого двери памяти должны быть распахнуты. я

Глава 10. СЕРДЦЕ

Наиважнейшим аспектом ума является чувство. Если эта способность не раскрыта, каким бы мудрым, разумным ни был человек, — он несовершенен: он неживой. Жизнь ума начинается с того момента, как в нем просыпается чувство. Многие употребляют слово «чувство», но лишь немногие знают, что это такое; чувство? И чем больше человек познает чувство, тем меньше он говорит о нем. Чувство столь безгранично, что если и существует в мире знак Бога, такой знак можно увидеть именно в безграничности чувства. Чувство — это вибрация, средство же ее выражения — сердце.

Когда спрашивают: «Что такое сердце? Где оно расположено?» — обычно подразумевается ответ, что сердце расположено в груди. И это верно: в груди человека существует некий нервный центр, который чувствителен к проявлениям наших чувств, и его также называют сердцем. Когда человек ощущает большую радость, именно в этом центре у него как будто вспыхивает свет, и благодаря свечению этого центра все его существо начинает светиться, и он чувствует себя так, как будто он летает. Когда же в его жизнь проникают депрессия и отчаяние, и они также производят воздействие на этот центр: человек начинает чувствовать спазм в горле, удушье; у него затрудняется дыхание, как от тяжелой ноши.

Чтобы понять, о чем идет речь, надо представить себе зеркало, находящееся в тонком существе человека и расположенное перед физическим сердцем так, чтобы быть сфокусированным на нем: чтобы в том отражалось каждое чувство. Поскольку человек пребывает в неведении относительно своей души, он не знает, ни где у него сердце, ни где расположен этот центр, в котором отражаются его чувства. Ученым известен факт, что формирование ребенка во чреве матери начинается именно с сердца. Но по

представлениям мистиков сердце, которое является началом форм, является также началом духа, делающего человека уникальной индивидуальностью. Из той реальности, которую мы зовем сердцем, происходит глубина данного духа, именно поэтому мы понимаем, что существует такая вещь, как сердце, которое является самой глубокой из глубин человеческого существа.

В наши дни люди придают меньшее значение проявлению эмоций, полагаясь больше на интеллект. Основанием этому служит то, что, встречая два типа людей — интеллектуальных и эмоциональных, они находят более уравновешенными интеллектуальных людей, нежели тех, в ком преобладают чувства. Это, несомненно, так; однако причиной недостатка уравновешенности как раз и является то, что существует сила более мощная, чем интеллект, и эта сила — чувство. Земля плодородна, но она не столь могущественна, как вода. Интеллект способен творить, но не столь мощно, как сердце и чувство. В действительности интеллектуальный человек, в конечном счете, тоже неуравновешен, если в его существе отсутствует эмоциональная сторона. Разве не существует множество людей, о которых можно сказать: «Он мне нравится, я его люблю, я преклоняюсь перед ним, но он закрывает свое сердце»?.. Тот, кто запирает свое сердце, никогда не полюбит другого до конца и не позволит по-настоящему любить себя. Кроме того, человек, живущий только интеллектом, со временем становится скептическим, во всем сомневающимся, ни во что не верящим и тем разрушающим самого себя, поскольку сила сердца не уравновешивает в нем силу его интеллекта.

Суфий полагает, что для достижения духовной реализации самым лучшим средством является сердечная преданность. Многие могут не согласиться с этим, но остается фактом: тот, кто запирает свое сердце от ближнего, делает его закрытым для Бога. Иисус Христос не говорил: «Бог есть интеллект»; он говорил: «Бог есть любовь». Поэтому если мир Божий и может быть найден где-либо, так это не в церкви на земле и не на седьмом небе, а в сердце человека. Да, именно так: местом, где вы с наибольшей определенностью можете найти Бога, является любящее сердце великодушного человека.

Большинство людей верят, что с помощью рассудка человек может чувствовать в соответствии с точными установлениями морали, однако великодушными людей делает вовсе не рассудок; и даже если они выглядят великодушными или праведными, чаще всего это подделка. Арестанты в тюрьме все как один могут выглядеть праведниками. Но если природное великодушие и праведность и могут где быть обнаружены, так это в роднике сердца, из которого берет начало жизнь, и каждая капля из этого родника — оказывается живительной силой благодати. Это доказывает, что великодушие не является «продукцией» человека, оно — само его существо. И если человеку недостает великодушия, это не из-за недостатка тренировки — хотя тренировка подчас желательна; это из-за того, что он еще не нашел своего истинного «Я». Великодушие — в самой природе человека, ибо нормальный человек непременно добр. Никто не нуждается в том, чтобы его учили жить в добре или праведности. Поскольку любовь — это светоч на пути человека, она показывает ему, что означают незапятнанность, честь данного слова, сердечное милосердие и праведность. Разве мы не встречали иногда молодого человека, который, при всей его склонности к бурным проявлениям юности, находит девушку, которую начинает искренне любить, и чье присутствие, когда он действительно полюбит ее, начинает проявлять в его жизни изменения? Он становится мягким, потому что старается сделать себя таким ради нее; он отказывается от многого того, от чего прежде никогда бы не отказался. И также там, где есть любовь, нетрудно прощать. Ребенок приходит к матери, будь он хоть тысячу раз обижен на нее перед тем,

и просит у нее прощения. Никто другой не был бы способен на такое. И сердцу матери не требуется ни минуты, чтобы простить. Потому что прощение только и ждало там, в ее сердце, момента, чтобы проявиться.

Невозможно сдерживать себя и не быть добрым, когда в вас есть чувство доброты. Тот, чье чувство направлено на другого, видит, когда тому нужно это чувство, и он высекает искру взаимопонимания в каждом, кого встречает, находя точку для вступления в контакт в каждой душе, потому что он обладает любовью. Существуют люди, которые говорят: «Но это же не мудро — отдавать себя всем и каждому с необузданной нежностью, поскольку люди в большинстве своем не заслуживают доверия...». Однако если человек добр и великодушен, это великодушные требует быть проявленным для каждого, и двери его сердца не будут закрыты никому.

Иисус Христос не только заповедал нам любить ближнего, он зашел так далеко, что велел любить врагов. Суфий поступает таким же образом. Он считает, что сердечное милосердие, проявляемое к своим ближним, это любовь во имя Бога; что же до любви ко всем и каждому, то в ней, как он чувствует, проявляется любовь к Богу. В этом суфии различаются с йогами. Йог не добр, но он говорит: «Я люблю вас всех, но я лучше буду подальше от вас, потому что ваши души плетутся ощупью в темноте, а моя душа — в свете. Ваша дружба причинит моей душе вред, поэтому лучше я буду любить вас издалека». Суфий же говорит: «Это испытание, но это должно быть испытано. Я буду принимать все, что я должен исполнять ежедневно, по мере того, как оно будет проявляться...» Поскольку он знает ценность вещей мира и не переоценивает их, он следит за тем, чтобы исполнять свои обязанности по отношению к тем, кто любит его, кто от него зависит, кто следует за ним; и он старается найти наилучший способ, как добиться мира со всеми теми, кто его не любит или презирает. Он живет в мире — и все же он не от мира. Живя в таком ключе, суфий считает, что самым главным положением в осуществлении им своего предназначения является любить человека.

Те, кто стремятся любить своих врагов, но страдают недостатком терпения, подобны горящему светильнику, в котором мало масла. Он не может гореть долго; в конце концов, пламя угасает. Таким маслом на пути любви является терпение, а кроме того — бескорыстие и самопожертвование от начала до конца.

Некоторые говорят: «Я глубоко любил однажды, но разочаровался». Это то же самое, что сказать: «Я копался в земле, но когда стало грязно, я разочаровался». Действительно, становится грязно, но с помощью терпения вы, может быть, в один прекрасный день докопаетесь до воды. Только терпение может вынести это. И только выносливость производит величие.

Подделки под золото может быть столь же красивы, как настоящее золото. Искусственный алмаз может сверкать так же ярко, как настоящий. Разница между ними в том, что один проходит испытание на выдержку, а другой нет. Однако человек несравним с предметами. В нем есть нечто божественное, и он может доказать это своей выдержкой на пути любви. Кого же нам любить и как нам любить? Что бы человек ни любил, будь то обязанность, живые существа, искусство, друзья, идеал или его близкие, — можно с определенностью сказать, что он открыл дверь, через которую он непременно должен пройти, чтобы достичь той любви, которая есть Бог. Начало любви есть прощение; оно приводит к идее любви, которая одна есть Бог. Некоторые говорят, что они могут любить Бога, но не живые существа. Но это то же самое, что сказать Богу: «Я люблю тебя, но не твой образ». Можете ли вы ненавидеть живые создания, в которых явлен образ Божий, и при этом претендовать на то, что вы любите Бога? Если вы нетерпимы, не испытываете потребности в самопожертвовании, как вы можете претендовать на любовь Господнюю? Самым первым уроком является расширение

сердца и пробуждение его внутренних ощущений. Признаки святости проявляются не в силе слов, не в возвышенном состоянии, будь то духовном или интеллектуальном, не в притягательности. Дух святой проявляет себя только в любви всех творений; это непрерывное истечение любви из божественного источника в сердце человека. Будучи однажды раскрытым, он очищает сердце. Он делает сердце настолько прозрачным, что тому раскрываются секреты обоих миров — внешнего и внутреннего. Сердце становится средством, с помощью которого душа видит все, что внутри и вовне. И тогда человек общается не только с другими людьми, но с самим Богом.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТРЕНИРОВКА УМА

Глава 11 СИЛА ВОЛИ

Воля не есть отдельный род силы: в ней заключена вся сила. Каким образом Бог сотворил мир? — Посредством воли. Поэтому то в нас, что мы зовем силой воли, в действительности есть Божья сила; сила, которая посредством нашего распознавания ее возможностей возрастает, демонстрируя себя как величайшее явление в жизни. Если позади мистерии мира явлений и существует какая-нибудь тайна, которую возможно познать, так это — сила воли. Именно с помощью силы воли исполняется все, что бы мы ни делали, физически или умственно. Наши руки, при всем их совершенном механизме, не могут удержать стакан воды, если их не поддерживает сила воли. Человек может выглядеть здоровым, но если у него упадок воли, он не в состоянии будет стоять, ибо это не тело заставляет нас стоять вертикально, но наша сила воли. Не сила тела заставляет нас двигаться, но сила воли, управляющая телом, заставляет его двигаться. Потому, в действительности, птицы летают не с помощью крыльев, а с помощью силы воли; рыбы плавают не с помощью плавников, а с помощью силы воли. Когда у человека есть воля плыть — он плывет ничуть не хуже рыбы.

С помощью силы воли человек способен на потрясающие вещи. И успех, и удача — ее проявления. Человека приводит к успеху только проявление воли; когда же его воля ослабевает, каким бы профессиональным и умным он ни был, он терпит поражение. Итак, воля — сила не человеческого уровня; это божественная сила, проявляющаяся в человеке. Ее работа с умом куда значительней, чем ее работа с телом, ибо ни один человек, ни на мгновение не может удержать мысли в уме, когда на то нет его силы воли. Если человек не может сконцентрироваться, не может хоть на миг удержать мысль, значит, у него недостает силы воли.

Теперь перейдем к вопросу, из чего состоит сила воли? Выражаясь поэтическим языком, сила воли есть любовь; в метафизических же терминах любовь есть сила воли. Когда говорят, что Бог есть любовь, это в действительности означает, что Бог есть воля. Ибо Бог проявляет любовь после акта творения; причиной же творения была воля Божья. Исходя из этого, воля является изначальным аспектом любви. К примеру, про Тадж-Махал говорят, что это символ любви одного из императоров. Но если взглянуть объективно, его нельзя назвать выражением любви; скорее, проявление воли. Ибо, по меньшей мере, начало строительства здания, сам дух, импульс, вызвавший его, можно рассматривать как проявление воли императора; но можно сказать, что когда здание было построено, оно стало выражением его любви. Когда человек говорит: «Я желаю этого, я хочу этого», — он выражает незавершенную волю; волю, которая не сознает своей силы; волю, которая не уверена в том, что она велит. Но если человек говорит: «Я повелеваю», — это значит, он определился. Человек, который никогда не способен сказать: «Я повелеваю», — не имеет воли.

Отсюда мы можем заключить, что воля есть источник и природа всех явлений. Воля — это действие души. Можно также назвать душу «Я» воли. Разница между душой и волей подобна разнице между человеком и его действием.

Воля и сознание в корне своем едины. Различными их делают два разных способа выражения одного и того же; данный дуализм проистекает из единства. То, что в выражении проявляет себя как воля, а в отклике на него — как сознание, есть ничто

иное, как само существо Бога. Иными словами, в действии оно проявляется как воля; в покое — как сознание. Это точно так же, как в основе своей звук и свет являются одним и тем же — тем, что в одних условиях посредством вибраций определенной частоты производит свет, в то время как в других условиях те же вибрации оказываются слышимыми. И так же природа и характер сознания и воли — потому что и то, и другое являются принадлежностью самой сущности Бога.

В Коране сказано: «Мы сказали: «Будь!» — и оно стало». Это — ключ к миру явлений. Прогрессивному уму, продвинутой мысли, исходя из этого ясно, что проявление вошло в существование в ответ на волю, которая выразила себя в слове: «Будь!». Этот феномен относится не только к началу вещей — он относится ко всему естеству вещей, ко всему процессу проявления.

Мы склонны смотреть на данный акт творения как на механизм — так современный человек рассматривает его; и мы не можем не думать: как механизм может существовать без инженера?.. Ведь что такое механизм? Это всего лишь выражение воли инженера; инженера, который сделал его для своего удобства. Но так как мы не видим инженера перед собой, а видим только механизм, то мы вовлекаемся в законы его работы и забываем об инженере, по чьему приказу действует весь этот механизм. Как сказал великий вдохновитель и философ Руми в «Маснави»: «Земля, вода, огонь и воздух, — все они кажутся нам вещами или предметами, но перед Богом они — живые существа. Они стоят пред Ним, как покорные слуги, и повинуются божественной воле». Часть этой воли мы наследуем — это наше собственное, божественное наследство, и наше осознание этого наследства делает его больше; если же мы не сознаем его, — оно уменьшается.

Что развивает волю, так это оптимистическое отношение к жизни; пессимистическое же отношение уменьшает ее, крадет у нее ее великую силу. Ведь если и существует нечто в жизни, препятствующее нашему продвижению, то это наше же собственное «Я». Тысячу раз доказано: нет никого в мире, кто был бы худшим нашим врагом, чем мы сами, ибо в каждой неудаче мы видим себя, какие мы есть, в своем истинном свете.

Земля хранит зерно, результатом же является распускание дерева. Так и с сердцем: сердце хранит зерно мысли, и возникающее из него растение приносит плод осуществления. Однако для этого чрезвычайно важна не только сама мысль, но сила удержания мысли. Поэтому для осуществления жизненной цели чрезвычайно важен фактор сердца. Люди часто говорят: «Я делаю все возможное, но не могу сконцентрировать ум; я не могу успокоить свой ум». Это правда; но неправда, что они делают все возможное. «Все возможное» не заканчивается таким образом; «все возможное» действительно приводит к осуществлению цели.

Ум очень похож на норовистую лошадь. Возьмите дикую лошадь и впрягите ее в повозку; это так странно для нее, что она будет брыкаться, скакать и пытаться сломать повозку. И так же уму нелегко, когда вы заставляете его избрать одну мысль и удерживать ее некоторое время. Он становится норовистым, потому что он не приучен к дисциплине. Сам по себе ум способен удерживать какую-нибудь мысль; ум так быстро ухватится за удерживание мыслей, связанных с расстройством, болью или горем, печалью, поражением, что вы не сможете избавиться от его тисков, которыми станет такое удерживание. Но если вы просите ум удержать определенную мысль, тогда он говорит: «Не буду удерживать ее»... Когда же ваш ум стал дисциплинированным с помощью концентрации, силы воли, тогда он становится вашим слугой. И когда ум стал вашим слугой — чего же большего вам желать? Теперь ваш ум — поистине ваш; вы король в своем королевстве.

Кто-нибудь может спросить: почему бы нам ни разрешить уму быть столь же свободным, как свободны мы сами? Но мы и ум это ведь не две разные вещи; это все равно, что сказать: «Пусть лошадь будет свободной, и наездник путь будет свободным». Тогда лошадь могла бы захотеть двигаться на юг, а наездник мог бы захотеть отправиться на север. И как бы они ехали вместе?.. Есть еще такие люди, которые могут сказать: «Пусть мы будем свободными, и пусть воля будет свободной». Но чем мы будем в таком случае? — Ничем. В человеческой жизни необходима дисциплина. И самодисциплина, сколь бы трудной и тиранической она ни казалась вначале, все-таки является именно тем, что в конце концов делает душу хозяйкой нашего «Я». Великие мудрецы и адепты не напрасно вели аскетическую жизнь — в этом был большой смысл. Мы не обязательны следовать им в этом, но нужно понимать, какую пользу они извлекали из нее, чего они достигали с ее помощью. А достигали они самодисциплины, развития силы воли.

Все, в чем у человека обнаруживается в жизни недостаток, проистекает из недостатка воли, и все благо, которое мы получаем, приходит к нам благодаря силе воли. Некоторые думают, что сила воли не зависит от нас, что она дана нам как милость, благословение. И она действительно не зависит от нас. Она без сомнения есть милость и благословение, но в то же самое время ее можно отыскать в нас самих: она есть мы сами, она — суть нашего существа.

Развитие воли

Сама природа той жизни, которую мы ведем, лишает нас воли. И это не только борьба, в которую мы вынуждены быть втянутыми в жизни, но собственное наше «Я», наши мысли, желания, нужды, наши побуждения ослабляют нашу волю. Знающий, каким образом внутреннее существо человека связано с совершенной волей, обнаружит, что тем, что уменьшает нашу волю, сужает ее, ограничивает, оказывается наш жизненный опыт: наши радости лишают нас воли и производят наши печали; наши удовольствия ослабляют нашу волю и производят наши страдания. Единственным способом поддержать силу воли является изучение бытия воли и анализ того, что же среди всего, что есть в нас, является волей.

Может показаться, что побуждение увеличивает силу воли, однако, в конце концов, мы обнаруживаем, что оно лишает нас ее. Мотив, побуждение — и тень, падающая на умственную способность; и это несмотря на то, что чем выше побуждение, тем выше душа, и чем более велико побуждение, тем более велик человек. Если побуждение ниже идеала, человек опускается; если оно соответствует его идеалу — он возвышается. И видение человека обладает широтой соответственно широте его побуждения, и соответственно силе побуждения велика и сила человека. Однако есть пословица: «Человек предполагает, а Бог располагает». Мы всегда стоим лицом к лицу с силой более великой, чем мы сами, которая далеко не всегда поддерживает наши побуждения. И естественно, что человек, обладающий волей, столкнувшись с более сильной волей, должен рано или поздно уступить; и, таким образом, он приобретает впечатление утраты своей собственной воли. Это только один пример; можно привести их сотню, дабы продемонстрировать, как человек, не осознавая этого, лишается воли. Очень часто человек думает, что, будучи активным или решительным, он утверждает свою волю, а будучи пассивным, он утрачивает волю. Однако это не так. Там, где есть битва, есть продвижения вперед и отступления. Но при отступлении человек далеко не всегда терпит поражение, а при наступлении не всегда достигает успеха. Тот, кто все время

применяет свою волю, перенапрягает ее и очень быстро истощает ее. Это то же самое, что быть слишком уверенным в прочности веревки, за которую вы держитесь, в то время как она трется о край острого камня. Очень часто можно видеть, как люди, заявляющие, что у них большая сила воли, терпят поражение гораздо раньше, чем те, кто о ней не заявляет.

Кроме того, всегда существует борьба между силой воли и мудростью, и самое мудрое, что можно сделать, это установить между ними гармонию. Когда человек говорит: «Я желаю сделать это; я сделаю это», — его чувство в то же самое время говорит: «Нет, ты не можешь этого сделать; ты не должен делать это.» И тогда употреби он хоть всю свою силу воли, он все равно будет неспособен это сделать, или у него получится нечто, идущее вразрез с его благими намерениями.

Таким образом, мы приобретаем возможность увидеть жизнь в ином свете: те, кто мудры, но безвольны, столь же беспомощны, как и те, что обладают силой воли, но не имеют мудрости. Нет пользы в том, чтобы выдвигать мудрость на первый план, задвигая назад силу воли, так же как бесполезно выставлять вперед силу воли, отодвигая на задний план мудрость. Что необходимо, так это соединить их в одно целое; и это может быть достигнуто посредством осознания действия обоих во всем, что человек ни делает. Одновременно можно практиковать такое соединение в своей повседневной жизни — посредством лишения себя того, что вам нравится. Если человек всегда получает все, чтобы он ни захотел, он, несомненно, обирает свою волю, так как в этом случае его воле нет противодействия.

Воля обретает стимул, когда человек лишается того, чего он хочет. Тогда воля начинает осознавать себя как живую, и она удивляется, почему бы ей ни заполучить желаемое? К примеру, человеку очень нравятся цветы персика, но одновременно он хочет, чтобы у него были персики. И вот в один момент он думает: цветок прекрасен. А вслед за тем ему приходит мысль: почему бы не оставить его на дереве? И он принимает решение не срывать цветок. Это дает стимул его воле, потому что первым его желанием было завладеть цветком; затем же его чувство пожелало дать тому развиваться. Как свет появляется из колебания, так и воля всегда возникает из колебания.

Сила воли связана с контролем, в противоположность воображению, которое, вздумай человек контролировать его, только разрушится. Ничто в мире — ни в сфере ума, ни на физическом плане, — не может происходить без участия силы воли; однако если в одних случаях сила воли полностью подконтрольна, в других ее действиях произвольно.

Существует другой враг силы воли, и это — сила желания. Иногда она лишает силу воли ее мощности, иногда же сила воли укрепляется благодаря конфликту с желанием. Учение о самоотверженности в Библии, в целом, означает сокрушение желаний. Однако это следует воспринимать не как безоговорочный принцип, но как процесс. Те, кто пытаются использовать это как принцип, несут потери; те же, кто принимают это как процесс — приобретают.

Только совместная работа мудрости и воли приводит к успешному результату. Однако у мудрости, у чувства смысла есть свой враг — недостаток спокойствия ума. Когда ум спокоен, он производит верные мысли и мудрость вздымается естественным образом, подобно фонтану. Поэтому суфии имеют различные упражнения, как физические, так и медитативные, призванные успокоить ум так, чтобы заложенная в нем мудрость могла изливаться, подобно фонтану. В беспокойной воде невозможно увидеть собственное отражение — оно видно только в воде спокойной. И наше сердце можно уподобить воде. Когда оно спокойно — мудрость истекает из него сама собой.

Если систематически развивать силу воли, то, в первую очередь, это делается дисциплинированием тела. Тело должно сидеть в предписанной позе; оно должно стоять на том месте, где ему приказано стоять. Тело не должно становиться беспокойным или утомленным из-за того, что от него требуют; оно должно соответствовать запросам человека, которому принадлежит. С момента, когда суфий начинает дисциплинировать свое тело, он начинает понимать, насколько недисциплинированным оно было всегда; затем он обнаруживает, что это тело, которое он всегда называл «своим», «собой», и для чьего комфорта он всегда делал все, что в его силах, — что этот изменник оказывается самым непокорным, самым не заслуживающим доверия...

После этого приходит дисциплина ума. Достигается она концентрацией. Когда вы желаете, чтобы ум думал о чем-то определенном, а он думает о чем-то еще, он становится чрезвычайно беспокойным: он не хочет оставаться на одном месте, потому что он всегда был недисциплинированным. Трудности начинаются, когда вы пытаетесь сконцентрироваться: он начинает скакать, тогда, как в другое время он лишь неторопливо двигался. Но уму предназначено быть покорным слугой, точно так же, как телу предназначено быть послушным орудием, с помощью которого переживается жизненный опыт. Если они не подчинены, если они не действуют так, как вы от них требуете, вы не можете рассчитывать обрести реальное счастье, реальный комфорт в жизни.

Ум можно обучать, рассматривая его как разделенную истинную реальность, наблюдая за ним, изучая его. Есть эго и есть ум; мы, эго, могли бы смотреть на свой ум и думать: «Я — это я сам; мой ум — передо мной»: — и затем анализировать то, что мы видим, воображать, что это истинная реальность, и говорить с ней, — и ответ придет. Даже животные обучаемы; так почему же человек не может обучать сам себя?.. Когда человек не может обучать сам себя, это означает всего-навсего, что он не хочет обучать себя. Это лень, род летаргии: человек не желает озабочивать себя. К примеру, очень часто, когда кого-либо просят прочитать какое-нибудь стихотворение, он говорит: «Да-да, я с радостью прочитаю — немного позже... ». Он не желает напрягать свой мозг. Вначале такие люди не желают брать на себя заботы других, потом их лень возрастает, и они могут прийти к состоянию, когда не захотят принимать не себя даже свои собственные заботы. «Это начинается с эгоизма — они не хотят думать о другом — а кончается тем, что человек не желает думать о самом себе. Тогда о чем же он думает? — Да ни о чем.

Уму следует сказать, «погляди: ты — мой ум, ты — мой инструмент, ты — мой раб и слуга, ты здесь для того, чтобы помогать мне, чтобы работать для меня в этом мире. Ты должен слушаться меня. Ты будешь делать все, что я хочу, ты будешь думать то, что я желаю, ты будешь чувствовать то, что желаю я. Ты не будешь думать или чувствовать ничего, что не желаемо мной, потому что ты — мой ум, и ты должен, в конце концов, доказать, что ты — мой». Делая так, мы начинаем анализировать наш ум. Мы начинаем видеть, где он заржавел; или, может быть, он слишком остыл — или перегрелся... Мы можем тренировать его сами, в соответствии с его состоянием, и это именно мы являемся наилучшими тренерами собственных умов — лучшими, чем кто бы то ни было еще в мире.

Воля может быть усилена практикой определенного рода: посредством приложения ее к преодолению препятствий, как внешних, так и внутренних; посредством действия образом, противоположным нашим наклонностям; посредством удерживания контроля над порывами, не позволяя им развернуться во всю силу их размаха; посредством удерживания себя от любого действия или выражения, к которому мы испытываем склонность — не позволяя одолеть себя припадкам гнева, смеха, слез

или чрезвычайной радости, или печали, или какому-либо другому настроению, но в какой-то мере меня эмоцию на противоположную ей (гнев — не мягкость, смех — на печаль, слезы — на радость); посредством контроля над эмоцией и сглаживания ее, или же посредством удерживания ее под контролем, позволяя ей протекать так, как она себе идет.

Знать точно, когда настаивать на своей воле, а когда подчиняться воле других, часто бывает трудно, и все же, временами, мы полагаем, что самое трудное — это знать, в чем состоит воля Божья, а в чем — наша собственная. Иногда мы ясно понимаем, что нам следовало бы сделать в определенном случае, какой курс нам избрать, лишь через полгода или год, или даже годы. Если бы в момент затруднения мы были такими же спокойными, как после, столь же свободными от мыслей об удовольствии, счастье, дискомфорте или утрате, могущих явиться результатом данного нашего действия, мы видели бы в тот момент столь же ясно и с очевидностью постигли бы, в чем воля Бога.

Воля может стать столь сильной, что будет контролировать все тело, делая его абсолютно здоровым. Однако в таком случае можно спросить: а как же быть со смертью?.. Смерть не есть нечто чуждое силе воли, даже более того: она обусловлена силой воли. Человек полагает, что он не звал к себе смерть. И действительно, от этого не делал; однако его личная воля ослабела, и начало проявляться воздействие некоей более сильной воли на его волю, вовлекающее ее в себя. Ибо меньшая воля всегда принадлежит большей воле. Суфии называют первую «кадр», вторую — «каза». Каза отражает в кадр свои приказы, и кадр бессознательно воспринимает их. На поверхности человек может все еще хотеть жить, в то время как в глубине своей он уже покорился смерти. Если человек не покорился смерти до того, как его жизнь будет взята у него, он не может умереть.

Покорность человеческой воли божественной воле — истинное распятие. А за распятием следует воскресение. Человек может достичь его посредством поиска воли Божьей. И это не трудно, если только вы однажды начали искать его волю. Ведь человек не знает, что такое воля Божья только в том случае, если он не пытается пробовать это узнать. Но кроме этого существует еще один урок, преподаваемый суфиями: надо искать воли своего ближнего. И вот именно это-то человек и отказывается обычно делать. Он вполне согласен осуществлять волю Божью, но когда ему предлагается осуществить волю ближнего — он отказывается...

Как бы там ни было, и в том, и в другом случае человек стремится к осуществлению радости одного и того же Существа: начинает он со смирения; когда же выучится быть смиренным в жизни и обратится к Божественной воле — тогда ему нет больше нужды быть смиренным, ибо теперь его желания становятся тождественны божественным побуждениям.

Глава 12. СОСРЕДОТОЧЕНИЕ (Концентрация ума)

Чтобы обрести знание о сосредоточении, требуется не только учиться, но также быть внутренне сбалансированным. Однако прежде, чем коснуться этого предмета, я бы хотел объяснить, какое побуждение стоит за сосредоточением. В нашей жизни существуют два аспекта: звучащая жизнь и жизнь безмолвная. Под звучащей жизнью я подразумеваю все те ощущения, которые мы переживаем посредством наших пяти органов чувств. Они отличны от той жизни, которую я бы назвал безмолвной. Если вы задаетесь вопросом: какова польза от соприкосновения с безмолвной жизнью, ответ

будет таков: польза от этого столь же абстрактна, как и сама безмолвная жизнь. Жизнь ощущений очевидна, и польза от нее очевидна; но при этом, как ограничена жизнь ощущений, так же ограничена и польза от нее. Вот почему, в конце концов, мы обнаруживаем, что все наши переживания стоят немногого. Они имеют значение только, пока переживаются нами; после же этого жизнь переживания больше не имеет значения.

Ценность безмолвной жизни не зависит ни от чего. Мы склонны приписывать ценность чему-либо, что имеет отношение к нашей внешней жизни. Безмолвная жизнь не дает нам каких-либо отдельных польз, но лишь самую главную пользу. Иными словами, если телу нанесена небольшая рана, ее можно вылечить с помощью определенного наружного лекарства; но есть другие лекарства, которыми можно лечить общее состояние, и это более эффективно, нежели наружное лечение, — хотя и менее эффективно.

Трудно сказать с определенностью, какая именно польза достигается посредством сосредоточения, однако, в действительности, с его помощью возможно добиться любого рода пользы в какой угодно сфере. Существует два рода сосредоточения: произвольное и преднамеренное. Произвольное сосредоточение можно обнаружить у множества людей, которые понятия не имеют о том, что они сосредоточиваются, и, тем не менее, они делают именно это. Сосредоточиваясь произвольно, одни делают это себе в убыток, другие — с пользой. С пользой для себя сосредоточиваются те, кто занимаются бизнесом, — или искусством; и чей ум закреплен на том, что они делают. Это те, кто могут действовать более успешно, благодаря своей сосредоточенности какова личная сила их сосредоточения, такова и их способность достигать успеха. Однажды я имел счастье слышать Падеревского*) у него дома. Он начал мягко наигрывать на фортепиано, и каждая нота вовлекала его все глубже и глубже в океан музыки. Любой восприимчивый человек ясно мог видеть, что он был столь сосредоточен на том, что делал, что забыл, где он находится. Сочинения великих композиторов, завоевывающие людские сердца, чья жизнь будет вечной — откуда они берутся?.. Из сосредоточения.

Это равным образом происходит и с поэтом, и с художником: именно сосредоточение приносит цвет и линию, творящие картину. Очевидно, что кем бы ни был человек — художником или писателем, музыкантом или поэтом, бизнесменом или рабочим, — при отсутствии сосредоточения он никогда не достигнет успеха.

Иногда сосредоточенность действует в убыток человеку. Некоторые люди считают, что они всегда несчастны, что все, что они ни делают, не будет иметь успеха, что никто их не любит, все их ненавидят... Некоторые полагают, что они не способны делать ничего, что они бесталанны, бесполезны. Иные от избытка жалости к себе думают, что они больны, и на этом пути, даже если они не больны, — они творят болезнь. Некоторые посредством сосредоточенности лелеют свою болезнь, думая о ней постоянно. И ни один врач не в состоянии вылечить их. Один старый врач как-то сказал: «Болезней много, но еще больше больных». Если человек однажды стал больным посредством сосредоточенности, его трудно вылечить. И таких случаев произвольного сосредоточения в ущерб человеку весьма много.

Преднамеренному сосредоточению обучаются мыслители, философы и медитирующие люди. Весь мистицизм, весь эзотеризм основывается на идее сосредоточения, концентрации ума. Мистическое сосредоточение может быть разделено на четыре ступени. Первая — собственно сосредоточение, вторая — созерцание, третья — медитация, и четвертая — реализация.

Первая ступень состоит в фиксации мысли на одном объекте. Человек может концентрировать внимание абсолютно на всем, с чем сталкивается, и то, на чем он сосредоточивается, имеет на него воздействие. Когда он сосредоточивается на неживом объекте, это своим действием на душу лишает ее живости; когда же он сосредоточивается на живом объекте, это, естественно, обладает животворным эффектом. В этом состоит тайна учений всех пророков и мистиков.

Такая сосредоточенность достижима тремя способами. Первый — посредством действия: человек совершает определенные движения или осуществляет действие, помогающее уму сконцентрироваться на определенном объекте. Другой способ — с помощью слов. Посредством повторения определенных слов, человек учится думать автоматически об определенном объекте. Третий способ — с помощью памяти. Память подобна строительному складу. Отсюда строитель берет все, что ему надо: черепицу, столбы, кирпичи — что угодно... Тот, кто сосредоточивается таким образом, делает то же самое, что дети, строящие домик из кубиков. Он собирает в своей памяти разные вещи, и с их помощью компокует определенные объекты с целью сосредоточиться на том, чего ой желал бы.

Что до созерцания, оно возможно только тогда, когда человек достаточно продвинулся, потому что созерцание совершается не на объект, а на идею. Безусловно, человек может считать, что он уже готов и может от сосредоточения переходить к созерцанию, однако природа ума такова, что он ускользает из ваших рук именно в тот момент, когда вы пытаетесь его удержать. Вследствие этого, прежде, чем вы действительно начинаете думать, ваш ум уже отвлекся от предмета сосредоточения, подобно норовистой лошади. Однако ум не всегда столь неуправляем; он демонстрирует неуправляемость тогда, когда хочет управлять собой сам. Это как с телом: человек чувствует себя отдохнувшим, когда сидит естественным образом; но как только он должен будет оставаться совершенно неподвижным в течение пяти минут, тело начнет ощущать неудобство. Ум заставить подчиняться еще более сложно. Вследствие этого, мистики ищут «веревку», чтобы определенным образом связать ум, дабы он не мог двигаться. Что же это за «веревка»? Такой веревкой является дыхание. Именно посредством данной «веревки» они связывают ум и заставляют его пребывать там, где они желают, чтобы он пребывал. Как птица, чтобы построить гнездо, использует свою слюну, так мистик посредством дыхания творит атмосферу, создает свет и магнетизм, в которых он живет.

В качестве одной из характеристик ума, его можно уподобить граммофонной записи: что бы на нем ни отпечаталось, он способен это воспроизвести. Другой его характеристикой является то, что он не только воспроизводит что-либо, но и воссоздает отпечатанное на нем. Если на нем записано уродство, он будет производить несогласие, негармоничность. Обучение сосредоточению очищает «запись» и побуждает ум воспроизводить то, что мы хотим, а не то, что приходит ему непроизвольно. В этом мире человек так открыт впечатлениям; он проходит по нему с открытыми глазами и ушами. Но не только глаза, не только уши у него открыты: его губы открыты, чтобы отдавать то, что вбирают его глаза и уши, и это — опасный удел...

Третьей ступенью сосредоточения является медитация. На этой стадии человек становится общительным: он общается с безмолвной жизнью, и, естественно, такое общение раскрывает ему также внешнюю жизнь. Именно в это время человек начинает открывать, что и внешняя, и внутренняя жизнь, — воистину, все, что ни на есть, — сообщается между собой. Затем он начинает постигать то, что нельзя узнать из обычного изучения или из книг: что безмолвная жизнь — это величайший учитель,

который знает все. Она не только учит, но дает тот покой, ту радость, ту силу и гармонию, которые делают жизнь прекрасной.

Никто не может утверждать во всеуслышание, что он созерцатель. Ибо медитативному человеку нет нужды произносить это вслух. Сама атмосфера, окружающая его, говорит об этом, и только она одна и может с очевидностью свидетельствовать, права это ли ложь. Като раз я спросил моего духовного учителя, как узнать того, кто знает Бога. Он сказал: «Не те, кто называют имя Бога, но те, чье молчание говорит его». Множество людей слоняется туда-сюда, выискивая чего-либо стоящего, чего-либо замечательного; но нет ничего более замечательного, чем душа человека.

Реализация является результатом трех предыдущих ступеней. В третьей разновидности опыта медитация представляет собой цель человека; на данной же, последней ступени целью медитации является человек. Другими словами, нет больше певца, который поет песню — теперь песня поет певца. Эта, четвертая ступень представляет собой род расширения сознания; это раскрытие души; это ныряние глубоко в самого себя; это общение с каждым атомом жизненного существования во всем мире; это постижение истинного «Я», в котором содержится осуществление жизненного предназначения.

Мистическое сосредоточие

Вибрации есть то, что становится слышимым; атомы же есть то, что становится видимым.

Существует два вида вибраций — тонкие и плотные, грубые; и существует также два вида атомов — тонкие и плотные. Тонкие вибрации воспринимаются не ухом, а особым органом восприятия. Это вибрации чувств, доносящие до нас нашу печаль и радость, а также доносящие их до другого человека, в определенной степени. Тонкие атомы невидимы для глаза, но также воспринимаются этим органом восприятия. Соединяясь вместе, они формируют мысль. Плотные вибрации — это вибрации звука и голоса, слышимые нашим физическим ухом, равно как плотные атомы — это атомы, формирующие субстанцию, видимую нашему глазу.

Под сосредоточением имеется в виду соединение тонких атомов на модели объектов, видимых нашими внешними глазами, так, чтобы в нашем уме сформировалась картина этих объектов. Поначалу это сложно, так как ум никогда раньше не был контролируем и потому не привык подчиняться. Он устает, удерживая сгруппированную из тонких атомов мысль. Однако если мысль удерживается чувством, тогда это способно происходить быстро и даже помимо желаний. Ибо ведь атом — это проявление вибрации, и потому, когда вибрация сохраняется неизменной, атом будет удерживаться, как сталь, прилепленная к магниту. Исходя из этого, можно сделать вывод, что сосредоточение осуществляется посредством удержания объекта с помощью чувства. В этом, в частности, состоит тайна привязанности.

Наиважнейшую роль в сосредоточении играет воля. Ее работа заключается, прежде всего, в том, чтобы отобрать атомы из кладовой памяти, затем соединить их вместе, произведя единый образ, на котором возможно сконцентрировать ум. Вот почему человек с сильной волей способен сосредоточиваться лучше, чем человек со слабой волей. Те, кто совершают великие и сложные дела, равно как те, кто достигают успеха во всем, что бы они ни предприняли, являются обладателями сильной воли. Воля

развивает сосредоточение, а сосредоточение развивает волю. Люди изменчивые, чьи мысли скачут, демонстрируют недостаток воли и недостаток сосредоточенности.

Каждый человек, связанный с мистикой или нет, естественным образом обладает способностью сосредоточиваться, в большей или меньшей степени. Разумеется, развивается эта способность посредством упражнения ее; не употребляя же эту способность, человек ослабляет ее. Мало известная миру, эта великая тайна понимаема и практикуема мистиками: если воля способна собирать вместе атомы из кладовой памяти, выстаивать из них преднамеренный образ и удерживать его, со временем для нее становится возможным управлять любыми событиями в мире, сколь бы сложными они ни являлись. Когда достигается совершенство в сосредоточении, человек приобретает власть творить чудеса: что невозможно для мира — для такого человека возможно.

Сосредоточение может рассматриваться в трех разновидностях. Первая — визуализация формы, вторая — обдумывание названия того, чья форма неразличима; третья — мысль о свойстве, находящемся за пределами названия и формы. Тот, кто не овладел сосредоточением на форме в полной мере, не должен пробовать второй вид; и только после досконального овладения вторым видом сосредоточения, он может переходить к третьему. Недостаточность владения первым видом сосредоточения скажется на втором и на третьем; следовательно, первым видом необходимо овладеть как можно лучше.

Существует три различных способа первого вида сосредоточения: визуализация формы объекта; вникание в детали формы, и одновременная визуализация множества форм.

Существует также три вида сосредоточения на названии. Первый — удерживание в уме имени человека или названия объекта, неизвестного вам и формирование образа этого человека или объекта с помощью воображения.

Второй способ — хранение в уме имени известного вам человека или названия известного вам объекта с помощью памяти о нем. Третий — удержание названия сущности, которую трудно себе представить и которая находится за пределами достижимого взглядом или умом.

В сосредоточении на свойстве также различаются три вида. Первый — сосредоточение на естественных чувствах, таких, к примеру, как доброта, великодушие, дружелюбие или сарказм. Второй вид — сосредоточение на богатстве, власти, общественном положении или личном обаянии. И третий — сосредоточение на интуиции, вдохновении, благословении, просветлении.

В сосредоточении рекомендуется продвижение постепенное, ступень за ступенью, с силой, мужеством и терпением.

Первым шагом к сосредоточению является наблюдательность. Тот, кому недостает наблюдательности, неспособен хорошо сосредоточиваться. Наблюдательность же зависит от постоянства ума, а постоянство это, в свою очередь, может возникнуть благодаря интересу. Те, кто не интересуются ничем или никем, лишены постоянства ума; те же, чей ум непостоянен, неустойчив не могут наблюдать правильным образом. Сосредоточение на духовном учителе, практикуемое у индусов и суфиев, учит именно этой тайне.

Как долго человек способен наблюдать объект, — соответственно этому длится и его память об этом объекте, являя его глазам восприятия в любое время, когда человек этого захочет. Когда мы размышляем о чем-то и не можем вызвать его в памяти, это означает, что-либо наш ум в этот момент неустойчив, либо мы были недостаточно наблюдательны в отношении объекта, когда видели его. Не существует лучшего способа

укрепления памяти, чем наблюдение отдельного объекта определенное время. Именно по взгляду наблюдательных людей можно определить наличие у них мощной воли, устойчивого ума и способности сосредоточиваться.

Любой объект, увиденный однажды глазами, сохраняется более или менее глубокого в памяти, не со временем он распадается на фрагменты. Когда человек вспоминает о нем, он посредством силы воли соединяет то, что рассыпалось, воедино.

Возникает вопрос: что заставляет объект рассыпаться? Ответ состоит в том, что тени других объектов, которые мы видим и храним в уме, падая на данный объект, разрубают его на части. И все же части каждого объекта остаются неподалеку друг от друга, и удерживает их именно их родственность. Когда человек находится в состоянии бодрствования, он группирует их благодаря силе своей воли и свету интеллекта. Во сне же он иногда не может соединить их правильно, поскольку свет его ума смутен, и сила воли немощна. Поэтому кто-то иногда может увидеть льва с орлиными крыльями или человека с ушами слона. Все вещи, виданные и невиданные, которые человек видит в своих снах, являются фрагментами более чем одного объекта, соединенными воедино таким образом, вследствие недостатка воли и интеллекта.

Сосредоточение — вещь более важная, нежели какая бы то ни было другая деятельность, ибо она — ни действие, ни бездействие, но одновременно — и то, и другое вместе. Она — действие в том смысле, что человек создает и формирует объект сосредоточения; она — бездействие в том смысле, что, удерживая объект, на котором он сосредоточивается, человек именно посредством расслабленности контролирует последующую активность ума. Он подобен наезднику, на мгновение удерживающему лошадь на задних ногах: в этот момент тот и действует, и бездействует.

Сосредоточение может быть разделено на три стадии: команда, активность и контроль. Сначала воля командует уму стать активными и сотворить желаемый объект. Далее ум немедленно осуществляет эту команду, конструируя желаемый объект в соответствии со своими возможностями. И, в-третьих, воля сдерживает дальнейшую активность ума, как мастер-наездник натягивал бы поводья своей лошади, чтобы удержать ее от дальнейшего продвижения с того места, где он желает, чтобы она остановилась.

Великим препятствием сосредоточению является мысль о своем собственном существе. Когда вы думаете о своем собственном присутствии одновременно с мыслью: «Я сосредоточиваюсь на определенном объекте», — достичь полной концентрации внимания невозможно. Чем больше из вашего сознания устраняется мысль о вашем существе, тем больше вы становитесь способными к сосредоточению. Как самосознание является врагом оратора, певца, врача или юриста, точно так же оно является величайшим врагом того, кто сосредоточивается. Сосредоточение практикуют, чтобы упразднить самосознание; самосознание является той единственной вещью, которая удерживает нас от продвижения.

Иногда человек рисует перед мысленным взором объект, и, по прошествии времени, видит его перед собой въяве. И чем более человек способен к концентрации ума, тем чаще он переживает опыт такого рода. Лично я вызываю к реальности вещи, которые я вообразил однажды, будь то хоть двенадцать лет назад.

Человек удивляется: действительно ли сосредоточение может побудить что-либо случиться с течением времени — или, может быть, сосредоточение ощущает заранее то, что случится? В действительности, и то и другое верно. К примеру, человек думал о том, чтобы купить бриллиант определенного очертания и вида. Возможно, он думал об этом сильно и глубоко в течение некоторого времени. А пять лет спустя, когда он уже совсем забыл об этом, некто дарит ему перстень с бриллиантом...

На вопрос о том, его ли сосредоточение создало для него подобный бриллиант и побудило друга подарить ему его — или же он увидел данный бриллиант в состоянии сосредоточения, потому что он должен был его получить, ответ может быть такой: несомненно, негде в запасе имелся бриллиант для него, причитающийся ему в жизни, ожидающий, что в один прекрасный день он окажется у него на пальце. Но в то же время, то, что он напряженно думал об этом, сделало так, что бриллиант попал прямо к нему, возможно, миновав других потенциальных обладателей и тем самым позволив ему избежать борьбы за него.

Хотя сосредоточение и помогает предвидеть события, однако в действительности, не сосредоточение способствует тому, что они случаются, а именно предвидение. Отсюда подобного рода мысль не нуждается в том, чтобы принадлежать кому-нибудь определенному, хотя в тот момент это может выглядеть и так. По правде говоря, ее следует называть видением или интуицией, первым — если это случается во сне, вторым — если это происходит в состоянии бодрствования.

Сосредоточение имеет власть создавать явления и предметы. Оно может приносить то, что человеку безразлично, а может создавать то, чего, в ином случае, у него никогда бы не было. Короче, владеющий сосредоточением может вознести себя с земли до неба, может превратить несчастного в самого счастливого человека на земле, может сделать так, что тот, кто всегда и во всем терпел неудачи, станет обладателем успеха.

Персидский поэт Хафиз говорит: «Не позволяй одурачить себя видом драных рукавов дервиша, ибо под этими рваными руками скрывается рука, обладающая величайшим могуществом».

Как солнце восходит, минует зенит и закатывается, так и ум имеет три чередующиеся друг за другом состояния, именуемые суфиями урудж, кемаль и заваль.

Урудж — это такое состояние ума, в котором человек думает с энергией и энтузиазмом: «Я собираюсь совершить то-то и тот-то». В целях создания желаемого, это состояние ума вырабатывает такую силу и мощь, что их избыток производит туман, часто застилающий способность к рассудительности и справедливости.

Состояние, именуемое кемаль, имеет место в то время, пока производится действие. Туман, порожденный энергией ума, достигает в кемаль апогея, что одновременно является концом эмоций, радости или печали, имеющих отношение к происходящему, потому что избыток силы начинает иссякать.

Заваль — такое состояние ума, в котором сила энтузиазма утрачена, и радость или печаль того, что совершалось, ушли в прошлое. Но память о них остается. Если впечатление печально — игры колют язвы израненного сердца; если оно радостно — ощущается приподнятое настроение, щекочущее чувства. Правда, со временем, эти чувства ослабевают и пропадают, полностью ассимилируясь существованием.

Мастером сосредоточения является тот, кто производит по своему усмотрению не только урудж, но также и кемаль, и заваль. Он добивается самоуправления, при котором грех и добродетель склоняется к его ногам, и может насмехаться над небесными наслаждениями и глумиться над адскими муками.

Секрет продления уруджа известен мистикам, и заключается он в воздержании от увлечения уруджем. К примеру, если блюдо вкусное, прожорливый человек съест его все как можно быстрее; но тот, кто желает действительно насладиться этим блюдом, должен есть его более спокойно. Алчный мог бы, взяв благоуханный цветок, захотеть вдохнуть весь его аромат в одно мгновение. В следующий момент у него может не быть желания ощущать его и наслаждаться им, а цветок уже утратил свое благоухание...

Если вы постигаете эту тайну во всех аспектах жизни, вы можете наслаждаться жизнью, и даже преходящие ее радости делать постоянными, до определенной степени.

Это то, чего желает каждая душа, но никто не способен на это, кроме мистика, который посредством терпения и настойчивости завоевал свое «Я» и через это преодоление себя овладел всей жизнью.

Жизнь мистиков поучительна для нас; посредством живого наблюдения ее мы можем постичь многое. Суфии практикуют кхилват, изоляцию, в определенное время дня, в определенный день недели, в определенную неделю месяца, в определенный месяц года. Величайшие среди них посвящают изоляции определенный период в своей жизни — в раннем или зрелом возрасте, который они называют гуша нашини. Они набрасывают на голову покрывало, прикрывающее глаза ото всех впечатлений, с целью сохранить в уме объект сосредоточения без малейших искажений. Тенденцию изоляции демонстрируют и христианские монахи, и монахини. Покрывало на голове монахини также прикрывает ее глаза от внешних впечатлений, могущих прийти справа или слева. И уединение йогов указывает на ту же тенденцию самоограничения с целью сосредоточения.

Мы, столь занятые повседневно в нашей жизни тысячей вещей, естественно, не можем нормально сосредоточиваться. Но в действительности, наша жизнь гораздо более нуждается в усилении, ведущем к уединению, и нашим первым уроком на этом пути должно стать использование этого принципа в нашей повседневной жизни. Совершая какую-либо работу, мы должны стараться удерживать наше внимание на ней, не разрешая ему отвлекаться на что-либо, каким бы важным и привлекательным оно ни выглядело. В противном случае, мы упустим и то, и другое, как в истории о собаке с куском хлеба во рту, которая вошла в воду, привлеченная своим отражением, и потеряла хлеб, который уже имела. Если мы думаем о чем-либо, мы не должны позволять другой мысли, исходящей от нас ли, или от кого угодно другого, ломать наше сосредоточение. Когда мы говорим о чем-то, мы не должны менять предмет посреди разговора: мы должны закончить одну тему, даже если она менее важна. Осуществляя этот принцип применительно к мысли, речи и действию, мы развиваем нашу сосредоточенность, в то же самое время принимая участие в наших повседневных делах.

По мере того, как цельность ума становится нашей природой, она оказывает огромную помощь сосредоточению. Люди, обладающие в жизни множеством обязанностей и множеством различных интересов, не способны сохранять цельность ума, поистине являющуюся огромной силой. Это качество может быть развито и с помощью сосредоточения, но существует также огромное количество вещей в повседневной жизни, которые помогают развить его. Первое, что существенно для того, кто практикует сосредоточение, состоит в том, чтобы позволять себе только одну мысль одновременно и занимать вместе ум и тело. Когда человек делает что-то, он не будет думать о чем-либо другом; и если он желает что-либо выдумать, он не должен делать что-то еще в это же время. Целостность ума означает полное поглощение всего вашего существа единственной мыслью, речью или действием.

У данного вопроса есть и другая сторона. Цельность ума может быть развита удерживанием его на предмете до тех пор, пока не кончится мысль, не позволением ему браться за что-либо пока она длится. Тот же закон следует соблюдать и в речи: не менять тему посреди разговора. То же самое и в отношении действия: надо заниматься чем-то одним, не предпринимая ничего иного, пока данное действие не закончено. В таком случае, можно развивать сосредоточение в любое время дня и ночи. Благодаря же обретению целостности ума, вы становитесь владельцем как своей собственной жизни, так и жизни в целом.

Когда человек развил сосредоточенность, ему нет нужды регулярно заниматься концентрацией ума, — хотя суфии любят это занятие, — ибо вся его жизнь становится

сосредоточением. Если он говорит на определенную тему, он не меняет внезапно предмета; если он размышляет о чем-то, он не прерывает свою мысль; и если он делает что-то, он не меняет решения и не бросает начатого на середине, чтобы заняться чем-либо еще. В каждый момент он продолжает то, что делал, но до тех пор, пока оно не завершится. В этом состоит секрет сосредоточения.

Человек может практиковать сосредоточение определенное время в течение дня, но если вслед за тем все остальное время он мечется умом с одного предмета на другой, — он будет не в состоянии достичь средоточения и за тысячу лет. В цельности ума кроется секрет его концентрации. Посредством же ее человек совершенствует и свое поведение. Ведь когда, говоря о чем-либо, он начинает перескакивать с предмета на предмет, не закончив темы, это указывает на дурные манеры, причиной которых является недостаток сосредоточения.

Однако возможно и такое, что человек, достигший больших успехов в концентрации ума, может стать рабом сосредоточения и окажется неспособным извлечь из своего ума случайно залетевшую туда мысль, надоедливую мелодию, от которой сам уже устал, или отбросить депрессию; и депрессивная мысль подавляет его ум — тот самый ум, который столь развит и способен глубоко сосредоточиваться... Поэтому суфий овладевает сосредоточением, но не позволяет ему завладеть собой, ибо овладение мастерством является для него всего лишь побуждением к достижению совершенства.

Сосредоточение на мысли исходит из двух источников. Первый — это внешний объект или существо, постоянно вызывающее в нашем уме определенную мысль. Его присутствие напоминает человеку об одном и том же, что он, может быть, хочет, а может быть, и не хочет удерживать в голове. Другой источник — чувство, постоянно удерживающее мысль в уме. Это может быть удовольствие или страдание. Страдание длится дольше, нежели удовольствие, так как чувство страдания глубоко, тогда как чувство удовольствия преходяще.

Именно поэтому суфии считают любовь величайшей помощью в овладении сосредоточением. На это есть две причины. Первая: объект любви постоянно пребывает в наших мыслях. Вторая: если страдание порождено любовью, оно усиливает концентрацию ума, как это выражено в стихотворении: «Приносящие радость являются детьми печали». Это объясняет, почему печальные люди склонны к более углубленным состояниям, в то время как веселые — к более легким. .

Таково естественное, исполняемое произвольно, сосредоточение. Оно не может быть названо мистическим сосредоточением, ибо мистик обладает достаточной властью, чтобы удерживать мысль в своей воле силой чувства страдания или радости и не допускать, чтобы никакая другая мысль или чувство действовали поперек его желаний. Он может обратить удовольствие в страдание, а страдание — в удовольствие, по своему желанию. Для него оба — суть одно, и оба служат его цели. Иногда сладкое приятно, а иногда горькое полезно; как даже яд может служить средством лечения; сладость же иногда способствует усугублению болезни.

Мастером сосредоточения, его обладателем является тот, по чьему приказу все мысли и чувства приходят в порядке. Он может муштровать их, как ему вздумается. Он становится начальником своей жизни и царем мира, как внутреннего, так и внешнего.

Сосредоточение бывает различных видов, и разница их обусловлена разницей из назначений.

Существует сосредоточение на объекте, на человеке или на событии, результатом которых является полное знание об объекте сосредоточения. Таково сосредоточение студента. Таким сосредоточением является и рассматривание цветка и затем

размышление о нем с закрытыми глазами; что это за цветок, каков его аромат и цвет, почему у него такой аромат, в чем его значение, какова его природа, в чем его секрет?

Другой род сосредоточения — сосредоточение на психическом существе, которое сосредоточивается на определенном объекте с целью тренировки своего ума. Когда ум развивает свою силу, тогда он употребляет ее в чем угодно, с целью усовершенствоваться в жизни.

Существует сосредоточение идеалиста, преклоняющегося перед героем войн, королем в его великолепии, вождем народа, великим учителем или пророком. При такой идеализации их, он сам, в себе приобретает качества идеализируемых героев, и происходит это именно посредством сосредоточения. Тщательное изучение истории подтверждает факт: большинство великих людей стали таковыми, благодаря идеализации, преклонению перед каким-либо великим человеком и размышлениям о нем.

Далее, существует сосредоточение влюбленного. Оно еще более сильное, так как в своей преданности любимой влюбленный непроизвольно забывает себя; и секрет всего духовного продвижения и состоит в этом одном — в забывании себя, которого любящий достигает без каких-либо специальных усилий, ибо не может не думать об объекте своей любви. Ему нет необходимости удерживать свой ум на определенном объекте с помощью воли; напротив, его труд заключается в том, чтобы вырваться из своих мыслей. Блуждание ума естественно для обычного человека, но оно сложно для любящего. То, на что жалуется обычный человек — трудность устойчивого удержания ума на одном предмете, является для преданного простейшей вещью. Именно поэтому суфии признают преданность за лучшее средство духовного достижения, и многие из них идут путем любви.

Сосредоточение на скале должно, естественным образом, придавать вам свойство скалы: сердце со временем должно стать подобным скале; сосредоточение на цветке будет порождать в уме и теле красоту; и так же сосредоточение на ком-либо храбром придает храбрости, на великом — величия, а на святых — святости. Это доказывает, что нет такого общего для всех объекта, который можно было бы порекомендовать как лучшее средство сосредоточения для любого — как одно лекарство нельзя прописывать всем. Объект сосредоточения должен выбираться в зависимости от того, что человек желает осуществить в жизни.

Обучаясь сосредоточению, чрезвычайно важно знать, прежде всего, на чем сосредоточиваться. Нельзя думать так: «Все, что угодно подойдет, так как я просто тренирую свой ум». Необходимо знать, что объект, который вы намерены сохранять в уме, самым тесным образом связан с вашей жизнью. Если в уме будет любовь, или, по крайней мере, привязанность, это может принести вам пользу или, наоборот, болезнь: возможно, это не то, что вам действительно нужно. Если это ненависть она может рикошетом разрушить всю жизнь того, кто сосредоточивается на ней. Если это богатство, то, несомненно, вы станете богатым; однако, если вы приобрели его ценой здоровья, друзей, спокойствия и мира, тогда чем будет для вас это богатство?.. Если объектом сосредоточения является слава, вам придется обеими руками держаться за свою репутацию, которая в любой момент может разлететься в прах.

Поэтому суфии обучают сосредоточению или концентрации ума с религиозной позиции, а не как научному упражнению. Если что-то и есть, поистине достойное сосредоточения, так это ничто иное, как Бог. Но так как человек не может полностью объять идею Бога, он может только вообразить его в форме, доступной его пониманию. Любое имя и форма этого мира пригодны для того, чтобы принять их в качестве Божественной формы, так как все формы принадлежат Ему.

Но, в таком случае, отчего нельзя избрать в качестве подобной формы форму человека, с достоинствами, которые можно приписать Божественному существу, и назвать «идеальным человеком» или «божественным человеком»? Такой человек называется рассул — носитель Божественного послания. Однако человек не может нарисовать себе такую форму, которую он никогда не видел в жизни. Поэтому он ищет образ или идеал, чтобы придать форме рассула совершенство, которое он мог бы визуализировать. Но если бы он подумал, какое чудо сокрыто в сердце живого человека, разве он отказал бы в этом месте (которое один отдает идолу, сделанному скульптором или картине, нарисованной художником), своему учителю, к которому он повернут лицом к лицу и из чьих уст исходит слово Божье, пронзающее его сердце и пробуждающее в нем Божественный дух?

Именно на этой стадии мюрид (ученик) начинает учиться сосредоточению, называемому тассавури муршид. Он практикует его до тех пор, пока не разовьется до такой степени, что в этой форме сосредоточения не будет больше нужды, потому что красота достоинства заполнит его сердце. Когда он поднимется над этой стадией, тогда его сосредоточение становится созерцанием, пребывающим за пределами всех форм и достоинств. В свои права вступает созерцание во имя Божье, которое заполняет весь ум и в своей наивысшей точке достигает такого совершенства, что превышает всякого человеческого понимания.

Когда мы размышляем о творении, естественном или искусственном, мы обнаруживаем его источник в силе сосредоточения. Бог известен посредством своей природы, поэтому тайна природы может быть познаваема через наблюдение тайны искусства. Все научные изобретения и произведения искусства — это ничто иное, как проявление сосредоточения. Так же точно и природные явления, чей «Творец не виден, созданы посредством сосредоточения. Существует изречение на санскрите, говорящее, что все творение — это греза Брахмы. Греза, мечта или воображение, когда за ними стоит сила воли, созидательны и в действительности представляют собой род сосредоточения. (Это является причиной воздействия воображения на жизнь человека).

Молитва — это сосредоточение, и страх — сосредоточение; и как молитва приносит то, чего желает молящийся, так и страх приносит то, чего бояться. И в том и в другом случае отсутствует господство. В первом случае налицо слабость вследствие зависимости от другого, во втором — еще большая слабость, заставляющая человека бояться.

Господство же состоит в творческой концентрации ума. Ум, находящийся под впечатлением собственной вины или слабости, слабеет еще больше и терпит неудачи. Он не способен удерживать желанную мысль с надеждой и доверием. В таком случае, на выручку приходит только молитва, когда человек думает: «Я истощен и слаб, но Ты всепрощающ и всемогущ, Господи. У меня нет сил осуществить желаемое мною, но Ты всемогущ». И таким образом, человек может поддерживать в живых пламя веры и надежды, несмотря на свои слабости и заблуждения. Впрочем, иногда может, а иногда не может. Он не может, когда его ум находится под большим впечатлением от своих слабостей и ошибок и когда человек думает: «Невозможно, чтобы я был прощен», или: «Бог слишком далеко, чтобы слышать мои молитвы. Я — грешник, живущий в падшем мире, а Бог, Святая Святых — на небесах». Еще хуже положение человека, чей ум пребывает под впечатлением слабостей и заблуждений, и у которого нет Божественного идеала, на который можно было бы опереться. Такой человек не здесь и не там.

Но когда человек приходит к убеждению, что он и Бог — не нечто раздельное, что если Бог — солнце, то его душа — луч; если Бог — корень, то он — плод, если Бог — море, то он — пузырек в нем; тогда он становится частью управления всей природой.

Он больше не машина, он — человек. У него есть собственная воля, не отделенная от воли Бога. В согласии со своим самораскрытием, с доверием к себе и силой сосредоточения он достигает такого, что кажется порой превыше ограниченных человеческих возможностей.

Глава 13. ОЧИЩЕНИЕ УМА

Как необходимо дезинфицировать и очищать тело, столь же - а, возможно, даже с еще большей необходимостью, — должен быть очищаем и дезинфицируем ум. Болезни происходят от засоренности ума в той же мере, что и от нерегулярности в работе физической системы. Существуют «нечистоты», принадлежащие сфере ума, которые способны вызывать различные заболевания, и посредством очищения ума мы можем укреплять здоровье — и умственное, и телесное. Под здоровьем я подразумеваю естественное состояние. Ведь что такое духовность, как не естественность?..

Однако редко, кто думает так. Множество людей полагают, что духовность означает способность производить чудеса, видеть странные вещи, удивительные феномены, и очень мало кто знает, сколь это просто: быть духовным означает быть естественным.

Успокоение ума

Умственное очищение может производиться тремя различными путями. Первый путь — успокоение ума, потому что очень часто засоренность производится именно умственной активностью. Успокоение ума устраняет из него засор: вы как будто настраиваете ум на его естественную высоту звучания.

Ум можно успокоить посредством практики физического успокоения. Эффект достигается благодаря сидению в определенной позе. Наука мистиков знает разные способы видения в безмолвии, и каждый такой способ имеет определенное значение. И это не только воображаемое значение — оно производит точный результат. Я имел возможность неоднократно убедиться, на своем опыте и на опыте других людей, как определенный опыт видения изменяет состояние ума. Это знали и в древности, и находили различные позы для различных категорий людей. Были позы воина, ученика, мыслителя, купца, рабочего, законника, судьи... Представьте себе, как прекрасно, что мистики открыли это и пользовались этим в течение тысяч лет! Великий эффект: сидение определенным образом воздействует на человека и, в особенности, на его ум...

Такое происходит в нашей жизни повседневно, то мы не думаем об этом. Бывает, мы сидим в определенной позе и ощущаем неудобство, а сидя в другой — покой. Одно положение дает нам ощущение воодушевления, а другое заставляет почувствовать упадок энергии, недостаток рвения. Успокаивая ум с помощью тех или иных поз, мы можем очистить его.

Однако прежде, чем человек оказывается способен понять пользу от успокоения ума, ему необходимо рассмотреть несоответствие между советом успокаивать ум и советом не успокаивать тело. Жизнь — это ничто иное, как активность во всем, что ни на есть. Пассивность тела лишает его всего — живости, силы; мускулы не имеют возможности развиваться. Ленивый, неактивный человек непременно страдает несварением желудка или чем-либо подобным. Как же тогда может быть, чтобы, когда

ум приводится в состояние успокоения, он не лишался силы и энергии? Не будет ли успокоение ума отуплять человека? Если надо развить голос, его необходимо применить для пения упражнений и выполнения определенных технических приемов; если необходимо развить мускулы, их тоже надо использовать. Как же тогда успокоение ума может давать ему силу?

И все же в этом утверждении* содержится великая истина. Успокоение ума способно отуплять человека, делать его бессильным, если человек не понял тайны жизни, ее закона. Верно, что на физическом плане наши занятия и повседневная деятельность должны уступать место отдыху, расслаблению и ночному сну. Если наше тело не получает должного отдыха, оно не может развиваться. Отдых нужен нам больше активности, расслабление — больше, чем утомительный труд. Если мы не имеем его, в нашем здоровье нарушается равновесие. И так же, как телу необходимы удобство и отдых после тяжелого труда, в равной мере и уму необходимы отдых и покой после размышлений и работы.

В действительности ум состоит из более тонкой материи, тело — из более грубой, и это обуславливает огромную разницу в их деятельности. Чем выше план существования, тем больше активность; чем ниже — тем активность меньше. Вот почему ум более активен, чем тело. Отсюда если телу после тяжелого труда необходим отдых, насколько же важнее это в отношении ума! Обычно в интересах тела мы отдыхаем по своему желанию, тогда, когда обстоятельства позволяют нам сделать это. Мы откидываемся на спинку дивана или кресла, приходя домой с работы, весь вечер отдыхаем и затем идем спать. Но когда мы даем отдых уму?.. Отдых необходим уму, как и телу; и все же тот действует постоянно. Ум вечно в работе — даже когда тело отдыхает. Даже если оно спит — тогда ум создает сны.

Большинство людей работают весь день напролет, и в течение всего этого времени их ум занят работой на физическом плане, плане тела, ибо ум работает вместе с телом. Однако их ум продолжает работать и всю ночь. Тело отдыхает — ум нет. Даже погружаясь в удобное кресло, люди продолжают воображать нечто, их ум все еще работает. У ума нет досуга; он постоянно беспокоится, строит планы, размышляет над теми битвами и тревогами, которыми так полна жизнь. Времени, когда ум отдыхает, почти не существует, за исключением того, когда сама природа дает ему отдых, а бывает это тогда, когда он чересчур переутомляется от работы. Тогда ум человека говорит: «Лучше я посплю». И если у него будет хотя бы два часа сна, человек просыпается с такой радостью и силой, что весь мир кажется ему обновленным. Если же он видит сны, то, проснувшись, может сказать лишь: «Да, я спал, но я не чувствую себя отдохнувшим». Потому что часть его существа не отдыхала.

Все это говорит о том, что у ума существует огромная практическая потребность в отдыхе и успокоении. Те, кто делают своим жизненным принципом постоянно работать — односторонни. Равновесие заключается в постижении того, что работа и отдых равно необходимы для нормального здоровья, как физического, так и умственного.

Если работа тела иногда совершается под контролем человека, что работу ума он контролировать не может. И не потому, что он не способен на это, а потому, что он никогда об этом не думает. Остановились ли вы когда-нибудь, чтобы спросить себя: «Почему я думал об этом? Был ли какой-нибудь смысл в этих беспокойных, тревожных мыслях?.. » Но ведь это просто уму было позволено делать то, что ему вздумается... А когда вы мирно сидели на стуле, разве ваши мысли не были заняты тысячей вещей, не имеющих ничего общего с вашей жизнью, не имеющих значения ни для вас, ни для кого-либо еще? Это же была пустая трата энергии.

Чем больше уму дозволяется блуждать бесцельно, тем больше он становится похожим на автомобиль, который, вместо того, чтобы использоваться в своих собственных целях, используется любыми влияниями вокруг него, будь то мнения, наваждения или что-либо еще. Если пользующийся умом человек разумен, возможно, он будет действовать разумно; но если он пользуется неразумный человек — работа ума лишь растрачивается. Во всяком случае, это не будет исполнением жизненного предназначения ума. А предназначение его состоит в том, чтобы овладеть мастерством управления, а не быть средством, эксплуатируемым другими. Кто не руководит своим умом, теряет возможность управлять вообще.

Все это обуславливает то, что самым первым уроком, который должен выучить мистик, является необходимость тренировки ума посредством сосредоточения. Нет, это еще не успокоение ума — оно придет позже, и польза от него будет еще больше. Если бы человек мог представить себе, какую пользу несет совершенное спокойствие, пусть даже одного тела!.. Символ такого спокойствия мы можем видеть, к примеру, в статуях Кришны или Будды, или в индуистских идолах. Какой удивительный эффект они производят! Сравните его с тем эффектом, который производит на вас подходящий к вам человек: он постоянно активен, он потирает руки, спотыкается, пожимает плечами, гримасничает, барабанит по столу, почесывается, суетится... Разве вы не чувствуете, что и вы начинаете суетиться от него? Вся атмосфера вокруг него взбаламучена. Почему же? Да потому, что это напряженная деятельность ума производит действие на тело. И тело, и ум находится в состоянии безостановочной активности, которая переходит ко всякому, кто оказывается рядом — потому что производит безостановочное движение во всей атмосфере. Мы можем не сознавать что это так, но бессознательно мы чувствуем, что нам что-то мешает.

Тот удивительный покой, который вы ощущаете, проснувшись после глубокого сна, невозможно сравнить ни с чем в мире. Но мистик видит во сне более того: он видит в нем символ другого, великого мистического состояния. Руми, суфийский учитель из Персии, говорит: «О сон, божественное блаженство нахожу я в тебе. Ты заставляешь болящих забыть о своей боли, благодаря тебе короли на мгновение забывают о своей короне, ты узникам даешь на момент забыть о своем узилище. Какое блаженство, какая это радость блаженства, когда душа освобождается от своего ограниченного существования, от присутствия всех тех многообразных аспектов жизни, что держат ее в плену!»

Сон — это время, когда душа свободна. Вот почему состояние глубокого сна считается мистиками столь важным. На Востоке говорят: «Если человек спит, не буди его. Это великий грех». Разумеется, на Западе так не скажешь, потому что, если вы не придете на работу утром в установленное время — что тогда?.. Будет великим грехом, если вы не разбудите человека... Здоровый сон способен дарить состояние комфорта и радости и содержать в себе тайну небесного покоя; но еще больше радость, мир и воодушевление от успокоения ума. Ум похож на воду; недаром поэты часто зовут его морем, океаном. Природа воды такова, что когда вы смотрите на нее, вы видите отраженное в ней лицо — это ваш собственный образ. Если же вода не будет спокойна, лицо окажется размытым. Когда вода спокойна, все, что отражается в ней, видно ясно.

Так и ум. Когда он успокоен, он слышит то, что говорит другой; он может размышлять над любым предметом, который видит; и когда человек достаточно продвинулся, ум может слышать даже сказанное «с другой стороны»; да-да, и даже то, что Бог говорит с небес!

Исходя из этого, те, чьи сердца слушают слова Бога, первыми достигают в своей жизни спокойствия. Какую атмосферу способен создавать такой человек, чего он

способен добиться одним своим присутствием! Это больше, чем целительство, больше, чем лекарство. Человек с абсолютно спокойным, умиротворенным и неподвижным умом мгновенно способен поднять дух того, кто идет сквозь горе, беспокойство, страдание, болезнь, напряжение или тревогу. Само присутствие того, чей ум успокоен, дает подобным людям ощутить такую надежду, такое воодушевление, такое сочувствие, такую силу и жизнь... Все небесные свойства истекают столь плавно и свободно от того, чей ум успокоен, что его слова, его голос, его облик — все воздействует на умы других. Да, сам его облик становится исцеляющим.

Дыхание

Второй способ очищения ума — посредством дыхания. Для человека с Востока чрезвычайно интересно видеть, что западные люди в своих изобретениях иногда бессознательно претворяют принципы из мистической сферы. Они изобрели механизм, который чистит ковры посредством всасывания пыли. То же самое и внутри нас: надлежащий способ дышать высасывает «пыль» из ума, изгоняет ее. Ученый сказал бы, что человек выдыхает двуокись углерода; посредством выхода из тела выбрасываются вредные газы. Мистик идет дальше — он говорит: нечистоты возможно удалить не только из тела, но и их ума. Если бы человек знал, как удалять засор, он мог бы удалять гораздо более того, что можно себе представить. Засоры ума могут быть удалены с помощью правильного дыхания; вот почему мистики сочетают дыхание с позой. Поза помогает успокоить ум, дыхание — очистить его; два этих способа идут рука об руку.

Это очевидно даже тем, кто ничего не знает о медицинской науке: работа тела как механизма останавливается, когда из него уходит дыхание. Это означает, что каким бы совершенным ни был механизм тела, без дыхания оно — лишь труп. Иными словами, то, что в теле является живым, или то, что делает его живым, так это дыхание. Столь немногие из нас понимают это... Мы существуем день за днем, работая, занимаясь чем-нибудь повседневным, поглощенные нашими мыслями, одолеваемые делами, преследуемые побуждениями — и при этом игнорируем самый главный принцип, на котором основана вся жизнь. Если кто-то скажет: «Молитва — очень важная вещь», — люди подумают: «Возможно...» Если кто-то говорит: «Медитация — великая вещь», — они могут сказать: «Пожалуй...» Но когда человек говорит: «Дыхание — это — великая тайна», — они восклицают: «Как, я никогда не думал об этом!..»

Сегодня, как и прежде люди, профессионально использующие голос, годами уделяют огромное внимание дыханию. Действительно: ведь дыхание — это и есть голос; и весь механизм голоса зависит от дыхания! И еще: сегодня ряд врачей начинает обращать внимание на то, что многие болезни нервов, легких, различных нервных центров могут быть излечиваемы с помощью дыхания. Похоже, науке дыхания предстоит заново возродиться. Те, кто практикуют дыхание в его связи с физической культурой или с совершенствованием их индивидуального внутреннего состояния, обнаруживают, что оно дает удивительные результаты по отношению к их болезни или слабости. И это — достижение науки дыхания.

Но когда мы подходим к тайне дыхания — это уже совсем другая сфера. То заметное дыхание, которое могут ощущать ноздри — как воздух втягивается вовнутрь и выпускается наружу — это всего лишь действие дыхания, а не оно само. Ибо мистическое дыхание есть тот поток, который выносит воздух вовне и вносит его вовнутрь. Воздух ощутим — поток неосязаем. Это род эфирного магнетизма, тонкая разновидность электричества, чей поток входит и выходит, придавая воздуху состояние

действия. Это то, что мистики зовут нафс, что означает эго. Дыхание и есть эго, истинное это человека. Атман означает «душа». В немецком языке это слово употребляется для обозначения и души, и дыхания. Это показывает, что если существует след души, его нужно искать в дыхании.

Соответственное представлениям мистиков, поток дыхания перетекает с физического плана на более внутренние планы; он протекает сквозь тело, ум и духу, касаясь глубочайшей части жизни и возвращаясь обратно: непрерывное, нескончаемое движение туда и обратно, вовнутрь и вовне. Итак, это принципиально иное объяснение дыхания, вскрывающее ценность того, что очень мало кто полагает важным. Оно позволяет понять, что дыхание, достигающее самых глубин жизни и выходящее вовне, на поверхность, касаясь физической плоскости бытия, является самой важной частью бытия. И при этом направление дыхания происходит в измерении, которое современная наука не признает, но которое мистики признают как внутреннее пространство бытия.

Однажды я читал лекции в Англии, и среди моей аудитории оказался известный ученый. После лекции он подошел ко мне и сказал: «Очень интересно, но одна ведь привела меня в недоумение. Я не понимаю, что такое «внутреннее». Что вы имеете в виду? Внутри тела? Мы можем понять это только как во внутренностях тела...» Это демонстрирует трудность достижения взаимопонимания между наукой и мистицизмом; когда-нибудь она будет преодолена — это всего лишь временная трудность.

Чтобы дать философское объяснение данного измерения, можно в качестве примера привести сравнение с глазами: что такое эти наши маленькие глаза, что способны охватывать своим кругозором такое огромное пространство? Где оно «охватывается»? — Оно охватывается во внутреннем пространстве глаза. Это — единственное объяснение, которое может здесь быть. Данное «измерение» невозможно измерить, но именно оно и является тем, что «охватывает». И хотя охват глаза и не является общепризнанным измерением, это, все-таки, измерение! То же относится и к измерению ума. Можно думать глубоко и чувствовать глубоко, можно осознавать жизнь все более и более глубоко, но нельзя точно указать, где находится сознание, потому что это абстрактное измерение. Если и есть слова для его определения, так это «внутри». И вот через это-то измерение и протекает поток, направляясь с самых глубинных планов к физическому плану, и благодаря этому существует жизнь. Вот почему можно сказать, что дыхание есть душа, а душа есть дыхание. Важно понять, что мы вдыхаем и выдыхаем не по ровной линии, прямо соединяющей вдох с выходом, как это можно себе представить; в действительности этот процесс представляет собой колесо, окружность: выходя из ноздрей, он описывает круг и в конце круга опять приходит в ноздри.

Третье, что надо понять в дыхании, это то, что оно, подобно электропроводам, излучает свечение. И как жар и свечение не ограничиваются внутренним пределом провода, распространяясь вокруг него, так и излучение круга-дыхания, проходя через тело, затрагивает каждую частицу тела.

Другое правило, которое надо отметить: действия, совершаемые потоком дыхания, каждый из его направлений, различны и приводит к различным результатам. Так, к примеру, нахмуривание, потягивание, моргание — все эти действия являются игрой дыхания, его разнонаправленностью. То же относится и к любому естественному действию человека в течение дня. Кашель, зевота, глубокий, вздымающийся вздох — все это различные проявления дыхания. Кроме того, способность есть и пить, равно как способность выводить из организма отработанные продукты — это также результаты работы дыхания в различных направлениях. Если же дыхание в каком-либо направлении не работает — тогда прекращается определенный род телесной деятельности. Это наука, которую ещё только предстоит разрабатывать ученым и

врачам. И чем более она будет разработана, тем меньше будет необходимость в операциях и других ужасающих действиях, которые доктора вынуждены совершать со своими пациентами и прописывать им. Склонность к легочным болезням, страдания при родах, ранняя смерть — всего этого можно будет избежать, когда наука дыхания будет верно понята сегодняшними учеными и станет использоваться в массах.

Картина соотношения Бога и человеческих душ подобна соотношению солнца с его лучами. Лучи не являются чем-то отличным от солнца, а солнце не отлично от них — однако лучей много, а солнце одно. Лучи не могут существовать сами по себе; они только продукт деятельности солнца. Они не отличны от него; однако проявляются как множество различных лучей. Единичность же солнца дает нам идею единого центра. Вот так же обстоит дело в отношении Бога и человека. Что есть Бог? — Дух, производящий множество различных лучей, где каждый луч есть душа. Отсюда дыхание есть поток, являющийся лучом; лучом, исходящим от солнца, которое есть Дух Божий. Такой луч — это признак жизни. Ведь что есть тело? Тело — это всего лишь покров луча. Когда он отъединяется от своего покрова, тело обращается в труп.

Но есть у луча и другой покров, и это — ум. Когда луч, именуемый дыханием, извлекается из тела, он не перестает существовать, ибо у него есть это иное, внутреннее одеяние. Тело было внешним одеянием, внутренним одеянием является ум. Дыхание продолжает существовать. И даже если оно уходит из одеяния, именуемого умом, у него есть еще более тонкое, именуемое душой. Дыхание проходит через все три состояния — через тело, ум и душу.

С этой позиции становится возможным понять, что человек никогда не отделен от Бога: он касается Бога каждым своим дыханием. Он соединен с Богом потоком дыхания абсолютно так же, как когда люди извлекают воду из колодца: их рука держит веревку, привязанную к ведру, находящемуся в колодце; ведро зачерпывает воду, веревка же от него — в руке. Поскольку наша душа пребывает в Духе Божьем, она является лучом божественного солнца; другим же «концом» является то, что мы зовем дыханием. Мы «видим» его только до достижения им определенного момента, и не дальше, потому что такова наивысшая точка восприятия, доступная физическому телу. Но оно соприкасается с иными планами. Дыхание переходит туда, но мы не видим, что там происходит. В нашем теле действие дыхания ограничено, однако, в действительности, поток, который есть дыхание, связывает тело с божественным духом: Бог и человек соединяются в едином течении.

Дыхание является также центральным потоком нашего ума. Ведь мы дышим не только посредством тела, но также и посредством ума, и посредством души. И смерть — это всего лишь отделение тела от того основного потока, который мы зовем дыханием. Но когда тело отделилось, ум все еще остается. И если ум жив, то и человек жив. Именно таким образом мы получаем доказательство будущей жизни.

Могут сказать: «Как же неинтересно будет жить после смерти не в качестве индивидуума с телом, а в качестве ума...» Но ведь это ум сотворил тело. Ум является в гораздо большей степени самодостаточным, чем мы можем себе представить. И в своей собственной сфере он имеет тело точно так же, как физическое тело принадлежит сфере физического бытия. И это тело ума столь же определено, и даже еще более конкретно, чем наше, существующее в физическом мире, по той причине, что физическое тело очень сильно ограничено и подвержено смерти и разрушению. Тело же ума, будучи эфирным, существует длительное время, гораздо менее завися от пищи и воды. Оно существует более за счет дыхания, нежели за счет чего-либо другого. Да и в физическом мире мы поддерживаем существование преимущественно благодаря дыханию, хотя и считаем, что нас поддерживают хлеб, вода и иная материальная пища. Если бы мы

только знали, что хлеб и вода не составляют даже и сотой части в сравнении с тем, что делает для нашей жизни оно! Мы можем несколько дней находиться без воды, но мы и пять минут не просуществоем без дыхания.

И поскольку дыхание имеет столь большое значение, самое важное, какое только возможно, очевидно, что средством внесения закона и гармонии в наше тело и наш ум, средством гармонизовать ум с телом, и то и другое вместе — с душой, является дыхание. Развитие дыхания, знание дыхания, практика дыхания помогают нам распрямиться, настроить себя на свое истинное звучание, внести в наше существо закон. Есть много людей, практикующих его без правильного руководства. Они прилагают усилия год за годом, однако результат незначителен. Некоторые от таких занятий сходят с ума. Кроме того, от неправильного дыхания очень часто лопаются сосуды мозга и органов грудной клетки. Множество людей делают техники дыхания, не зная, как делать верно, в то время как необходимо быть чрезвычайно осторожными. Их надо делать верно или не делать вовсе.

Немыслимо сказать обо всем, что можно совершить при помощи дыхания. Если в сегодняшнем мире есть люди, которые, стоя на земле, свидетельствуют о внутренних планах бытия; если существует кто-либо, действительно общающийся с высшими сферами; если есть кто-то, кто способен осознать жизнь после смерти (на что она будет похожа) — так это мастера дыхания, а не изучающие интеллектуальные книги.

Йоги узнали очень многое о секрете дыхания от змеи. Вот почему они почитают змею как символ мудрости. У Шивы вокруг шеи наподобие ожерелья обвивается змея. Это — знак обладания мастерством, знак мудрости. В лесах тропических стран, особенно в Индии, живут кобры, которые спят по шесть недель. Затем, в один прекрасный день, кобра просыпается, и она дышит особым образом оттого, что голодна. И ее мысль привлекает пищу, где бы та ни была — даже за много миль. Дыхание кобры столь магнетично, что жертва беспомощно протягивается к ней все ближе: птица, олень, какое-либо иное животное... Это притяжение столь сильно, что животное, можно сказать, само падает прямо змее в рот. Она не прилагает никаких усилий. Она просто дышит, открывает пасть, и пища сама отправляется туда. После этого она опять пребывает в покое шесть недель.

Змея столь замечательно устроена, что летает без крыльев и ходит без ног. И если какое-либо животное может быть названо самым древним, так это змея. Она никогда не бывает больна. Она умирает прежде, чем заболит, однако живет она очень долго. Говорят, что кобры, живущие в тропических странах, способны мстить даже через двенадцать лет. Если вы однажды ударили кобру, она запомнит это навсегда. Это свидетельствует об ее памяти и уме. Также и музыка воздействует на кобру, как на умного человека. Чем человек менее умен, тем меньше музыка способна оказывать на него воздействие: музыка очень тесно связана с умственными способностями. Это показывает, что в кобре можно обнаружить все признаки разумности, мудрости и власти.

Мистики изучали жизнь кобр и обнаружили две замечательные вещи. Одна — что змея не расходует энергию. Птицы летают, пока не устанут, животные бегают туда-сюда, кобра — нет. Она делает себе нору, где и живет в покое. Она знает наилучший способ расслабления, которое может продолжать столь долго, сколько ни пожелает. Мы так не можем. Из всех созданий мы, люди, знаем о расслаблении меньше всех. Мы знаем только о работе — не об отходе. Мы придаем значение только работе, а все потому, что мы не находим в отдыхе ничего стоящего. Работы же отдыха мы не замечаем.

Кобра обладает таким естественным даром дыхания, которым не обладает ни одно другое создание. Способность эта пронизывает все ее тело. Поток, извлекаемый ею из

пространства и проходящий сквозь нее, дает ей легкость, энергию, излучение и власть. Все другие существа, в сравнении с коброй, сконструированы неуклюже. Кожа кобры столь мягка и шелковиста, и она может быть сброшена в один момент и стать новой, как будто та заново родится. Мистики учатся у нее. Они говорят: «Мы должны выйти из своего тела так, как кобра выходит из кожи. Мы должны выйти из своих мыслей, идей и чувств так же, как это делает со своей кожей кобра». Они говорят: «Мы должны быть способными дышать так же ритмично и так же контролировать дыхание, как это делает кобра. Тогда мы сможем достигнуть того, чего мы желаем. Как сказал Христос: «Вначале обретите Царство Божие... — и все будет дано вам». Кобра получает все, что ей нужно, все, в чем она нуждается. Так и человеку может быть дано все, если только он не будет беспокоиться об этом. Персидский поэт Саади сказал: «Мое «я», ты столь тревожишься о том, в чем имеешь нужду, но знай: Единый, Кто трудится для твоих нужд, трудится для них непрерывно. И все же, ты беспокоишься, ибо такова твоя болезнь — твоя страсть, заставляющая тебя волноваться все время!»

Если мы взглянем на жизнь более пристально, мы обнаружим, что это так и есть. Наше беспокойство обо всем, похоже, является нашей натурой, нашим характером, и мы ничего не можем с этим поделать. Это настолько становится частью нашей природы, что если бы мы перестали беспокоиться, мы бы стали сомневаться, действительно ли мы живы!.. Оттого мистики и практикуют вот уже тысячи лет контроль над дыханием, над его равновесием, ритмом, протяженностью, расширением и над его централизацией. Посредством этого можно добиться удивительных вещей. Все суфии в Персии, Египте, Индии обладают огромным мастерством дыхания. Есть некоторые мастера, которые осознают свою духовную реализацию с каждым своим вдохом и выдохом.

Если человек не ленив, для него нет ничего недостижимого в освоении практики дыхания. Для него нет ничего невозможного. Нужно только работать. Однако работа эта заключается не только в изучении теории, но в понимании ее. Вот почему адепты, мистики рассматривают дыхание не просто как науку или как упражнение, они рассматривают его как нечто гораздо более священное — не менее священное, чем религия. И чтобы добиться такого дыхания, учитель требует от ученика соблюдения дисциплины.

Но здесь есть огромная трудность. В моих путешествиях, когда я говорил с кем-либо о подобных вещах, я, временами, обнаруживал, что люди относятся к этому предвзято. Они желают учиться, но не желают, дисциплины. В армии существует дисциплина, на фабрике, в конторе, во время учебы в университете — всюду есть дисциплина. Однако, когда люди обращаются к духовным вещам, они не желают ее и тем создают трудности. Они столь мало думают об этом, они не желают приносить в жертву ничего, потому что они не знают, куда все это ведет — у них отсутствует вера. А кроме того, там и сям существуют ложные методы обучения, и люди делают коммерцию из того, что является самым священным... Подобным образом, самые высокие идеалы оказываются низвержены до низшего уровня... Сейчас время вводить в жизнь реальные вещи, серьезные знания, опыт постижения на практике.

Отношение

Третий способ очищения ума — посредством отношения: с помощью верного отношения к жизни. Это путь морали, и это царский путь к очищению. Человек может дышать и сидеть, молча, в тысяче поз, но если у него неверное отношение к жизни, он никогда не разовьется. Этот аспект имеет принципиальное значение. Вся наша жизнь

зависит от нашего отношения. Посредством него мы достигаем желательных или нежелательных результатов. В целом, все трудности в жизни человека происходит оттого, что он не является хозяином своего собственного отношения. Каким бы эрудированным, разумным или одухотворенным ни выглядел человек, если он не имеет контроля над своим отношением и не прозревает его результат, он недалеко ушел по духовному пути...

На санскрите есть изречение: «Когда в жизни наступают плохие времена, ум меняет свое отношение». Тот, кто смотрит на ум, как на компас, всегда указывающий на верное направление, и продолжает верить в то, что это так, непременно найдет верное отношение. Когда человек обрел ключ к своему отношению к жизни, он из всего начнет извлекать пользу — как, например, из смирения или из гордости. Имеющий жизненным принципом смирение, не способен к гордости, равно как тот, чей принцип — гордость, не способен к смирению — одному не хватает правой ноги, другому — левой, но в обоих случаях чего-то недостает. Существуют времена, когда верх берет смирение, когда оно становится преобладающей жизненной позицией, завоевывающей сердца, являясь величайшей добродетелью в жизни человека. В такие времена серьезной виной является утрата смирения. Однако затем наступают времена гордости, когда именно она начинает играть доминирующую роль, возвышая человека или поддерживая его, и если он придерживается смирения в такие времена, то терпит поражение. Отсюда следует, что не столько сам принцип важен, сколько извлечение из него пользы.

Если бы мы сказали композитору: «Вы сочинили замечательную музыку», — а тот ответил бы: «Да, несомненно, это так», — это прозвучало бы, как если бы вся его музыка расстроилась. В данном случае, его скромность сделала бы ее более гармоничной. Но если друзья чрезвычайно настойчиво побуждают человека пойти с ними в кафе выпить (что лично ему совершенно не нужно), если при этом его гордость, а точнее, чувство собственного достоинства придет ему на помощь, и он скажет: «Извините, я не могу», — это будет гораздо лучше, нежели проявлять смирение и учтивость, говоря: «Да-да, я пойду с вами».

То же самое касается доверия и недоверия. Существуют люди, которые упорно держатся доверия, и другие, которые думают, что мудрее во всех случаях жизни быть недоверчивыми. И те, и другие совершают ошибку. В жизни есть место и тому и другому. Если человек смотрит на признаки приближающейся неудачи с недоверием, осторожностью — возможно, он будет способен предотвратить наступление неудачи. К примеру, если в аудитории, слушающей молодого скрипача, скажем, пятидесяти человекам не нравится его игра, и он это чувствует, если его взгляд на свое чувство недоверчив, то, возможно, со временем он обнаружит, что им восхищаются все присутствующие. Однако если он даст своей недоверчивости слишком развиться, в конце концов, ему будет казаться, что против него настроена вся аудитория.

Есть некоторые вещи, относительно которых нам стоит быть недоверчивыми, и другие, относительно которых нам надо быть доверчивыми: и то и другое в жизни необходимо. Если кто-то говорит: «Ваш друг плохо к вам относится, он вам не истинный друг», — и мы будем придерживаться недоверчивого отношения к подобному скептицизму, он не произведет негативного воздействия ни на нас, ни на нашего друга. Тогда как, если мы поверим ему, наша вера со временем позволит подобному же отношению проявиться в нашем друге.

Когда человек говорит: «Я иду сражаться, но сомневаюсь, что мы победим», — лучше бы он не сражался. Но тот, кто замечает все знаки, свидетельствующие о предстоящем поражении, и все же чувствует, что победит — тот истинно, в конце концов, одержит победу. Великое дело иметь недоверчивое отношение ко всему, что не

должно произойти и доверчивое ко всему, что вы желаете, чтобы случилось. Очень часто человек, ослепленный фактами, не достигает результата, в то время как истина подчас скрывается фактами, так что иногда лучше бы игнорировать факты и сохранять оптимистический взгляд на вещи. В последнем случае человек уподобляется пребывающему в пространстве, в то время как в первом — ползающему по поверхности земли. В Индии есть изречение, известное каждому: «Если отношение верно, все будет даваться легко». Под верным отношением здесь подразумевается надлежащее отношение к жизни.

Далее, существует вопрос надежды и смирения перед судьбой. Смирение — принадлежность святых, надежда же — атрибут владеющих мастерством; тем не менее во всех просветленных душах они сосуществуют в равновесии. Предпочтительной формой смирения является смирение с прошлым. Нам бы стоило смириться со всем тем, что доставляло нам страдания, со всей болью, через которую мы прошли, со всем, что было неправильно, со всем, что мы утратили; но нам не следовало бы распространять это смирение на происходящее в данный момент, потому что настоящее надо встречать с надеждой. С помощью надежды человек иногда оказывается способен изменить жизнь, в то время как, смиряясь, он тем самым позволяет определенным обстоятельствам распространиться на всю его жизнь.

Даже такое великое и замечательное свойство, как довольство, являющееся признаком святых, иногда способно становиться неблагоприятным: если человек доволен условиями своей жизни, это влияет на его рвение, и со временем оно оказывается парализованным, тогда как сердечная неудовлетворенность излучает рвение, становящееся аккумулятором, позволяющим идти вперед. Очень часто довольство оказывается недостатком в Людях, которые по природе, возможно, обладают гармонией, спокойствием, умиротворенностью и добротой, но при этом не двигаются вперед. А бывает и так, что человек прибывает довольным тем, чему невозможно помочь, ситуациями, которые невозможно изменить, условиями, которые навсегда останутся прежними. Если человек сумел подняться над чем-то в своей жизни, он больше не придает этому значения. В этом случае, быть довольным означает быть мудрецом. Как бы там ни было, если человек желает приобрести что-то, что он считает очень важным для себя, он должен культивировать в себе не довольство, но рвение. Он должен позволить рвению развиваться так, чтобы сила воли могла использовать его для достижения с его помощью желаемого результата.

Верным отношением является сохранять равновесие между рассудком и надеждой. Могут быть факты — и может быть воля, опирающаяся на факты. Надежду надо строить на твердом и прочном фундаменте. Если отношением человека является надежда, прочно основанная на фундаменте рассудка, он, несомненно, добьется успеха.

Но, спрашивается, что же такое есть верное отношение? Верное отношение зависит от того, насколько благосклонно вы относитесь к своим недостаткам. Очень часто человек готов отстаивать свои ошибки и заблуждения, желая убедить себя, что он прав. Однако это не так в его отношении к другим: в случаях, когда ему случается выносить о них суждение, он склонен их порицать.

Как легко порицать других! Как легко продвинуться еще на ступень дальше и невзлюбить других. И уже совсем несложно продвинуться еще на одну ступень и возненавидеть других. И когда кто-либо поступает подобным образом, он вовсе не думает, что действует неверно. Хотя условие развития находится внутри него самого, он видит его только вовне: все дурное, что скопилось у него внутри, он видит в других. Вследствие этого человек постоянно пребывает в заблуждении, он постоянно доволен собой и постоянно порицает других. В действительности же вот, что поразительно:

наиболее достоин порицания тот, кто больше порицает. Но это лучше выразить с другого конца: именно потому, что он порицает больше, человек становится наиболее заслуживающим порицания.

Существует красота формы, цвета, линии, образа действий, характера. В некоторых людях красоты недостает, в других — ее больше. Только сравнение позволяет нам думать, что кто-то один лучше кого-то другого. Если же мы не сравниваем, тогда хорош каждый. Сравнение заставляет нас полагать, что что-то более прекрасно, нежели что-то иное; но если бы мы смотрели внимательней, мы увидели бы и ту красоту, что есть в том, ином. Очень часто наше сравнение несовершенно именно по той причине, что, хотя сегодня наш ум обосновывает, что хорошо и что прекрасно одним образом, через месяц, через год наше понимание обязательно изменится. Итак, отсюда очевидно, что когда мы смотрим на что-либо, мы проявляем способность высоко оценивать это в том случае, если нашему взгляду очевидна красота.

Не надо удивляться, если кто-то дошел до такого состояния, когда он заявляет: «Я люблю все, что вижу в этом мире, несмотря на все болезни, борьбу и трудности. Все это стоит того, чтобы жить!», — в то время как другой говорит: «Все это ничтожно, жизнь уродлива. В этом мире нет ни частицы красоты». Каждый прав со своей точки зрения. Они оба искренни. Но они и разнятся тем, что смотрят различно. У каждого из них свои причины для одобрения жизни или ее порицания, вот только один приносит себе пользу своим видением красоты, в то время как другой, не восхищаясь ею, не видя в ней красоты, теряет себя.

Таким образом, неверным отношением человек продуцирует в своем уме нежелательные впечатления от других людей, поскольку никто в этом мире не совершенен. У каждого есть сторона, которую можно критиковать, и которая нуждается в исправлении. Когда человек смотрит на эту сторону, он продуцирует впечатления, которые делают его все более и более несовершенным, потому что он коллекционирует несовершенство. Постепенно это становится его миром. И когда его ум, как губка, стал полон нежелательных впечатлений, тогда то, что исходит от него самого, оказывается тоже нежелательным. Нельзя сказать, что кто-то болен, не став больным самому, потому что тот, кто говорит, что другие больны, сам болен.

Таким образом, надо заучить, как очищать ум в повседневной жизни, с моральной точки зрения: стараться относиться к вещам с участием, с благорасположением; глядеть на других так, как они сами на себя смотрят; принимать других такими, какие они есть, вместо того, чтобы обвинять их, когда вы видите их недостатки. Души рождаются на земле несовершенными. Они проявляют это несовершенство, и через это проявление развиваются естественным путем, двигаясь к совершенству. Если бы все были совершенны, не было бы цели в их сотворении. Проявление же несовершенства происходит таким образом, что каждое существо имеет возможность возрасти от несовершенства к совершенству. В этом — смысл и радость жизни, и для этого, собственно, и был сотворен мир. Если бы мы ожидали от каждого, чтобы он обязательно был совершенным, и чтобы обстоятельства непременно были совершенными, тогда не было бы радости в проживании и смысла в нашем приходе сюда.

Очищение ума, таким образом, означает очищать его от всех нежелательных впечатлений и не только от впечатлений, связанных с недостатками других людей, но необходимо прийти к такому состоянию, когда вы забудете и о своих собственных недостатках. Я видел достойных людей, которые винули себя в своих ошибках до тех пор, пока сами не становились ошибкой. Постоянная сосредоточенность на ошибке означает запечатление ее в уме. Лучшее, что может быть здесь сделано, это забыть о

других, забыть самих себя и направить ум на аккумуляцию всего того, что хорошо и прекрасно.

В Индии у уличных мальчишек существует одно чрезвычайно знаменательное занятие. Подбирая землю с определенного места, они известным способом ищут в ней такие металлы как серебро и золото. И при этом весь день их руки в грязи. Но ради отыскания чего? — Золота и серебра.

Когда в этом мире несовершенства мы стремимся добиваться всего, что есть благое и прекрасное, у нас много шансов испытать разочарование. Но в то же время, если мы верны своей цели, цели не поиска грязи, но поиска золота, мы обязательно найдем его. А, найдя его однажды, мы будем затем находить его все больше и больше.

И наступает время в жизни человека, когда он оказывается способным видеть золото в наихудшем в мире человеке. И вот, когда он достигает такого состояния, тогда, будь благо сокрыто хоть тысячей покровов, он протянет руку к тому, что им является. Потому что, ища благо, он привлекает его к себе.

ГЛАВА 14. РАЗОБУЧЕНИЕ

Что означает обучение? Обучение означает сосредоточение на определенных идеях и придание им материальности. Когда идея твердо зафиксирована в уме, она становится осязаемой, и это знание оборачивается родом завесы для иных знаний, могущих высветить жизненный путь. Разобучение — это процесс, посредством которого человек поднимается над тем, что он выучил. Выученное им в жизни обретает наибольшую пользу после того, как он достигает духовной реализации, способствуя задаче выразить эту реализацию. Однако пока он еще не на духовном пути, заученное оказывается только лишь препятствием, если вы не знаете, что такое разобучение.

Каким образом можно обрести разобучение? Забыть то, что вы учили? Нет, забывать нет необходимости. Разобучение — это отношение к вещам как бы с противоположной точки зрения, противоположной той, с которой вы обычно на них смотрите. Именно этот опыт и ведет к совершенству. Знание, которое обуживает позицию человека, это не то знание, которое возникает незаученно: если хоть раз человек обрел разобучение, он будет способен видеть в жизни с двух, противоположных позиций, и это дает ему исключительное владение ситуацией. Это сходно с тем, как вещь, будучи видимой обоими глазами, предстает перед нами более полно.

Забыть то, что выучил однажды, чрезвычайно трудно, и тем не менее процесс духовного достижения происходит через разобучение. Люди полагают, что их убеждения являются их религией, однако, в действительности, убеждение — лишь подножие религии. Если бы я должен был охарактеризовать убеждение, я бы сказал, что это лестница, ведущая к высшей реализации. Но вместо того, чтобы подниматься по этой лестнице, люди стоят на ней неподвижно. Это как если бы проточная вода перестала течь. Люди сделали убеждения негибкими, и потому, вместо того, чтобы приобретать с их помощью, они теряют. Будь это не так, все верующие в Бога, в истину и в будущую жизнь были бы лучше, чем неверующие, но в действительности они даже хуже, потому что они пригвоздили свои собственные ноги к своим убеждениям...

Я очень часто оказываюсь в положении человека, который может мало что посоветовать — особенно, когда ко мне приходят с уже предвзятыми представлениями, и при этом хотят, чтобы я руководил ими на духовном пути, в то время как в действительности их намерением является увидеть, соответствуют ли их мысли моим, а

мои — их. Они не могут опустошить себя от заданного направления. Они желают не следовать моим идеям, а убедиться, что их идеи правильны. Среди сотни людей, приходящих ко мне за духовным руководством, девяносто — подобного сорта. Что это показывает? — Что они не желают отказаться от своих собственных идей. Напротив, они лишь желают их утвердить.

Духовное достижение с начала до конца является разучиванием тому, чему вы учились. Но ведь то, чему вы учились — оно в вас... Как же ему разучиться?! Это возможно посредством обретения все большей мудрости. Чем мудрее вы становитесь, тем больше вы способны опровергать свои собственные суждения, чем вы менее мудры, тем сильнее вы за свои идеи держитесь. Мудрейший всегда проявляет готовность подчиняться другим, а глупейший всегда готов стоять на своих позициях до конца. Причина этого заключается в том, что мудрейший способен легко отказаться от своей мысли, в то время как глупый цепляется за нее. Вот почему он не развивается.

Исходя из сказанного выше, очищение ума — это всего лишь способ, посредством которого можно достигнуть духовной цели. Стремящийся к ней должен видеть точки зрения других, ибо в действительности, любая точка зрения — ваша собственная. Чем более вы расширяетесь, тем большее осознание приходит к вам, и тем яснее вы видите, что каждая точка зрения имеет право на существование. Если вы способны раскрыться сознанию другого человека, ваше сознание становится равным по вместимости уже сознанию двоих. И таким образом, оно может стать величиной сравнимой с сознанием тысячи людей, когда для вас станет обычным видеть, что думают другие.

Следующая ступень очищения ума состоит в том, чтобы быть способным видеть правильное в ошибочном и ошибочное в правильном, зло во благе и благо во зле. Это трудное задание, но если вы добились этого, вы становитесь выше добра и зла.

Надо быть способным видеть страдание в удовольствии и удовольствие в страдании, приобретение в утрате и утрату в приобретении. В большинстве же случаев люди отупляют себя видением лишь чего-то одного: либо они не видят того, что теряют, либо — того, что приобретают; если они признают что-то как верное, они не видят в нем ошибочного.

Очищение ума означает, что впечатления, такие как доброе и злое, верное и неверное, приобретение и потеря, удовольствие и страдание — то есть, противоположности, блокирующие ум, должны быть вычищены из него. Тогда человек сможет увидеть врага в друге и друга — во враге. Когда он может распознавать яд в нектаре и нектар в яде, тогда смерть и жизнь становятся для его едины. Вот что такое очищение ума, и те, кто достиг данного уровня, это — живые мудрецы.

Третья ступень умственного очищения состоит в том, чтобы идентифицировать себя с тем, чем вы не являетесь. Таким образом, вы очищаете ум от впечатлений ложной идентификации себя с чем-то.

Я хочу привести в пример историю одного мудреца, жившего в Индии. Юноша спросил свою мать, крестьянку из деревни: «Какая профессия самая лучшая?» Мать отвечала: «Не знаю. Сын. Я знаю только, что те, кто ищут в жизни наивысшего, отправляются на поиски Бога». «Но если так, куда я должен идти. Мать», — просил он снова. Она ответила: «Не знаю, дает ли это результат, но говорят -- в уединение, в лес».

И вот он отправился в лес и долгое время терпеливо жил там в одиночестве. И раз или два в промежутке приходил проведать мать. Иногда его терпение истощалась, и сердце разрывалось на части, и он разочаровывался в том, что Бога можно найти. Но каждый раз мать посылала его обратно со строгим напутствием. И когда он пришел в третий раз, он сказал: «В этот раз я пробыл там долго». «Да, — ответила мать, — я

думаю, теперь ты готов к тому, чтобы пойти к учителю». Итак, он отправился к учителю.

У учителя было множество учеников, и у каждого была маленькая комнатка для медитаций. Новому ученику также было велено отправляться в определенную комнату и медитировать. Учитель спросил: «Есть ли в мире что-нибудь, что ты любишь?» И этот юноша, с детства не бывший дома, ничего не видевший в жизни, не мог вспомнить ничего, кроме теленка, бывшего у него дома. Он сказал: «Дама я люблю теленка». Учитель промолвил: «Тогда думай о теленке в своей медитации».

Все другие ученики постоянно ходили туда-сюда, присаживаясь помедитировать в своих комнатах минут на пятнадцать; затем они вставали и уходили. Этот же юноша сидел столько, сколько велел ему учитель. Через некоторое время учитель спросил: «Где он?» Другой ученик ответил: «Мы не знаем. Должно быть, он в своей комнате». Они пошли взглянуть: дверь была закрыта, и изнутри не было слышно ответа.

Тогда учитель сам пошел и отворил дверь, и увидел ученика, сидевшего в медитации, полностью растворившегося в ней. И когда учитель позвал его по имени, он ответил мычанием. Учитель сказал: «Выходи». Он ответил: «У меня слишком большие рога, я не пройду в дверь».

И учитель сказал ученикам: «Посмотрите, это живое воплощение медитации. Вы медитируете на Бога, и вы не знаете, где он, а этот медитирует на корову, и сам стал коровой. Он утратил свою идентификацию; он отождествился с объектом своей медитации».

Вся трудность в нашей жизни состоит в том, что мы не можем вырваться из ложных представлений.

Приведу другой пример. Однажды я попробовал помочь человеку, больному ревматизмом двадцать лет. Эта женщина находилась в постели; она не могла двигать суставами. Я отправился к ней и сказал ей: «А теперь сделайте это. Я навещу вас снова через две недели». Когда я пришел спустя две недели, она начала двигать суставами. Я сказал; «Я приду через шесть недель». Через шесть недель она уже вставала с кровати, и ее надежда на дальнейшее излечение еще возросла.

Тем, не менее, ее терпение было не столь велико, как требовалось, и в один прекрасный день она, лежа в постели, подумала: «Могу ли я вообще вылечиться?» И в тот же самый момент, когда она так подумала, она вернулась к тому состоянию, с которого начала — потому что ее душа отождествилась с образом больного человека. Для нее было невыносимым видеть, как она чувствует себя хорошо. Она не могла себе представить, что выздоровеет. Она не могла поверить своим глазам, что ее суставы становятся подвижными.

Люди могут чувствовать себя нормально в своем теле, но не в своем уме. Очень часто они привязываются к болезни, от которой могли бы избавиться. И то же с несчастьем: люди, сознающие свои несчастья, притягивают несчастья. Они сами являются своим несчастьем. Это значит, что не неудачи заинтересованы в них, но они сами заинтересованы в неудачах. Неудача не выбирает людей — это они выбирают неудачу. Они привязываются к мысли о ней, и эта мысль становится их собственной. Когда человек удовлетворен тем, что он опускается, он опускается: его мысль помогает ему тонуть.

Суфии учат очищению своим, особым способом, состоящим в отождествлении себя с чем-либо еще, и очень часто человек обращается к образу своего духовного учителя и благодаря этому приобретает знание, вдохновение и силу, которыми обладает его учитель: это как если бы он получил наследство. Тот, кто не умеет

сосредоточиваться до такой степени, чтобы забыть себя и глубоко погрузиться в предмет своего сосредоточения, не добьется успеха в овладении концентрацией ума.

Четвертая ступень умственного очищения состоит в том, чтобы освободить себя от формы и обрести чувство абстракции. Глаз повсюду видит формы; вплоть до того, что если при нас упомянуть имя человека, которого мы никогда не видели, мы придадим ему форму. Это серьезная помеха на пути к достижению бесформия, и очищение ума оказывает здесь существенную помощь. Цель его — позволить человеку думать об идее без помощи форм. Несомненно, достигается это только высокой степенью концентрации ума и медитации, однако, когда цель достигнута, она дает наивысшее удовлетворение.

Когда ум очищен, следующей ступенью оказывается развитие качеств сердца, вершиной является духовное достижение.

Глава 15. ЧИСТЫЙ УМ

Чистый ум не творит феномены, он сам феномен. Человек, желавший купить определенный светильник себе в комнату, не знал, где в городе можно его найти, но у него в уме было точное представление того, на что этот светильник должен быть похож. И по мере того, как он переходил из одного магазина в другой, его взгляд определял, есть ли там подобный светильник. Возможно, во всем городе он не нашел бы какой-нибудь другой, но его ум привел его напрямик именно к тому, который он желал. Откуда такая способность? — Она исходит из чистоты ума.

Ум можно уподобить воде. Даже глядеть на поток, где чистая вода несетя бурно во всей своей чистоте, означает испытывать сильнейшую из радостей, какие только могут быть у человека. Так же и питье чистой воды. То же и в отношении ума: общение с людьми очищенного ума — величайшая радость. Независимо от того, говорят ли они при этом что-то или не говорят ничего: от них исходит эманация чистоты, естественной чистоты, которая не «сделана» человеком, но является принадлежностью души; и она дарит нам величайшее наслаждение и радость. И есть другие люди, кто выучился говорить и развлекать. Их манеры отшлифованы, их остроумие преувеличено, их интонации деланы. И к чему все это?.. Ничто больше не способно дать той исключительной радости, по которой томится всякая душа, кроме чистоты ума.

Можно услышать, что человек с чистым умом часто, как кажется, слишком хорош для этой жизни и выглядит не имеющим здравого смысла, что люди очищенного ума очень часто как будто не от мира сего. Да, это так, но это не их вина. Это вина испорченного мира, мира, переходящего от плохого к еще более худшему. Да, кто-то с проявленной очищенностью ума становится изгнанником и не способен осуществить все, к чему бы ни прилагал усилия. Ну и что из этого следует? А кто-то также может иметь очищенный ум и при этом быть житейски мудрым. Человек очищенного ума может столь же основательно и талантливо принимать участие в делах мира, что и человек мирской. Однако если человек с неочищенным умом действует в мире успешно, это будет недолговечный успех.

Когда мы задаем вопросы о причинах успеха и неудачи, мы не имеем принципов, на которых мы могли бы основываться. Неверно, что для того, чтобы достичь успеха, надо быть хорошим и честным и иметь чистый ум. Чаще всего как раз наоборот. Но в то же самое время никто не может сказать, что для того, чтобы добиться успеха, надо обладать противоположными качествами: очень часто бесчестность и отсутствие чистоты ума приводят к крупным неудачам. Верно то, что успех того, кто достигает его

посредством честности и добродетели, зависит от честности и добродетели... Но некто другой, добившийся успеха в чем-то безо всего этого, испытает неудачу в тот день, когда станет честным и хорошим. Так происходит потому, что их пути разные. На состояние жизненных дел влияет позиция ума в целом. Это поразительно наблюдать, и чем больше думаешь об этом, тем больше становится очевидным: успех и неудача полностью зависят от позиции ума.

Я был чрезвычайно заинтересован тем, что однажды рассказал мне мой друг, торговец из крупной фирмы ювелирных изделий, обычно приходивший ко мне побеседовать на философские темы. Он сказал: «Странно... часто, придя в дом, где, как я полагал, могут заплатить за вещь больше реальной цены, я испытывал искушение запросить более высокую цену, чем та, которая являлась действительной. И каждый раз, поддавшись такому искушению, я не добивался результата. Однако я продолжал испытывать побуждение поступать так, потому что видел, что мои сослуживцы-торговцы продавали камни разным людям, имеющим прихоть приобрести их, за цену, бывало, в четыре раза превышающую реальную стоимость. Почему они добивались успеха, а я нет?!»

Я сказал ему: «Ваши пути различны. Они могут достигать успеха нечестностью; вы — честностью. Вступая на их путь, вы не можете добиться успеха».

Иногда тот, кто занимается развитием умственного очищения, может подвергаться неудачам, приносить какие-то жертвы. Но это только издержки на пути к чему-то действительно существенному, к тому, что действительно является стоящим. Если он обескуражен этими незначительными падениями, он со всей очевидностью достигнет ступени, когда успех придет к нему, ибо чистота ума освобождает струны вдохновения, которые в ином случае заперты. И благодаря этому вдохновению человек наслаждается и восхищается всем, что прекрасно, и творит все, что является благом — к радости и удовольствию других.

Однажды я посетил студию одного покойного художника. Я пробыл там пятнадцать минут, и такая депрессия напала на меня, что я спросил вдову художника: «Каково было состояние ума вашего мужа?» Она ответила: «Ужасно. Его ум был раздираем на части». Я сказал: «Это отразилось в его картинах». Эффект был таков, что, кто бы ни увидел эти картины, был ввергаем в аналогичное состояние.

Если мы обладаем чистотой ума, мы и творим чистоту. Во всем, что мы делаем: в искусстве, в политике, в бизнесе, в музыке, в производстве — мы изливаем чистоту ума в такой степени, что, кто бы ни окружал нас — посторонние или друзья — все имеют часть в нашей радости. Говорят, что болезни заразны. Но чистота ума тоже заразительна: ее воздействие творит чистоту в других. Одни хранят ее долго, другие — нет; это уже зависит от их ума.

Ум это кладовая, кладовая всех знаний, которые мы собрали посредством учебы, опыта, впечатлений, благодаря нашим пяти чувствам. Иными словами, каждый звук, даже однажды услышанный, фиксируется там; каждая форма, которую видит глаз — пусть даже промелькнувшая мгновенно — фиксируется им. И когда у нас переполненное сердце, оно испускает свет души — совсем как прожектор маяка. И, самое удивительное, что свет этот, благодаря силе воли, падает именно на то место в кладовой ума, где лежит то, что мы хотим найти. К примеру, мы видели человека однажды, десять лет тому назад, и вот он возник снова, и мы смотрим на него и говорим себе: «Я видел этого человека прежде. Но где?..» И в этот самый момент мы бросаем луч света нашей души на картинку, которая отпечаталась в нашем мозгу в связи с тем, что случилось десять лет назад. Она все еще там. Мы полностью забыли об этом, но картинка там, и в тот момент, когда мы пожелали увидеть ее, наша душа испустила свой

луч в то, особое место. Но что самое замечательное, таких картинок там, возможно, миллион. Почему же свет падает именно на данный, особый образ? Это удивительно: внутренний свет — великая сила, сила по самой своей природе творческая, и потому, когда луч испускается, он падает на то самое, необходимое нам место.

Когда я говорю здесь «кладовая», я подразумеваю то, что обычно зовут подсознанием. Кладовая, о которой я говорил выше, это и есть подсознание. В ней хранится множество вещей, и они живые! Все мысли и впечатления — живые. В уме нет ничего, что было бы мертво. Все живет, и живет долго. Просто, когда мы не сознаем его, оно пребывает в нашем подсознании.

Например, человеку говорят, что он должен навестить своего друга в названное время в определенный день. Он записывает это в блокнот и затем забывает. И вот наступает момент, когда среди его повседневных занятий его вдруг посещает мысль: «Я же должен был непременно быть там! Я не пошел, я совершенно забыл... Я должен там быть! Как я мог забыть?!» Эта мысль, что пришла ему на память, она находилась в его подсознании, и так как его воля пожелала, она проявилась. Вне всякого сомнения, он знал, что у него назначен визит, что он намеревается быть там; вот только время визита забыл... Где оно было? — В той части его ума, которую зовут подсознанием.

Однажды у меня был ученик, чрезвычайно интересовавшийся духовными практиками и метафизическими вопросами, который затем отдалился от меня и стал бизнесменом. Все его время было заполнено бизнесом. Он полностью забыл меня. За десять лет он не практиковал ни разу. И вот в один прекрасный день случилось так, что я приехал в город, где он жил, и он вспомнил своего учителя. Когда он услышал прочитанную мной лекцию, все, чему он обучался десять лет назад, мгновенно ожило: оно очень хотело выйти на свет. Он промолвил: «Все это для меня живо. Пожалуйста, скажите, что же мне делать?..» Теперь он так страстно рвался действовать... Так оно и происходит. Все, что есть в вашем уме и о чем вы совершенно не помните, все что абсолютно не беспокоит вас — оно там, и когда вы освободились от мирских забот, оно оживает.

Смерть приносит освобождение. После смерти ум входит в жизнь большую, более реальную, чем наша. Смерть — это снятие завесы, устранение покрова, после чего душа узнает вещи касательно своей собственной жизни и касательно всего мира, которые до этого являлись тайной. Там, в этом будущем, то, что говорилось нам о «небесах» и «аде», и что запечатлелось в нашем уме, станет нашим собственным пониманием. Сегодня наш ум пребывает в нас — там, мы будем в нашем уме. И тогда тот ум, который сегодня — «ум», будет — мир. Если он для нас небеса — он и будет небесами. Если он иное место — он и будет иным местом. Он есть то, чем мы его сделали. Никто больше не будет привлечен и взят туда. Мы сделали его для себя и в своих интересах.

Все, к чему мы стремились, собрано там. Дорогое платье, если оно действительно было важно для нас, тоже там. И даже если мы обнаружили, что оно вовсе не было важно, что оно дурацкое, оно все равно там осталось.

Даже бесполезные вещи принимают в уме форму, так как форму имеет все. Вот только форма эта схожа с источником впечатления. К примеру, познаваемой формой обладает не только живопись, картина; музыка — тоже язык; глаза не видят ее, но ухо «видит»! Ум производит и такие формы, как кислый, сладкий, горький, острый и все прочие вкусы. Мы не видим их, но они зарегистрированы у нас в уме в определенной, характерной для нас форме. Все эти формы понятны для ума точно так же, как когда они непосредственно исходят из различных органов чувств. Различные впечатления остаются в уме после смерти. Ибо что такое индивидуальность? Индивидуальное бытие здесь подобно пребыванию в тумане. Когда различные физические органы не могут

больше удерживать дух, они угасают, и дух покидает их окончательно. Тело распадается — дух же остается. Дух столь же индивидуален, как был индивидуален человек в своем физическом теле. И после того, как оно распалось, нефизические впечатления делаются более отчетливыми, поскольку отпала их ограниченность физическим телом. Физическое тело — это великое ограничение. Когда оно отпадает, индивидуальность становится более определенной и более способной к работе, чем будучи проявленной на физическом плане.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. УМ ВИДЯЩЕГО

Глава 16. ПСИХИЧЕСКАЯ СИЛА

Закон психической силы подобен закону любой силы. Все совершается силой: сознание, поддержание существования и разрушение — все это проявления действия силы. Из всех сил наиболее могущественная и важная — психическая. Если во всяком деле успех и неудача зависят от правильного использования силы, то посредством силы психической можно достичь огромного успеха — или же огромной неудачи. Масштабы психической силы чрезвычайно обширны, и потому с ее помощью возможно добиться величайших успехов. Но также ею может быть нанесен величайший вред жизни как одного человека, так и множества людей.

Использование психической силы дозволительно тем, кто обладает внутренним пониманием законов природы, без знания же их применение ее чрезвычайно вредно. С помощью психической силы можно исцелять себя и других, можно обустривать свои дела, равно как и дела других, ею можно приобретать богатство и положение в обществе. Но также можно с ее помощью и разрушать.

Трудность состоит в следующем: как узнать, что воистину является благом? Ибо человеческие склонности меняются ежеминутно, и то, что сейчас мыслится как полезное и стоящее того, чтобы его добиваться, в следующий момент представляется ненужным. В данное время человек полагает данную вещь выгодной, а после некоторого размышления она начинает представляться ему в другом свете. К примеру, посредством психической силы человек притягивает богатство, но, возможно, оно повредит его детям. Или некто желает положения в обществе, достигает его посредством психической силы и... оказывается в ситуации, которая представляет угрозу его жизни. Глубоко изучая жизнь, всегда можно видеть, что приобретение является причиной потери определенных вещей, равно как потеря приносит приобретение в некотором роде. Такова жизненная необходимость. Иначе жизнь утратила бы равновесие.

Что наиболее желательно в жизни, так это мудрость. Другая наиболее желательная вещь — сила. Как глупец был бы неспособен достойно распорядиться своим богатством, так человек, наделенный психической силой, но лишенный мудрости, склонен своей собственной силой более вредить себе, нежели творить благо. Каждый атом в этом мире имеет неповторимую привлекательность. Человечество столь склонно увлекаться вещами, лишь на мгновение выглядящими привлекательными, будь то богатство, могущество, положение или дружба, но при этом оно не имеет необходимого знания последствий своего приобретения. Человек столь же слеп в своем стремлении приобретать, как дитя, привлеченное чем-то блестящим, будь то игрушка или нож. Когда же человеку не удастся добиться желаемого, он бывает столь же разочарован, как ребенок, которому не разрешили играть с ножом.

Только острота жизненного видения дает возможность человеку постичь, что для него действительно является благом. Самость может быть одновременно как мудрой, так и глупой: только глупец встречает на пути разочарования, мудрый же из своей самости извлекает пользу. В природе силы ослепляют человека, скрывают от его взгляда истинную природу того, что он стремится приобрести. Когда сила руководит, а мудрость следует за ней, лик мудрости скрывается за покровом, и человек спотыкается.

Но если правит мудрость, а сила следует за ней, обе благополучно достигнут места назначения. Прежде, чем приступить к использованию психической силы, надо знать законы ее действия и ее морали. Если вы собираетесь заниматься целительством, первое, что вам необходимо принять во внимание: не нужно пытаться исцелять любую болезнь любого пациента. Что пользы в эксплуатации лошадей там, где достижению цели может служить двигатель?.. Не мудро человеку тащить груз, когда для этой цели существуют ослы. Бывают недомогания, излечиваемые применением небольшой дозы лекарств или трав, и использовать силу ума в этих случаях было бы ничем иным, как расточительством. Психическое целительство особенно необходимо в тех случаях, когда не требуются медикаменты, когда они неэффективны. В частности, нервные заболевания в большинстве своем производятся человеческим умом, и лекарства не способны полностью вылечить их. В таких случаях необходимо целительство. Также и когда исцеление может принести слово утешения, слово внушения, когда избавление от боли пациенту может принести прикосновение руки, здесь нет нужды тратить время на поиск лекарств.

Помимо целительства, посредством психической силы можно достигать иных целей: можно успешно завершать свои начинания, можно контролировать ум других... Но здесь-то и наступает для нас время быть как можно более осмотрительными, ведь во имя сохранения в жизни равновесия каждая прибыль несет в себе также и ущерб. И поскольку психическая сила способна принести колоссальные приобретения, опасность ее огромна.

Есть время, когда полководец, король, правят своими подчиненными. Но есть и другое время, когда колесо начинает вращаться иначе, и тогда те, кто подчинялись им, начинают ими управлять. Вот так царь, который повелевал Востоком и Западом, оказался вынужден подчиниться казакам своей стражи... И бывает время, когда отвергается нравственность человеческой психики.

Игра с психической силой подобна игре с огнем: ваша жизнь постоянно находится в опасности. Только тот в безопасности, кто, свободно используя психическую силу, ставит на первое место интересы других, кто не самолюбив и готов принести в жертву ради интересов других свои собственные. Однако не следует бояться развития и применения этой силы. Нет греха в том, чтобы обладать богатством — грех употреблять его во зло. И так же обстоит с психической силой. Вы должны приобрести ее, вы должны развивать ее, и вы должны применять ее в той мере, в какой вы доверяете себе и уверены в том, что никому не причините вреда и принесете пользу, скорее, другому, нежели себе самому.

У действия существуют три стадии: образ, собственно действие и результат. Образ возникает в воображении это как бы «младенческая» стадия. На данной ступени человек надеется на успех действия и рисует у себя в уме некую картину результата. В ходе собственно действия он бывает столь захвачен производимым им эффектом, что мало думает о результате, хотя у него и есть некоторое представление о нем. Третья же стадия, стадия результата, еще более ясно, проявляет эффект действия, и часто человек обнаруживает, что попал в совершенно иной пункт назначения, чем он предполагал в начале своего «плавания».

Определенному исходу судьбы способствует лишь один луч, испускаемый из ума человека, в то время как препятствуют ему тысяча лучей, а, вернее, бесчисленное их множество. И как бы мог один-единственный луч противостоять тысяче, если бы он сам не развивал из себя тысячу лучей?.. Но даже и тогда он не всегда может выстоять против бесчисленных противников. Таким образом существует множество обстоятельств, которые надлежит принимать во внимание работающему с психической силой. Среди

них наиболее важны два. Начинать работу следует с укрепления силы характера, которая в своей наивысшей точке приводит к достижению Божественной мощи. Кроме того, чтобы начать, необходима мудрость, когда же она разовьется, то переходит во внутреннее видение явлений и их следствий. Ибо видеть может только тот, кто испытал в жизни горечь и прошел через распятие, через терпение, жертву, отречение, уныние и разочарование, и кто извлек из всего этого урок смирения и довольствования волей Божественного Существа. Глаза такого человека открыты, и он видит, каким образом текут волны. Его жизненная позиция подобна позиции пловца в волнах прилива: ему не нужно активно помогать себе, а нужно лишь позволить волнам принять его в свои объятия.

Но представьте себе положение того, кто плывет против волн; своими двумя руками он борется против тысяч сильнейших рук моря!..

Среди религиозных ортодоксов издавна принято было считать, что психическая сила, равно как и ее применение — вещь опасная. Она расценивалась как магическая, и использование ее запрещалось религиозными авторитетами. Однако утверждение о нежелательности психической силы столь же абсурдно, как утверждение, что нежелательно быть богатым или сильным физически, или утверждение, что вообще любая сила нежелательна. Тот, кто смотрит на психическую силу с презрением, со всей очевидностью, не имеет права именовать Бога всемогущим, ибо в глубине любого могущества заключена психическая сила. И именно она и является доказательством наличия Божественного могущества в человеке. Философ сказал: «Если ты обладаешь силой, употребляй ее». Известно высказывание Джилани: «Мой мюрид, не уклоняйся от применения силы, если ты обладаешь ею».

Однако прежде, чем вы приобрели психическую силу, равно как и после того, как вы обрели ее, каким бы способом ни хотели ее употребить, необходимо определить для себя, до какой степени вы имеете право прилагать вашу силу к другим, руководствуясь идеями смысла и справедливости. При всей свободе, в каждом случае необходимо знание последствий применения психической силы. Ведь иногда кидаемый человеком аркан захлестывает его собственное горло; сеть, бывает, ловит самого же ловца; и часто человек, пытаясь ударить чужую голову, ударяется своей собственной головой о стену.

Нет более могущественной силы, чем психическая сила, и неразумная игра с ней была бы чем-то значительно худшим, чем игра с огнем. Многие, пытаясь убить другого, убивали самих себя. Многие, пытаясь разлучить двух любящих друзей, в итоге разлучали свои душу и тело. Исходя из этого, при употреблении психической силы должно соблюдать следующий закон: с помощью этой силы мы должны посылать такие мысли, которые, в случае их возвращения к нам, принесли бы нам тысячекратную пользу в сравнении с тем, что они несут тому, кому мы их посылаем.

Развитие психической силы

Первое, что необходимо для развития психической силы, это сосредоточение, поскольку оно является таким же упражнением для ума, как гимнастика для тела. Никто никогда не развил свою психическую силу и не был в состоянии извлечь из нее пользу без развития способности сосредоточения. Двумя величайшими дарами человеческой жизни являются сила и вдохновение. Сосредоточение приносит силу, медитация — вдохновение. Первое — созидательно, в то время как второе ведет к идеалу уничтожения, другими словами определяемого как растворение во внутреннем пространстве. Психическая сила развивается посредством волевого использования

мысли: создания в уме объекта сосредоточения и удерживания его там, что требует немалой силы воли. Это подобно поднятию стула за одну ножку кончиками пальцев, удерживая его в равновесии, так, чтобы он не упал. Сосредоточение даже еще более сложно. Оно подобно удерживанию в вертикальном положении на кончике пальца булавки, постоянно имеющей тенденцию упасть. Природа ума такова, что он постоянно производит мысли и затем отбрасывает их, чтобы освободить место следующим. Это затрудняет устойчивое сосредоточение на одном объекте.

Власть над миром принадлежит тем, кто, овладел собой, и достигается такое самообладание посредством контроля над умом. Если ваш ум стал вашим покорным слугой — весь мир к вашим услугам. Царь над умом более велик, чем царь, владеющий народом. В целях подчинения ума контролю, его необходимо тренировать, как тренируют коня, чтобы впоследствии использовать его для тех целей, для которых он существует.

Люди делают концентрацию ума частью своей повседневной работы, мистики же превращают свою повседневную работу в концентрацию ума. Когда способность концентрации ума, сосредоточения развита, человек может делать одновременно два, десять, сто дел.

Мысли того, кто хорошо концентрирует ум, обретают жизнеспособность. Если сила концентрации мала, мысль подобна мысли растения; когда она больше — она подобна мысли животного; при еще большей концентрации мысль уподобляется человеческой. И, наконец, при самой большой силе концентрации она становится сверхчеловеческой. Мысль человека может быть его другом, его кораблем в море, его летательным аппаратом в воздухе. Если мы глубже задумаемся над этим вопросом, то найдем, что тайной всего творения, как естественного, так и искусственного, является ум, создающий все это с помощью мысли.

Проще говоря, психическая сила может быть названа силой ума, однако в действительности силой ума является сила чувства. Чувство — это дух мысли, подобно тому как мысль является духом действия. Именно поэтому концентрация ума есть первейшее существенное условие развития психической силы. Но, кроме того, необходимо сильное чувство, лишенное всякой горечи, всякого беспокойства, печали, страха и волнения.

Чтобы быть способными проявлять психическую силу, необходимо также иметь крепкое тело. Для хорошего кровообращения нужно ритмически упорядоченное дыхание. Это достигается регулярными дыхательными упражнениями. Если их не делать, то, посылая свою силу вовне в целях исцеления, вы приобретете болезнь того, кого лечите; желая подчинить себе что-либо в жизни, попадете в подчинение; желая захватить нечто, окажетесь в плену.

Иногда огромная психическая сила обнаруживается в людях физически слабых, но она бесполезна как для них, так и для других, потому что, если человек слаб по своей конституции, с такой силой он будет еще слабее. В индуистской религии, где идеалом является непричинение вреда и запрещено мясоедение, Шива разрешает есть мясо тем, кто занимается психической практикой, потому что психическая сила — это сила ума, и тело должно быть очень сильным, чтобы нести ее.

Еще одним необходимым условием для тех, кто занимается практикой психической силы, является устойчивость в привычках и спокойствие ума. Именно покой ума или, другими словами, тишина в уме развивает психическую силу. Активность ума ослабляет ее. Кто постоянно думает, кто всегда вовлечен в игру воображения, кто беспокоится, боится, сомневается или испытывает нетерпение по поводу чего-либо теряет эту силу. Разумеется, ум не должен пребывать в покое всегда,

ибо недостаток активности также уничтожает силу. Человек должен быть способен как упражнять ум в мышлении, так и успокаивать его своей волей. Это придает уму здоровье и, таким образом, развивается психическая сила. Дыхание — вещь принципиальная для жизни, именно оно усваивает подлинное питание, как для тела, так и для ума. Вот почему не умеющие правильно дышать никогда не будут здоровыми, и никакая пища не напитает их тела. За шумом в уме всегда скрывается расстройство дыхания. Дыхание усваивает из атмосферы элементы, питающие тело и ум. Следовательно, не существует человека, который мог бы развить свою силу без того, чтобы развить дыхание.

Только тогда, когда его дыхание развито, человек может извлекать из него пользу в любых целях. Но коль скоро оно не развито, лучше не применять его: мы вберете в себя боль, страдание и подавленность того, кому стараетесь помочь. Если дыхание не развито достаточно, вместо исцеления вы причините вред, как себе, так и другим. Итак, прежде чем использовать дыхание, необходимо его развивать.

Применение психической силы

Психическая сила должна быть применяема после того, как она накоплена. Следовательно, желание исцелять и магнетизировать надо отложить, пока сила не будет развита до такой степени, что достигнет избытка. Только тогда наступает время ее использования. В противном случае вместо помощи другим вы разрушите свою собственную психику.

Психическая сила подобна роднику, постоянно изливающему избыток воды. Побуждение формирует русло для истечения этой воды и тем самым до известной степени ограничивает ее объем. И, подобно тому, как, прорывая себе русло, вода орошает фермы и тем самым совершает полезную работу, психическая сила становится полезной посредством побуждения. Без побуждения она бесполезна. Сколько у человека побуждений, столько каналов у его силы. И как вода разделяется руслами на многочисленные потоки, так же и психическая сила. Вот почему люди, обладающие большим числом побуждений, мало преуспевают, имея же единственное побуждение, вы, несомненно, достигнете успеха. Запасом психической силы может обладать и человек, лишенный побуждений вообще, но, раз у него нет побуждения, не вина психической силы, что он не способен совершить ничего. Когда психическая сила направлена в русло, она становится подобна сладкой речной воде, ибо побуждение развивает в ней целый ряд благих свойств. Если же она накоплена, а побуждений нет, то, будь она обширна, как океан, она все равно непригодна для питья из-за соли. Лишенный побуждения ко всему безразличен.

На Востоке существуют великие души, называемые мадзуб. В полноте своего духовного совершенства, они не имеют побуждений, ни одно побуждение не представляется им достойным интереса. И, таким образом, обладая психической силой, подобной океану, они не совершают ничего. Те, кто знают об их силе, могут извлечь из нее определенную пользу, но такие люди считают опасным обращаться к ним. Если же кто-то, все-таки, склонит их помочь его желанию, оно, безусловно, осуществится. Это будет подобно тому, как если бы целый океан послал свои волны, чтобы помочь их нужде. И, тем не менее, с их стороны не заметно никакого движения... Если они говорят кому-то «да» — это совсем не то, что «да» обычного человека. Мадзуб — это истинное чудо. В его форме сокрыта тайна Бога, ибо если Бог когда-либо проходит по земле, он принимает форму мадзиба.

Тончайшим средством отражения силы в человеческом теле служат глаза, ибо им органически свойственно излучать, и излучению психической силы легко проникнуть через них. Вследствие этого, сила глаз способна помогать в целительстве больше, чем что-либо другое. Равным образом, человеческая слабость, проявляющаяся в неустойчивости тела и в отсутствии контроля над движениями, которую мы называем нервозностью, более всего видна в глазах. Глаза напряжены более всех прочих органов тела, поскольку они всегда заняты. Это препятствует пристальности видения и контролю над взглядом. Однако, будучи всеобщей болезнью, это никогда не рассматривается как недостаток. Ребенок в младенчестве демонстрирует пристальность взгляда, которой сама природа наделила человека, но по мере того, как он взрослеет, он становится любопытен, его привлекает все окружающее. Все притягивает его внимание, и такая активность со временем лишает его взгляд пристальности. Именно по этой причине многие жалуются на состояние своих глаз.

Потому мистик очень заботится о своих глазах. В древности мистики, цари и полководцы имели обычай носить тонкое покрывало, надвигая его на лоб до самых глаз. Таким образом они оберегали их от напряжения, сохраняя тем и их психическую силу. В чем состоит отличие, когда человек говорит с вами по телефону — или когда он разговаривает непосредственно? Что отсутствует? Голос есть, но нет глаз. Слова не способны донести то, что могут донести глаза. Юмор, страх, сила, слабость, удовольствие, неудовольствие, желание, нежелание — все они выражаются преимущественно глазами. Чем взгляд пристальней, тем человек глубже, и чем более он контролирует свой взгляд, тем большей силой он обладает. Несомненно, сила содержится в уме, а не в глазах, и все же именно глаза являются единственным средством, через которое психическая сила может действовать удовлетворительно. Итак, необходимы три вещи: следить за чистотой глаз, предохранять их от напряжения и контролировать взгляд посредством сосредоточения, концентрации ума.

Практикующий психическую силу, прежде всего, тренирует свои глаза на остроту зрения и прививает им привычку действовать так, как он того желает. Взгляд такого человека должен становиться, когда это требуется, острым, как нож хирурга, и когда требуется — мягким, как пух. До тех пор, пока такой контроль не достигим, работающий с психической силой иногда может себе помочь, а иногда — навредить, не зная до конца, что помогает, а что вредит...

Наиболее активный орган, какой только есть у человека — это рука. Чтобы выполнить работу, к которой он испытывает склонность; человек протягивает руки вперед. Это демонстрирует, что сила действовать, свойственная человеку, выражается посредством его рук. Так же и психическая сила наилучшим образом выражается посредством рук. Кончики пальцев, как лучи света, именуемого психической силой: через кончики пальцев проявляются тонкие силовые лучи. В этом состоит секрет рукопожатия, которое в действительности есть ничто иное, как психическая взаимопомощь,

Учась водить машину, человек тренирует свои руки управлять ею. Играя на виолончели, он делает свои пальцы способными не только извлекать верные ноты, но и выражать его чувства, его эмоции. Точно также и психическая сила: всякий обладает этой силой в большей или меньшей степени, но развить ее можно лишь определенными упражнениями, которые посвящаемый получает от своего муршида. Когда сила развита, кончики пальцев становятся способными испускать психическую силу, которая притягивает и исцеляет.

Но не кончики пальцев и ладони должны стать средством направления силы. Все существо такого человека становится магнитом. Люди с исключительными

психическими способностями осуществляют исцеление даже посредством ступней ног. Вот почему на Востоке ученик почитает для себя за честь быть прахом под ногами учителя.

Из всех способов, которыми обладающий психической силой может ее проявить, наилучшим является присутствие. Пристально изучая жизнь, можно заметить (особенно это касается чувствительных или больных людей), что некоторые люди, входя в комнату, приносят с собой атмосферу легкости, в то время как другие, приходя, добавляют больному страдания и беспокойства. Можно также обнаружить, что присутствие некоторых людей способно сделать здорового человека больным. Это доказывает, что в самом присутствии человека заложена некая сила, которая способна приносить облегчение иногда вообще безо всякого усилия. Это и есть та сила, которую развивают адепты.

Секретом этой силы является жизнь. Человек, в чьем теле, уме и душе есть жизнь, дает жизнь тем, с кем он вступает в контакт; тот же, кто лишен жизни, вместо того, чтобы давать, забирает ее. Таким образом, когда мостик развивает силу, это подразумевает, что он развивает жизнь. Он впитывает ее как изнутри, так и извне, поскольку пространство полно ею, если вы только знаете, как почерпнуть ее оттуда. Мистические практики и, особенно, те, что связаны с дыханием, предназначены помогать человеку усваивать жизнь, которая столь обширна как вокруг него, так и в нем самом. Когда человек не знает этого, он изнывает от жажды на берегу полноводной реки: вода здесь, рядом, но он ее не видит...

Усвоение энергии из пространства — вещь гораздо более полезная, нежели лекарства, травы или стимулирующие средства. Человек, развивший в себе силу присутствия, не использует уже никаких других способов целительства: само его присутствие является энергией. Он может изменить атмосферу в комнате, в которой сидит, или в зале, где прохаживается. Он способен распространять вокруг себя атмосферу, приносящую облегчение всякому, кто входит с ним в контакт. В этом состоит секрет великой целительной силы мудрецов.

Дыхание есть единственная сила в мире, проявляющая себя как прямым, так и непрямим образом. Когда она действует через посредство различных каналов — это непрямое действие; когда же вы вдыхаете и выдыхаете — это прямое действие. В ряду каналов выражения дыхания находятся и физические органы тела: все органы излучают дыхательную силу. Тот, кто знает, как управлять этой силой, может даже превратить воду в укрепляющее средство и пищу — в лекарство; он может послать целительную силу через цветок; он может наполнить любой предмет электричеством своего дыхания. И чем тоньше субстанция, тем сильнее она усваивает эту энергию. К примеру, хлеб и вино могут быть наделены психической силой в большой мере, чем камень или дерево, хотя мощное дыхание способно оказать воздействие на что угодно, как бы утонченно или, напротив, грубо оно ни было.

Присутствие духовной личности обладает успокаивающим и целительным эффектом, способным излечить больного. Секрет этого состоит в том, что дыхание, будучи очищено и развито, становится источником нектара. Дыхание есть жизнь, и когда его течение соприкасается с жизнью внутренней, вечной, оно становится более лучистым и оживотворяет все смертное. Оно лечит болезни, потому что болезнь имеет причиной недостаток жизни. Оно устраняет уныние, ибо оно есть свет, и когда оно светит, облака уныния исчезают. На Востоке люди ищут присутствия духовной личности, а среди таких нередки те, кто никогда не говорит, не учит, не спорит и не дискутирует. Есть даже такие, кто никогда не произнесут слова благословения, и тем не менее, контакт с ними дает жизнь безжизненным, избавляет от уныния и скорби,

проясняет недоумения и исцеляет любые недуги, ибо он и излучают саму жизнь и тем несут благо соприкасающимся с ними. Это самоочевидное явление, не требующее доказательств: сама атмосфера, которую духовная личность заряжает своим магнетизмом, является свидетельством ее силы. Люди называют это психической силой, но психическая сила, лишенная духовного начала, хрома и слепа. Вот когда обладающий психической силой становится духовным человеком, или когда духовная личность развивает в себе психическую силу, они становятся источником жизни, непрерывно изливающейся в этот смертный мир.

Глава 17. ВНУТРЕННЕЕ ВИДЕНИЕ*

Не существует иной причины уныния и отчаяния, кроме неспособности прозревать суть жизни. Множество оснований могут служить причиной несчастий, но это — величайшее основание, основание всех оснований. Даже животные, в чьей природе ярко выражена тенденция борьбы, прекращают борьбу и объединяются, когда узнают друг друга ближе. Многих проблем в жизни — как отдельных индивидов, так и масс людей — удалось бы избежать, если бы среди людей было развито глубокое внутреннее видение, ибо вся смута происходит из-за непонимания. Проникновение в вещи составляет секрет успеха — в науке, в искусстве, в философии, в религии, во всем.

Способность видеть — принадлежность души, глаза же являются ее инструментом. Инструмент не видит, это душа видит посредством инструмента. Но я привел глаза лишь в качестве примера. В действительности все тело является инструментом, используемым душой для приобретения жизненного опыта. Видение души посредством органов слуха называется слухом, видение посредством языка — вкусом.

Таким образом, душа познает внешнюю жизнь, используя разные инструменты для приобретения различных опытов.

Однако в промежутке между телом и душой существует еще один инструмент, признанный равно как учеными, так и мистиками необъяснимым — ум. Можно сказать, что ум является инструментом видения души, а тело — инструментом видения ума, однако в действительности и тело и ум суть орудия души. И хотя эти инструменты дают душе ясное знание о вещах, в то же самое время они ограничивают ее силу.

Существуют два аспекта зрения. Один — проницательность, другой — протяженность (то есть, дальность и широта зоны, охватываемой взглядом). Телесными глазами можно видеть близко или далеко, охватываемый или кругозор может быть широким или узким. Используя в качестве инструмента видения ум, душа прозревает сквозь чужой ум точно так же, как глаза видят во всю длину и ширину радиуса действия своего взгляда.

Когда ум использует тело для испытания опыта жизни, он тем самым ограничивает свой опыт, ибо ему недостаточно возможностей тела, будь он свободен, он видел бы дальше. Но так как человек с детства имеет привычку использовать тело в качестве инструмента ума, едва ли кто знает, как применять ум вне тела. И поскольку душа всегда использует ум как свой инструмент, то он также ограничивает ее видение и опыт. Будь душа способна видеть независимо от ума и тела, она увидела бы бесконечно больше.

Как ни трудно представить ум, не зависящий от тела, еще труднее представить душу, независимую от ума. Вследствие этого, мистик стремится сделать ум независимым от тела, а душу — независимой от ума. Для достижения подобного

положения существуют различные практики и виды сосредоточения. Это подобно стиранию форм из ума и изглаживанию налагаемых умом форм с души. Такой опыт суфии называют сафа (очищение от всех существующих вещей).

Видение истинно видящего

Подобно тому, как у зрения существуют различные качества — такие, как дальность и близость, так и у ума существуют различные свойства. Есть умы, способные видеть на определенное расстояние — и не дальше того, другие — видят дальше. То, что зовется предвидением, не является сверхъестественным, сверхчеловеческим качеством — это лишь ещё большая протяженность охвата видения.

В то время как средний человек способен видеть только действия других, истинно видящий может видеть также причины действий. Если же его зрение еще более острое, он способен видеть причины причин. Никто не может передать свое зрение другому — можно лишь пересказать, что видишь, но этого всегда недостаточно, поскольку, чтобы быть уверенной, каждая душа желает обрести свой собственный, опыт.

Способность видеть суть жизни можно развить посредством наблюдения. Это называют учебой, а фокусирование ума на предмете изучения зовется сосредоточением или концентрацией ума. Подобно тому, как человек, приучая себя поднимать один тяжелый предмет, может приучить себя поднимать несколько тяжелых предметов сразу, точно также посредством наблюдения за объектом своего изучения, человек становится способен аналогичным образом наблюдать любые объекты.

Острота наблюдения есть сама по себе чудо. Сначала взгляд, так сказать, проникает в объект, который вы видите. Затем, подобно тому, как солнечный свет обладает силой раскрывать бутоны, сила острого наблюдения заставляет наблюдаемый объект развернуться и раскрыть свои тайны.

Каждая вещь имеет внутри себя душу, которую называют также ее духом. В древности провидцы распознавали дух в каждой вещи: дух гор, деревьев, звезд и планет, рек, озер, прудов и морей. Проникнуть в объекты и означает коснуться их духа. Несомненно, легче коснуться духа человека, нежели духа предмета, по той самой причине, что человек является в большей степени живым, чем любые иные формы творения.

Человек, чей взгляд неустойчив, не способен наблюдать полноценно. Подобным же образом и ум, не являющийся устойчивым, не может наблюдать должным образом. Поэтому мистики предписывают определенные позы, в целях придать телу устойчивость — поскольку ум и тело реагируют друг на друга, и устойчивость одного придает ее и другому.

И тот, кто владеет собой, кто контролирует свои тело и ум, обладают равновесием и мудростью. Мудрость возникает из устойчивости, а вслед за мудростью приходит внутреннее зрение.

Жизнь существует в трех аспектах, и, усматривая ее триединство, человек достигает Божественного знания. Мистики считают, что идея Божественной Троиственности (Троицы) выражает именно эту философию. Эта же идея присутствует в индуистской религии, где она известна под именем тримурти. У индуистов есть некий обрядовый инструмент, род трезубца, символизирующий вышеупомянутую идею, заключающуюся в том, что существует три различных аспекта в единой жизни. Это вводит обычного человека в заблуждение, не позволяя ему осознать скрытое за различиями единство.

Итак, первым аспектом является познающий, вторым — познаваемое, и третьим — познание. Они могут быть названы и иначе: видящий, видимое и видение. Это три поворота на одной и той же дороге, скрывающие ее и расчленяющие натрое. Исходя из сказанного, данная головоломка должна быть разрешаема на духовном пути как имеющая первостепенное и решающее значение. Если барьеры, разделяющие эти три аспекта, удалены, мистик осознает жизнь как одно, а не как три.

Оккультная сила есть способность знания или видения. Важнейшим аспектом ее является сам видящий, другим — то, что он видит, и третьим — сила видения. Основание такого положения дел состоит в том, что видящий есть источник и начало как того, что он видит, так и самой силы видения. Вот почему Иисус Христос называет Бога — Отцом. То, что видимо, содержит в себе свет, наследуемый от видящего. Будь то цветок или плод, они обладают излучением, которое и делает их явными. Существует стихотворение персидского поэта, поясняющее это: «Соловей позаимствовал у Тебя свою прекрасную песню, и роза заимствовала у Тебя свой цвет и благоуханье»...

Средствами, используемыми видящим в качестве инструмента, является ум, который есть орудие души, и тело — орудие ума. Итак, первый урок, который видящему необходимо усвоить — это связь между ним и тем, что он видит. Как только мистик начинает видеть жизнь с такой точки зрения, как только он начинает связывать себя с тем, что видит, он становится способным понимать то, что видит гораздо глубже, чем средний человек.

Суфизм — не религия, поскольку он не дает какой-либо доктрины или принципов, это — точка зрения. Древние ведантисты также разделяли данное воззрение, обучая священной формуле «Тат твам аси» («Каков Ты есть — Я есть»). Исходя из этой точки зрения, когда взгляд достигает достаточной остроты, даже предметы становятся ясными для видящего и говорят с ним. Вся жизнь начинает разворачиваться перед ним подобно открытой книге. Но нет ничего интереснее для видящего, чем человеческая природа.

Обычно между двумя людьми существует множество преград, таких как предрассудки, вражда, скрытость, отчужденность и прочие аспекты двойственности. Всякий относился бы к другому как к самому лучшему в мире другу, если бы обнаружил, что тот понимает его. Ничто так не сближает людей, как взаимопонимание. Но что такое понимание? Это и есть тройственность в единстве. Часто удивляются: «Почему я не понимаю этого человека?..» — но не сознают, что человек сам создает барьеры, отделяющие его от другого. Если эти барьеры не создаются, душа имеет свободу видеть, и тогда ничто не может стоять на ее пути. Вы полагаете, мудрецы и святые стараются видеть мысли других людей? Нисколько. Это не имеет для них значения; но мысли других проявляют себя восприятию святых. Почему? Потому что у тех отсутствуют барьеры двойственности.

Мистик стремится открывать себя, и достичь этого он может посредством размышления над идеей Бога, Который есть абсолютное единство. Когда человек осознает это, все науки типа физиогномики или френологии становятся для него подобием игры: посредством этих наук человек видит только часть — в свете же души ему видно целое.

Взгляд видящего проницателен, и тем он отличается от взгляда среднего человека. Его взгляд обладает тремя свойствами. Первое: он видит насквозь тело, ум и душу. Второе: он открывает, отпирает, разворачивает явления; он обладает силой искать и находить. Третья качественная характеристика взгляда видящего еще более удивительна. Речь идет вот о чем: как только он падает на какой-либо объект, то побуждает его произвести то действие, которое видящей желает, чтобы было

произведено. Это не означает» что видящий творит явления заново, но он пробуждает некие особые свойства, которые, вроде бы, до того спали.

Это вполне естественно, ведь и в повседневной жизни мы часто видим, что нашим страхом мы творим в окружающих настроение испуга; как, если мы любим, то творим вокруг себя доброту и мягкость. Легко можно превратить друга во врага тем, что считаешь его таковым, но также возможно и превратить врага в друга посредством ожидания, что он таков и есть. Следовательно, таким образом, мистик обладает тенденцией оборачивать все, что угодно в то, чего он желает. Превращать уродство в красоту, или красоту в уродство — вот, что может совершить его взгляд. Думающему глубоко это доказывает, что вещи не являются тем, чем они представляются, но это мы делаем их такими, каковы они есть. Можно всю жизнь превратить в сплошное и абсолютное уродство, или же ее можно превратить в возвышенное видение совершенной красоты. Владыка йогов, Шива изображается с коброй на шее, то означает, что смерть, ужасающая каждого, им принимается, как жизнь. Таким образом, даже смерть может быть обращена в жизнь. И жизнь оборачивается смертью всего лишь вследствие различия точек зрения.

Первая характеристика взгляда видящего — пронизательность — зависит от ясности его видения. Вторая характеристика — раскрытие объектов — зависит от просветленности души. Но третья, самая важная, происходит из доверия себе, называемого иман.

Развитие внутреннего видения

Каждая форма обладает тенью: у звука есть отзвук, у света — отсвет. И так же все, что мы видим, слышим или ощущаем, создает в нас целый ряд впечатков. Однако, чтобы ощутить в звучании призывки, отзвуки требуется музыкантское ухо. Как необходим глаз художника, чтобы узнать форму по ее тени, как нужен острый взгляд для различения степени преломления света, так, чтобы видеть насквозь все, что ни есть в жизни, требуется душа видящего. В сердце каждой души есть видящий глаз, однако установка большинства людей удерживает этот их взгляд опущенным к земле, вместо того, чтобы дать ему подняться кверху. Обычно люди имеют тенденцию видеть поверхность вещей. Неверно, что средний человек не может видеть дальше. Просто он не думает, что есть что-то дальше и не дает себе труда увидеть то, что там есть. Многие обладают достаточными умственными способностями, чтобы воспринимать все, что скрыто позади явлений, но первейшим фактором, ограничивающим их видение, является узкий кругозор их интересов. Они недостаточно заинтересованы в вещах, о которых не знают и в которые не верят, чтобы беспокоиться о них. Они были бы рады обладать интуицией, если бы это было легко достижимо. Мыслить способны многие, но они не желают взять на себя заботу думать.

Для того чтобы воспринимать, необходимы две вещи: первая — открытость, другая — усилие, совершаемое в данном направлении. Когда человек созерцает что бы то ни было, его ум должен быть свободен от всего, что может этому мешать; это и есть открытость. Необходимо также добиться с помощью концентрации ума способности фокусировать его на определенном предмете. Следующее, что важно, это испытывать достаточный интерес к тому, с чем мы приходим в соприкосновение и о чем имеем желание узнать, такой, чтобы быть способным проникнуть под поверхность и обнаружить, что скрывается за ней.

Раскрытие той ясности видения, которая дается внутренним зрением, является самой важной вещью в жизни человека. Любая эмоция заслоняет внутреннее зрение, подобно облакам, скрывающим солнце. Именно поэтому умнейшие и опытнейшие люди в момент страсти совершают поступки, которые они никогда бы не совершили при иных обстоятельствах. Ум теряет свойственный ему ритм под воздействием эмоций; это расстраивает ритм тела, сбивая человека с толку и делая его неспособным ясно видеть обстоятельства.

Вот, почему мудрецы стараются сохранять спокойствие любой ценой. Ежедневно и ежечасно мирская жизнь несет обстоятельства, нарушающие этот покой, составляющий тайну внутреннего видения. Малейший звук или беспокойство, внутреннее или внешнее, могут расстроить состояние человека, всем своим существом старающегося сохранять соответствующий цели ритм. Вот, почему мудрецы избирали уединение вдали от мира. Но лучшим способом сохранения покоя является удерживание контроля воли над своим ритмом. С его помощью можно оградить свой покой среди величайших жизненных треволнений. Человек по природе стремится к миру и только в нем одном обретает удовлетворение; но часто он ищет его на ложном пути, и тогда, вместо того, чтобы производить мир, он вносит в жизнь еще больше борьбы. Секрет мира заключается в силе воли. Вместо сопротивления силам, которые создают дисгармонию и разрушают его жизнь, человек просто встает твердо лицом к ним. И тогда он может достичь того покоя, который наиболее необходим для обретения глубокого внутреннего прозрения в суть жизни.

Человек сделан из атомов, собранных вокруг способности мыслить — из физических и умственных атомов, образующих его тело и ум. Сила, которая объединила их, которая контролирует их и использует наилучшим образом, есть сила воли. Когда эта сила отсутствует, и тело, и ум распадаются на части под влиянием любого разрушающего покой действия, возникающего откуда угодно. В этом состоит скрытая причина любых болезней и слабостей. Каждая жизненная ошибка, неудача или разочарование имеют эту же, скрытую позади них причину — недостаток контроля, недостаток устойчивости и силы противостоять враждебным влияниям, приходящим изнутри и извне.

В терминах веданты жизнь может быть уподоблена морю, где непрерывно вздымаются и ниспадают волны. Величайший урок, который человек постигает, урок, более всего помогающий ему в сохранении дающего внутреннее видение покоя, состоит в том, чтобы стать способным по своей воле уподобляться отливу и приливу: когда необходим отлив — стать им; когда — прилив — быть таким, как он; когда нужно — выражать; когда нужно — воспринимать...

Внутреннее зрение можно уподобить смотрению в увеличительное стекло. На далекое расстояние глазу открывается широкий кругозор; если же вы находитесь близко от предмета, ваш кругозор сужен. Однако при таком узком кругозоре вещи видны более отчетливо: вы можете рассмотреть их детали; когда же ваш кругозор широк, вы не видите детали вещей, зато тогда схватываете их общий вид. Этот же закон можно отнести и внутреннему видению: когда мы смотрим на отдельного человека, мы схватываем впечатление от его индивидуального характера; когда же мы глядим на некое собрание, то получаем общее ощущение всей совокупности его настроений.

Сердце — увеличительное стекло души, а глаза — сердца. И, подобно тому, как, когда мы смотрим через очки, видят глаза, а не очки, так и, когда вы смотрите посредством глаз и сердца, видит душа. Глаза не имеют силы видеть, у них есть лишь сила помогать видеть душе. В моменты, когда душа отсутствует, глаза не видят. Но и

сердце — это всего лишь линза, помогающая воспринимать и чувствовать то, что мы видим. Само по себе сердце не видит: видит душа.

Говорят, что существует такая вещь как третий глаз, который, собственно, и обладает способностью видеть. Да, это так. Иногда этот третий глаз видит через наши два глаза, и тогда наши обычные глаза видят вещи более отчетливо. С помощью третьего глаза наши глаза могут проникать сквозь стену физического существования, видеть, что творится в умах людей, что стоит за их словами, и еще многое. Когда человек начинает видеть, первое, что происходит — оказывается, что все видимое его глазам имеет более глубокое значение, большую значительность, нежели ему виделось прежде. Каждое движение, каждый жест, каждая форма, черта, голос, слова, выражения, атмосфера — все становится выразительным и свидетельствующим о природе и характере личности. Не зная этой тайны, многие стремятся изучать физиогномику или френологию, графологию и хиромантию. Но в сравнении с ясновидением, все эти науки ограничены. Они имеют смысл, однако, в сравнении с данным человеку внутренним видением, они выглядят не слишком значительными. Кроме того, «чтению» характера не учатся: его открывают в себе. Это — чувство, пробуждающееся внезапно. Нет нужды обучаться ему — человек уже знает это.

Таков один род внутреннего видения, но существует и другой — видение сути событий. Будь то бизнес, любые иные профессии, жизненные обстоятельства или положение в обществе — если внутреннее видение прочищено, вы схватываете суть ситуации. Ибо что делает жизнь трудной, так это недостаток знания. Вы можете встретиться с небольшой проблемой, но если вы не знаете, что это такое, она может стать для вас наитяжелейшей, наихудшей из всех проблем, потому что вы не понимаете, в чем дело. Вы можете анализировать проблему, продумывать ее без конца, но без внутреннего видения она так и останется для вас головоломкой. Именно его развитие и дает возможность ясно видеть суть событий, обстоятельств и жизненных проблем.

Способность видеть нуждается в направлении. К примеру, чтобы взглянуть вправо или влево, вперед или назад, необходимо придать глазам соответствующее направление. Придание направления есть работа воли. За двадцать четыре часа дня и ночи человек лишь пять, или, может быть, пятнадцать минут видит то, на что указывает его воля; в остальное время он видит автоматически. Другими словами, раз ваши глаза открыты, ваше сердце подвергается воздействию всего, что вы можете увидеть, и вы, сами того не зная, хватаетесь за различные вещи, привлекшие ваши глаза и ум. Все, что вы видите в течение дня и ночи, не есть то, что вы хотели бы видеть, но то, что вынуждает вас видеть окружающая вас жизнь. Вот почему мыслители и мудрецы Востока в древности накидывали покрывало на голову: чтобы не видеть никого и ничего и быть в состоянии контролировать свой взгляд. Суфии прошлого держали голову покрытой по много лет, и через это развивали такие силы, что могли взглядом пронизать скалы и горы. И достигалось это только лишь контролем над взглядом. Йоги во все века работали не только над своим умом, но и над своими глазами, добиваясь такой стабильности взгляда, чтобы можно было направлять его на все, что бы они ни желали испытать или внутрь чего проникнуть.

Не так давно в Хайдарабаде жил один мюрид, склонный к интеллектуальным занятиям и любивший поговорить. Его учитель был заинтересован его интеллектуальными изысканиями и поощрял его говорить, хотя обычно на Востоке учение в присутствии учителя хранит молчание. Но как-то раз учитель был в состоянии духовного восхищения, а ученик, как обычно, хотел спорить и дискутировать, что в тот момент было неприемлемо для учителя. И тот произнес по-персидски: «Хамуш», — что означает молчание. И ученик замолчал. Он пошел домой, но и там оставался

безмолвным. И с тех пор никто не слышал его голоса ни в доме, ни вне его. Никогда и нигде он не произнес больше ни слова. Годы проходили, но человек хранил молчание, и настало время, когда его безмолвие заговорило громко. Его безмолвные мысли проявлялись, его безмолвные желания исполнялись, его безмолвный взгляд мог исцелять и воодушевлять. Его безмолвие стало живым. Произносимые им вслух прежде слова — именно они и лишали его жизни все это время. Как только его губы сомкнулись, безмолвие ожило в нем. Его присутствие стало живым. Жители Хайдарабада называли его Шейх Хамуш — властелин безмолвия, или безмолвный владыка.

Говоря это, я имею в виду, что глазами обладают все, однако, чтобы заставить их жить, требуется длительное время. Ибо глаза видят так далеко, как могут, и не дальше, и только сердце, связанное с глазами, способно заглянуть дальше. Если же через них смотрит душа, она способна видеть еще дальше.

Совершенно иной вопрос, как добиться сфокусированности взгляда. Если вы желаете увидеть луну, вам надо смотреть на небо, а не на землю? Если же вы хотите видеть небо, вы должны изменить направление взгляда. В наши дни на Западе, где число учеников, рьяно ищущих истину, велико, многие из них совершают одну и ту же ошибку: имея целью то, что можно увидеть лишь внутри, они желают искать его вовне. Тем не менее, это естественная склонность: человек ищет вовне все, в чем бы у него ни была нужда, и, естественно, там же он ищет и достигаемого внутри.

Как же можно смотреть внутрь и что мы увидим там? Во-первых, «внутри» означает не только то, что внутри, но и то, что вовне тела. Это можно понять в сравнении со светом лампы: свет находится внутри шара, но и снаружи тоже. Так и душа пребывает и внутри, и вовне. И таков же ум: он не ограничен внутренним пространством тела. Иными словами, сердце больше, чем тело, а душа еще больше. И, в то же время, душа согласована с сердцем, а сердце — с телом. Это величайший из феноменов, однако, его едва ли можно объяснить словами. Существуют интуитивные центры, и для того, чтобы заглянуть в эти центры, необходимо повернуть глаза назад, внутрь. Тогда те же самые глаза, что умеют смотреть вовне, оказываются способными глядеть внутрь.

Когда человек овладевает этим способом видеть, страдание, удовольствие, радость, печаль каждого, кто ему встречается, проявляются в его собственном сердце. Он действительно видит их. Он видит их даже более ясно, чем если бы он видел глазами. Таков язык сердца. Глазам он не известен.

Кроме того, если сердце человека ожило, его опыту становится доступен иной мир. Ибо то, что обычно испытывает человек в своей повседневной жизни, есть всего лишь доступное восприятию органов чувств — и ничего более. Но когда он начинает испытывать тонкие ощущения сердца, он начинает жить в ином мире, хотя и продолжает ходить по той же земле и оставаться под тем же солнцем. Поэтому не удивляйтесь, если встретите существа, живущие в другом мире, в то время как они ходят по нашей земле. Это столь же естественно, как то, что существует нечто, чему место в сердце человека, а не только на земле. Люди Востока называют такие существа сахиб-идиль, что означает: правящий ум.

Если же человек проникает еще глубже во внутреннее пространство, он обретает жизнь в душе, и для него становятся естественными вдохновение, интуиция, видение, откровение. Душа начинает сознавать тогда свое владение. Это то царство, о котором в Библии сказано: «Взыщите прежде Царства Божия». Тогда сама душа начинает видеть. И человек обретает возможность заглянуть еще дальше. Что позволяет ему достичь данной ступени — это путь медитации под руководством истинного учителя.

Первое, что необходимо сделать на данном пути — необходимо обрести контроль над взглядом. Следующее: научиться контролировать чувства. И третье: достичь контроля над сознанием. Если эти три качества достигнуты, человек начинает смотреть во внутреннее пространство. Смотрение во внутреннее пространство чрезвычайно помогает ему смотреть вовне. Рассматривающий внутреннее пространство обнаруживает, что все, что внутри, проявляет себя вовне. Тогда та сила, что «заряжает» сердце и глаза, также начинает проявлять себя вовне. Его ВЗГЛЯД становится пронизательным, а его воздействие — целительным, умиротворяющим, возвышающим и животворящим.

Глава 18. ВПЕЧАТЛЕНИЕ *

Первой ступенью на пути оккультного развития является ясность впечатлений, получаемых от объектов, людей и событий. Впечатлительному уму даже, предметы, если так можно выразиться, говорят о своей истории, о своем происхождении, применении и о своих секретах. Еще сильнее впечатление от живых существ. Внешний вид человека говорит о его прошлом, настоящем и будущем. Приходящий к вам в дом часто приносит вам свою радость или печаль, результаты своих добрых и злых дел, воздействие своего высокого или низкого ума; он настраивает вибрации атмосферы вашего дома на свою высоту и заряжает ее своими собственными вибрациями. Если только вы способны воспринимать, ему нет нужды говорить вам ни слова о себе — вы и так знаете, царит ли в его душе ад или рай. Ибо нет нужды ожидать небес или преисподней в будущей жизни — они уже здесь; только после смерти они будут еще более ощутимы. Вследствие этого общение с человеком небес может дать вам ощущение воздуха небес, а общение с кем-либо другим даст вам почувствовать вкус других мест.

Отсюда очевидно, что каждый индивидуум — это определенный тон и ритм: тон, подтягивающий тон любого другого человека к своей собственной высоте; ритм, побуждающий всех других людей следовать такому же ритму. И это и есть та область жизни, где человек испытывает принуждение; это и есть то обстоятельство, которое отвращало мудрецов от мирской жизни и побуждало их испытывать склонность бежать от мира и искать убежища в лесах и пустыне. Средний человек не чувствует этого. Он, совсем как ребенок, всецело погружен в игру. Большинство людей в мире занято перетягиванием каната друг с другом. Вот, почему они слабо чувствуют: их тянут, но и они тоже тянут другого на канате.

Однако тот, кто настроен на абсолютно иную, нежели средний уровень, высоту и чей жизненный ритм совершенно иной, тот, естественно, может ощущать, что его тянут, и очень сильно. И единственный способ, которым пользуются мудрецы, чтобы защитить себя от этого, заключается в практиковании вайрагья — независимости и безразличия в единстве, которому невозможно выучиться или обучить, но которое приходит само собой. Это не означает не испытывать любви или горечи — это означает только подняться как над любовью, так и над ненавистью.

Как приобретаются впечатления? Все впечатления достигают мозга через нервные центры. По большей части, они вбираются вместе с дыханием. (Однако, говоря это, я не имею в виду дыхание, вбираемое через ноздри). Тому, кто способен воспринимать впечатление от человека, нет нужды ждать, чтобы увидеть, как тот проявит себя — он

знает это незамедлительно. Очень часто человек с первого взгляда чувствует, будет ли этот человек его другом, или же проявит недружелюбие.

Вид, как предмета, так и живого существа до определенной степени говорит сам за себя. Однако по большей части, человеческому духу приходится срывать покров, скрывающий сущность вещей. Если мы проследим происхождение медицины, то обнаружим у истока ее то же самое убеждение, что и у мистиков: что все открыто познанию человека. Возможно, своими объяснениями люди и разделяют источники происхождения знания, однако, в конечном счете, все оно коренится в человеческой душе. Исходя из этого, человек, способный воспринимать впечатления верно, постигает истину не только об объектах и людях, но даже о делах и событиях как своей жизни, так и жизни других. Проявление событий или даже одна мысль о них заключает в себе скрытый голос, который говорит ему «да» или «нет», «верно» или «неверно», будет ли успех или неудача, делать ли что-то или не делать. Однако кто-то может спросить: «Если это так, можем ли мы никогда не ошибаться и не испытывать поражений, никогда не быть обманываемым другими и введены в заблуждение?» Ответ состоит в том, что нам недостает сосредоточенности, и отсутствие в уме покоя служит причиной всех заблуждений и неудач. Ибо взбаламученная вода не дает четкого отражения, — а только вода спокойная. Ясность отражения зависит также и от чистоты воды. Так и с умом: ум, чистый от всего, что приводит его в беспорядок или в заблуждение, от всего, что обуславливает его нечистоту, способен приобрести ясное впечатление. Четкое определение чистого и нечистого состоит в том, что любой внешний элемент, который разрушает тот внутренний элемент, с которым он смешивается, тем самым затемняет, делает нечистым этот изначальный элемент. И дух, который есть чаша материи, становится нечистым, когда материя «прилипает» к нему, и он не может от нее отмыться.

Медитация и концентрация ума предназначены для того, чтобы успокаивать умственную активность и очищать дух от всего, что разрушает чистоту.

Умственная запись

Ум подобен машине для записи речи. Но так как он — механизм живой, он не только воспроизводит то, что на нем записано, но и создает новое.

Каждая создаваемая умом мысль некоторым образом связана с тем, что уже записано — с тем, что сходно с ней, хотя и не совсем таково, как она; таким образом, одна линия, одна борозда, глубоко запечатленная в уме, может иметь ряд меньших ответвлений — подобно побегам от ствола дерева. Вследствие этого, видящий учится распознавать линии, запечатленные более глубоко, посредством наблюдения за их ответвлениями — совсем как, глядя на лист, мы можем определить, какому роду дерева он принадлежит. Таким образом, он способен узнать больше о человеческой мысли, нежели кто-либо еще. Как правило, всякая мысль, выражаемая человеком, в глубине своей связана с неким глубоким чувством. Чтение глубинной линии в уме подобно прочтению причины самой человеческой мысли. Знание же причины мысли может дать гораздо большее понимание, чем знание только самой мысли. Это подобно стоянию по другую сторону стены — где мысль подобна стене; позади же нее скрыта ее собственная причина.

Различие между причиной и ее следствием часто бывает подобно различию между кислым и сладким. Просто — хотя это часто и вводит в заблуждение — один и тот же плод может быть кислым, пока он не созрел, и сладким, будучи созревшим, когда мы

начинаем постигать жизнь с такой точки зрения, наше мнение о мыслях претерпевает изменение. Существует огромная разница между чтением мысли извне и чтением ее изнутри, из ее источника. Формирующий свое мнение по тени не видит реальности. Действие мысли — ничто иное как тень, в то время как реальностью является причина, источник мысли.

Но что такое эти глубинные линии, откуда исходят ответвления? Они являются теми впечатлениями, которые человек приобретает в первой половине жизни. На Востоке, принимая во внимание данную теорию, в семье соблюдают определенные правила по отношению к будущей матери и ее ожидаемому ребенку, с тем, чтобы предотвратить проникновение в их ум нежелательных впечатлений. Это показывает, как важно изучать данный вопрос.

Человек есть преимущественно ум, а не тело; и так как ум подвержен впечатлениям, таков и человек по своей природе. По большей части его болезни, здоровье, преуспевание, неудачи — все зависит от впечатлений, содержащихся в его уме. Говорят, линии судьбы и смерти запечатлены у человека на лице и на ладони, однако я бы сказал, что участь человека предрешают впечатления, содержащиеся в его уме, и если вы научились читать линии ума, вам нет необходимости в чтении линий на руке или лице.

Может ли этот язык быть изучаем, подобно стенографии? Нет, метод здесь иной: в то время как каждый человек, думая о другом, развивает мысль вперед, видящий движется как бы назад. Все впечатления — радости, горя, страха, разочарования отпечатываются на нашем уме. Это означает, что они стали нашим «я». Иными словами, человек — это запись его впечатлений. Старые религии говорили, что ангелы записывают все хорошее и плохое, что совершили каждый из людей, и что запись человеческих действий будет воспроизведена в последний день. Что мы можем извлечь из этого аллегорического утверждения — это то, что в уме запечатлевается все. Хоть что-то и забывается, но оно всегда там, и в один прекрасный день оно себя проявит.

Можно легко проследить прошлое человека из того, что он говорит и из того, как он это выражает. Прошлое непрестанно звучит в его сердце, как колокол. Человеческое сердце — это пленка диктофона, сама собой воспроизводящая записи, и если диктофон прекратил говорить, надо только перевернуть пленку, и они будут продолжать разговаривать. Человеческое «сейчас» являет отзвук прошлого. Если человек прошел через страдания, даже если ему теперь лучше — он все еще излучает ту же вибрацию; внешние условия не изменят его внутренней сущности. Если он был счастлив, даже в трудные времена, его сердце будет звучать прошлым. Когда два человека, бывшие прежде врагами, волей случая стали друзьями, они все еще будут чувствовать в себе пульсацию накала прошлой враждебности. В атмосфере, окружающей великих царей, даже если они свергнуты с трона, все еще можно ощутить вибрацию их прошлого. Прошлое живо, и его не так-то легко разрушить, как бы ни было велико желание покончить с ним.

В речах человека и в его поступках видящий видит определенный строй, который раскрывает линии, имеющиеся в его уме. Наиболее интересно проводить исследование данного предмета посредством изучения искусства разных веков и наций. Каждая нация имеет свои типичные линии и формы; каждый период демонстрирует в своем искусстве своеобразие выражения. Это может быть обнаружено в метафорах поэтов и в мелодиях композиторов. Если вы изучаете творческий путь одного музыканта, его деятельность на протяжении всей жизни, вы можете увидеть, что все его творчество развивается на основе некоей линии. Так же, изучая биографии великих людей, вы обнаружите, как одно событие соединено с другим — отличным от него и, все же, сходным с ним по

типу. Отсюда вытекает, что вор со временем становится еще большим вором, а праведник со временем может стать святым. Таково естественное положение дел.

Это вовсе не трудно — скользить по линии, которая уже существует в чем-то, уме. Трудность состоит в том, чтобы действовать против высеченной там линии, и особенно в случае, когда это нежелательная линия. Шива по этому поводу имеет учение, называемое виприт карнаи: действие против своей натуры. Он придавал этому методу работы над собой важнейшее значение, ибо посредством его, в конечном счете, достигается совершенная власть.

Позади пяти чувств стоит одно, главнейшее чувство, действующее через их посредство. Именно благодаря этому чувству человек ощущает приходящие к нему извне впечатления глубоко и отчетливо. Каждое впечатление и каждый опыт, приобретенные посредством этого чувства, записываются в глубинных линиях ума. В природе этих линий желать и нуждаться в переживаниях такого типа, как те, что уже записаны в них — соответственно их глубине. К примеру, пристрастие к соли и кислоте или перцу является приобретенным вкусом, и знаком этого приобретения оказывается глубокая линия в уме. Каждая линия, возникающая таким образом, стремится жить записанным в ней впечатлением и впредь, и отсутствие последующего опыта такого рода для нее подобно смерти. Неприятные запахи, такие, как запах рыбы, уксуса или сыра, становятся приятными, когда образовалась соответствующая линия. Вкусы еще более неаппетитные могут стать исключительно желанными, если только в уме отпечатались соответствующая линия.

Это же правило применимо к нотам в музыке. Определенное сочетание нот, определенная их композиция, произведшая однажды впечатление на ум, может стать для него чрезвычайно желанной. Чем больше человек слушает музыку, когда-то произведшую впечатление на его ум, тем более он желает слушать ее. И он никогда не устает от нее — если только другая, более глубокая линия не сформируется в его уме; тогда первая, возможно, будет отвергнута и отомрет. Вот почему музыка, присущая определенной группе людей, будь она высокоразвита по форме, или нет, — для этих людей является идеалом музыки. Из этого следует, что воздействует не та музыка, что написана где-то вовне, но та, что записана внутри ума. Таким же образом, музыка каждого композитора способствует формированию его характера.

В этом состоит причина сходства музыки различных композиторов, ибо линии, впечатленные в их уме, образованы тем, что они слышали; и поскольку самые первые линии в них были заимствованы от других композиторов, возникает сходство.

Этот закон действует и в поэзии: наслаждение вызывает поэзия, отвечающая нашим предшествующим впечатлениям. Если стихи, которые мы читаем, не гармонируют с нашими первыми впечатлениями, наслаждение не столь велико. Чем больше мы читаем поэзии определенного рода, тем больше мы наслаждаемся ею, потому что она впечатывается глубоко в наш ум. Отсюда очевидно, что не только то, что желанно, но также и то, что нежелательно может стать предметом нашего предпочтения. Даже то, что мы никогда не желали бы иметь — к примеру, боль, болезнь, невзгоды или смерть, если только они глубоко впечатаны в ум, продолжают бессознательно переживаться снова и снова.

Интересно заметить, что если у человека сформировалось мнение об определенной вещи или о человеке, и впоследствии все опровергало это мнение, — тем не менее, он будет держаться его, поскольку данные линии глубоко впечатались в его ум. Насколько же справедливы слова мистика, утверждающего, что истинное «я» человека — это его ум! И еще более любопытно отметить, что, проводя всю жизнь под влиянием этих своих

глубинных отпечатков в уме, человек еще хвалится тем, что он называет своей свободной волей...

Каждая из линий, глубоко врезанных в поверхность ума, может быть уподоблена кровеносному сосуду, по которому протекает кровь, поддерживающая в нем жизнь. Пока кровь течет, она производит ростки ответвлений от глубинной линии. Но существуют моменты, когда в тех линиях, где кровь не течет, наступает своего рода переполнение, и вследствие этого не возникают новые побеги. Когда такой переполненной линии касается относящееся к ней внешнее влияние, это побуждает кровь снова течь, и тогда возникают побеги, выражающиеся в мыслях. Это подобно тому, как если бы линии пребывали в состоянии сна или бодрствования.

Как в музыке мы в каждый момент времени воспринимаем лишь одну ноту или один аккорд, так одновременно может быть осмысляема только одна линия «побега». Что побуждает кровь бежать по данной определенной линии, так это тепло заинтересованности. Существуют также линии, которые, будучи живыми и полнокровными, не поддерживаются теплом интереса; тогда они как бы закупорены и тем самым парализованы. И все же в них есть кровь, в них есть жизнь: она просто ждет момента, чтобы пробудиться. Печали прошлого, страхи прошлого, радости прошлого могут быть оживлены через годы и дадут те же ощущения, что были пережиты в прежнее время.

Чем больше мы постигаем мистерию этого феномена, тем более мы обретаем способность понимать, что в нашем существе заключен целый мир: в нашем уме находится источник счастья и несчастья, источник здоровья и болезни, источник света и тьмы; и что он может быть пробужден, как непроизвольно, так и нашей волей — если только мы знаем, как это сделать. Тогда мы больше не проклинаям злую судьбу и не жалуемся на окружающих. Мы становимся более терпеливыми, более радостными и более любящими по отношению к ближним, ибо мы знаем причину каждой мысли и действия и видим их все как проявления определенной причины. Врач никогда не станет мстить пациенту психиатрической больницы, даже если последний ударит его, ибо он знает причину. Психология является высочайшей алхимией, и никто не должен изучать ее, не практикуя ее. Практика и изучение должны идти рука об руку: это открывает дверь счастья для каждой души.

Выражение

В Индии, в древние времена среди придворных у царей обычно бывали люди, которые могли в каждый момент знать состояние ума и настроение своего царя, причем, до такой степени, что очень часто все устраивалось к удовольствию монарха без единого его слова. При дворе Акбара было девять придворных, всегда знавших состояние его ума. Видящий — это тот, чьей обязанностью в мире является жить в присутствии Бога, кто распознает Его присутствие во всех Его творениях, а Его личность — в человеке; он исполняет долг придворного по отношению к каждому человеку. Тот, кто живет, пребывая по отношению к окружающему мертвым, как камень, не знает, кому он нравится, а кому нет, кто ожидает от него мысли или уважения, кому требуется его симпатия или услуга, кто нуждается в нем в своей тревоге и затруднении.

Работа мистика заключается в том, чтобы быть способным читать язык ума. Как служащий на телеграфе читает буквы в сигналах азбуки Морзе, так видящий за любым словом, сказанным ему, открывает то, что побудило его быть высказанным. Так он

прочитывает те линии, что скрыты за мыслями человека, его словами и действиями. Он понимает также, что любой вид устремления и желания, хорошего или дурного, своим источником имеет глубинное впечатление. Зная, что в этом корень болезни, он способен легко найти путь к ее исцелению. Нет такого впечатления, которое нельзя было бы изгладить.

Мистики работают с этими запечатленными в уме линиями двумя способами. Один состоит в обновлении линии путем изменения ее окраски и, таким образом, преобразования впечатления в иное. Несомненно, это требует огромных знаний химии процессов ума. Другой путь, используемый мистиками, состоит в стирании линии с поверхности ума. Однако, чтобы уничтожить одну линию, если она глубока, часто приходится стирать значительную часть самого ума.

Естественно, мистик становится терпимым к любому отношению со стороны окружающих — поскольку он видит не только отношение, как оно проявляется — глубокомысленное или бездумное, холодное или теплое, но и причину, скрытую за ним.

Читая человеческий ум, мистик приобретает внутреннее видение человеческой природы, и жизнь человеческих существ начинает проясняться ему как работа некоего механизма. Отсюда он узнает, что жизнь заключается в том, чтобы давать и брать. Человек не только получает то, что другой дает, но сам также дает то, что получает другой. Таким образом, мистик начинает видеть равновесие в жизни. Он постигает, что если приобретение или потеря, радость или страдание одного перевешивает такое же состояние другого, то это ненадолго. Со временем все суммируется, и приходит в равновесие. Без такого равновесия существование было бы невозможным.

Каждый атом человеческого тела выражает прошлое, настоящее и будущее человека. Причина такого феномена заключена в том, что, прежде всего, каждое побуждение создает свою собственную вибрацию, и действие ее, принимая определенное направление, влияет на сердце, через которое циркулирует кровь всего тела. Таким образом, мысль проявляется на человеческом лице.

Беспокойство человека в отношении других, его удовлетворенность и неудовлетворенность, его любовь и ненависть — все это постоянно проявляет себя в его внешнем облике. Почувствовать эти проявления, более или менее, может каждый; видящий же может «читать» их более точно. Трудно определить с абсолютной точностью признаки мыслей и чувств во внешнем облике человека; тем не менее, частично посредством интуиции, частично из опыта человек способен читать их. Бывают люди, в ком сильно развит самоконтроль — они способны скрывать свои мысли и эмоции; и все же невозможно, чувствуя глубоко, скрыть свое чувство полностью от окружающих. Облик и движения, несомненно, громко свидетельствуют о состоянии личности, но еще громче говорит о нем выражение лица. Каждое побуждение вызывает на лице отчетливые изменения, каждая эмоция оставляет знаки, которые для видящего являются открытой книгой.

Слово «кашф» означает откровение. Это слово употребляется суфиями в том смысле, что человеческое сердце, как правило, закрыто, но тот, кому оно становится открытым, может читать его, как открытую книгу. Читать состояние ума человека по его внешнему виду способны даже собаки и кошки, и часто им это удается лучше человека.

Что делает возможным проникновение во внутренний мир другого человека, так это склонность к нему. Видящий, прежде всего, развивает качество любви. Он, чье сердце горит любовью к Богу, способен любить все человечество. Таким образом, сердце, зажженное любовью, становится светильником, проливающим свет на каждого, с кем видящий встречается. И когда этот свет падает на кого-либо, все его внутренние обстоятельства — его тело, сердце и душа — становятся видящему очевидны. Любовь

— это факел, озаряющий все, что попадает в пределы его света. Ключом же, открывающим сердца людей, является знание Бога.

Облик

Первое, что необходимо при изучении природы человека, это наблюдения за его внешним обликом. Облик обладает двумя аспектами: один из них — голова, другой — туловище. Их можно рассматривать с двух точек зрения — аналитической и синтетической. Первая включает в себя понимание характера каждой части тела и значения ее формы, последняя заключается в понимании гармонии различных частей. Если мы рассматриваем только одну часть, а не ее соотношение с другими, мы понимаем лишь половину явления.

Изучение физиогномики обладает определенным интересом и может помочь тому, кто стремится постигать людей, однако он должен обладать интуицией, которая руководила бы им при составлении суждения. Нет ничего более интересного в жизни, чем изучение человеческой природы, и в достижении знания Бога знание природы человеческой является первой ступенью. Поэтому путь оккультного обучения необходимо начинать с изучения человеческих существ, и первый урок состоит в том, чтобы изучать их внешний облик.

Выступающее положение некоей части или мышцы демонстрирует наличие в них жизненной силы, а недостаток выдвинутости свидетельствует о недостатке в них данной энергии. Исходя из этого, прямизна какой-либо части тела свидетельствует о прямоте природы, а изгиб — если он естественного происхождения — указывает на ее изящество. Заостренность свидетельствует об остроте природы, округлость — об ее нежности, а овальная форма указывает на обтекаемость ума. Пропорциональность головы и тела говорит о соразмерности характера, отсутствие же ее демонстрирует недостаток равновесия. Каждый орган выражает определенную часть человеческой природы, которая по видимости может и не иметь связи с данным органом. Особая манера стоять или сидеть также свидетельствует об определенных особенностях природы. Искривленность там, где должна быть прямизна, указывает на отсутствие прямооты в характере человека. Органы, которые должны быть гладкими, но не являются таковыми, свидетельствуют о недостатке равновесия.

В каждом лице и в каждом облике всегда есть некоторое сходство с низшими созданиями, и человек с острым внутренним видением может распознать его. Интуиция помогает нам понять это. Иногда в лице или в фигуре, иногда в движениях мы проявляем признак того или иного низшего существа, и это означает подобие нашей природы природе данного создания. Чем больше мы наблюдаем с этой точки зрения, тем более проясняется наше видение, и оно показывает нам чудо Творца. Это делает нас терпимыми и всепрощающими, ибо мы понимаем, что никто не может действовать вопреки своей природе. А кроме того, глядя на это чудо, мы начинаем видеть в лице каждого человека Божественное свидетельство подобно тому, как можно увидеть художника в его картинах. И вполне естественно желать изучить этот раздел оккультизма для того, чтобы распознавать в творении Божественную часть и поклоняться Ему.

Лицо

Лицо может объяснить состояние ума и отражать природу и характер личности более полно, чем телесные движения. Каждое незначительное движение глаз, движение губ в улыбке или смехе, движения бровей или самой головы делают ясными состояние ума.

Поднятые кверху концы бровей указывают на эгоизм и проницательность. Сморщивание губ свидетельствует о поиске развлечений, в то время как их подергивание говорят о склонности к юмору или означает испытываемое удовольствие. Вращение глазами или их безостановочное движение указывают на смущение. Скашивание глаз к внешним углам указывает на мозг, наделенный умом, их вбирание внутрь говорит о печали.

Изучая выражение лица, можно получить полное понятие о характере. Изучение же части всегда дает частичное знание. Острая наблюдательность в совокупности с желанием понять помогает «прочитать» состояние ума человека, его природу и характер. Однако взгляд наблюдающего часто бывает окрашен его личными свойствами. Его симпатия или антипатия, склонность или неприязнь стоят между его глазами и тем, на кого он смотрит.

Вот почему иногда наивные люди лучше понимают других, нежели умные, чей ум лукав. Как сказал Саади: «О мой утонченный ум, ты часто становишься величайшим обманщиком».

Манера выражения человека более свидетельствует о его природе и характере, чем его облик или черты лица. В Коране говорится, что глаза и жесты человека сознаются в том, что он старается скрыть у себя в сердце. Сила, слабость, мощь, страх, счастье, радость, затруднение, хвала или проклятье, любовь или ненависть — все это проявляется посредством манеры выражения. И чем более мы становимся способны читать выражение, тем яснее можем читать характер.

Это свидетельствует о том, что за движением скрывается тайна. Существуют определенные вибрации, под воздействием неких обстоятельств они принимают определенное направление; и так в человеческих движениях или выражении лица можно увидеть очевидные знаки этих вибраций. Для изменения выражения от удовольствия к страданию, от покоя к ужасу, от любви к ненависти требуется не одно мгновение. Это показывает, что все атомы человеческого тела, равно как сосуды, полости и мускулы с направлениями их движения, находятся под контролем сердца. Каждое изменение, происходящее в сердце, проявляется на лице, и тот, кто знает его язык, может его прочесть. Люди, часто видящие друг друга, могут «вычитывать» подобные изменения из манеры выражения друг друга, ибо каждый привык уже узнавать изменения выражения лица другого. Но ясность видению придает только развитая интуиция.

Глаза являются представителями души на поверхности, и они говорят нам более ясно, чем могли бы сказать слова. Для того, кто может читать, они являются знаками плана пути эволюции, по которому идет индивидуум. Нет нужды в словах — глаза все скажут о вас другому: испытываете ли вы удовольствие или нет, согласны вы или не согласны, расположены благоприятным или неблагоприятным образом. Любовь или ненависть, гордость или скромность, даже мудрость и невежество — все можно увидеть в глазах, все проявляется через них.

Глаза могут задавать вопросы и отвечать на них, и оттого в быстроте взгляда, в его направленности заключена тайна выражения. Тот, кто способен проследить состояние и черты характера другого человека в его глазах, общается с его душой.

Движения

Каждое движение, совершаемое нами, имеет для видящего определенное значение. Человек не всегда сознает свои движения, и не всякое движение совершается намеренно; однако множество движений, совершаемых бессознательно и безо всякой мысли, для видящего означают нечто. Такой человек смотрит на них с двух точек зрения — с начала и с конца. Для видящего нет движений, не имеющих направления; другими словами, каждое движение направляется предшествующей ему причиной. И для него не существует движения без определенного результата. Это выглядит так, как будто цель заключена в причине, однако, в действительности, она состоит в производимом эффекте. Рождается она в причине, но завершение обретает в действии.

Первое, что открывается мистику в движении, совершаемом человеком, это природа личности; следующее, что он понимает — ее дела. И здесь также является законом, что прямота указывает на прямоту, а изломанность — на изломанность, грация движения свидетельствует о красоте, а ее отсутствие — о недостатке данного качества. Ритмичность движения является свидетельством уравновешенности, а недостаток ритмичности — недостатка в личности равновесия. Горизонтальные движения знаменуют тенденцию расширения. Движения внутрь и наружу указывают на соответствующие тенденции личности. Движения вверх говорят о гневе, мстительности, самомнении или гордости, движения вниз — о подавленности, беспомощности, мягкости. Движения влево и вправо также обладают значением: правая сторона знаменует борьбу и силу, левая — искусство и мастерство.

Тенденция сжиматься указывает на страх, безразличие, холодность, тенденция к вытягиванию демонстрирует желание действовать, силу, мощь.

Склонность оборачиваться свидетельствует о смущении. Наклонность пощипывать и нажимать показывает затруднение или мучительность в уме.

Широта и легкость движений выражают радость и счастье, спокойствие движений без скованности является выражением покоя и мира.

Закон направленности действия пяти элементов в различных направлениях помогает видящему распознать эти элементы в том, как человек сидит, идет, лежит, плачет или смеется. Изучение этих законов движения и направления способно оказывать помощь только тогда, когда развита интуитивная способность. Если изучение затрагивает только интеллект, оно ограничено и сковано. Невозможно в достаточной мере определить глубину человеческой природы, делая это только посредством интеллектуального изучения.

Индуисты верят, что творение является грезой Браммы, то есть, грезой Творца. Проще говоря: что Творец замыслил — Он осуществляет. Так же и человек осуществляет то, что замышляет, в соответствии со своими возможностями. Что из этого материализуется — мы называем это событием; но нам не известно то, что не осуществилось. И все же оно, то, чего мы не знаем, существует в мире мысли. В Коране сказано: «Органы твоего тела будут свидетельствовать о твоих делах в Последний День». Действительно, свидетельство не только о действиях, но даже и о мыслях незамедлительно совершается каждым атомом тела. Природа проявления такова, что нет ничего скрытого, кроме того, что мы не можем увидеть; и то, что мы не можем увидеть, скрыто не само по себе, но от наших глаз.

Цель видящего, таким образом, состоит в том, чтобы видеть, но при этом не быть заинтересованным. Представьте себе, что вы взбирались бы на Эверест и при этом испытывали повышенный интерес к какому-то одному месту, которое вам особенно

нравится, и видом которого вы желали бы насладиться, или же испытывали неприязнь к какому-то месту, которое вам хотелось бы разрушить. В обоих случаях вы позволили бы своим ногам быть прикованными к этому месту на какое-то время, и тем самым вы потеряли бы время и возможности, тогда как в противном случае вы могли бы вечно двигаться и двигаться вперед и, возможно, увидели и узнали бы гораздо больше, чем остановившись на одном месте.

Те, кто беспокоятся о чужих мыслях и пребывают заинтересованными в чужих действиях, чаще теряют свое время и притупляют внутреннее видение. Для тех же, кто идет дальше, добродетелью является осматривать все, что встречается им на их пути, в то время как их ум сосредоточен на цели.

Не является грехом знать чужую мысль, но это, несомненно, становится виной, если заявлять об этом открыто. Стремиться узнать чужую мысль в собственных интересах неверно и не полезно, но, в то же время, видеть с закрытыми глазами также не очень хорошо. Лучшее, что можно сделать — видеть и подниматься над видимым, и никогда не останавливаться на пути. Такое отношение, будучи последовательно практикуемым, приведет человека безопасным путем к цели, к которой стремится его душа.

Глава 19. ИНТУИЦИЯ

Интуиция возникает из глубины человеческого сердца. У нее есть два аспекта: один зависит от внешних воздействий; другой не зависит ни от каких впечатлений извне. Первый именуется впечатлением, второй — собственно интуицией. Интуиция — это тонкая способность, и потому это женственная способность, так как она проистекает из отзывчивости. Женщина более интуитивна по своей природе, чем мужчина.

Очень часто можно услышать: «Такой-то человек оставляет у меня такое-то впечатление», но при этом не приводится никаких доказательств. Возможно, высказавший подобное впечатление не способен обосновать его, — и, тем не менее, оно верно. Некоторые люди, и даже некоторые народы по самой своей природе интуитивны. Для интуитивного человека нет необходимости ждать, пока он раз узнает что-то о человеке; все, чем он нуждается, он узнает в одно мгновение. Как только его взгляд падает на кого-либо, у него возникает впечатление, являющееся первым в ряду видов интуиции. Человек с тонким и спокойным умом обычно обладает интуицией, и, напротив, тот, у кого ум груб и беспокоен, лишен ее. Интуиция -- это сверхчувство, ее можно назвать шестым чувством. Она является квинт эссенцией всех чувств. Когда человек говорит, что почувствовал нечто, это вовсе не означает, что имеются объективные основания, доказывающие что это именно так; это просто означает, что он почувствовал нечто без каких-либо внешних проявлений.

Интуиция, независимая от впечатлений, обладает еще более глубокой природой. Ибо она действует таким образом, что еще прежде чем вы захотели начать что-либо делать, вы уже знаете, что из этого выйдет; прежде чем вы пустились в какое-нибудь предприятие, вы уже видите его результат. Интуиция иногда подобна своего рода внутреннему руководству, а иногда она — предостережение, идущее изнутри.

Каким образом мы воспринимаем ее? Первым делом, она выражает себя языком чувства. Чувство это, распространяясь все шире в пределах ума, обретает очертания, тем самым, более определенно выражая свою идею. Затем ум придает ей форму, а вслед за

этим язык истолковывает ее. Отсюда следует, что интуиция является принадлежностью чувствующего сердца.

Чтобы проявиться достаточно ясно и отчетливо, интуиция обладает тремя аспектами: чувство, образ и словесное выражение. Один слышит голос интуиции еще на первой ее стадии развития. Такие люди более способны к интуитивному восприятию и могут быть названы интуитивными. Другой различает этот голос тогда, когда он выражается в мире мысли. Наконец, третий способен различить интуицию не раньше, чем она проявится в словесном выражении.

Интуитивный человек добр, любящ, сердечен, благожелателен. Интуиция не имеет ничего общего с обучением. Неграмотный может быть более интуитивным, нежели тот, кто прекрасно образован, ибо это иная область знания, и приходит она с совершенно другой стороны.

Обучение интуитивной личности очень часто направляется интуицией; побуждение того, кому недостает интуиции, может приходиться из других направлений, происходя с поверхности. Побуждение, направляемое интуицией, более желательно. Побуждение подобно соломинке, плывущей на поверхности воды, и эта «соломинка» становится порывом, когда толкает сзади волна. Таким образом, человек обретает доверие людей благодаря верным побуждениям, а за неверные — порицается. Но если бы мы видели, что стоит за нашими побуждениями, мы бы не торопились выразить свое мнение о чем-либо.

Очень часто человек интуитивный совершает ошибку, улавливая верное интуитивное ощущение, ибо интуиция приходит с одной стороны, ум же реагирует на это с другой, и человек не знает, что есть что. Если он примет за интуицию действие своего ума, то, разочаровавшись, он теряет веру в себя. Естественно, он больше не желает думать об интуиции, и способность эта все более угасает в нем с каждым днем.

Уловить интуицию — самая трудная вещь. Ибо в один и тот же момент действуют, с одной стороны, интуиция, а с другой — ум. Это подобно тому, как если бы концы палки, чей центр расположен над другой палкой, двигались вверх-вниз, наподобие качелей, и вы не успевали бы заметить, какой конец поднимается прежде, а какой затем. Поэтому необходимо очень тщательно следить за действиями ума, что достигается посредством досконального практикования сосредоточения. Надо быть способным смотреть на свой ум, как если бы он лежал перед вами, подобно грифельной доске; глядя на него, надо быть способным оторвать себя от всего прочего, фиксируя свой ум исключительно на своем внутреннем существе. Развивая концентрацию ума, успокаивая ум, мы можем быть настроены созвучно с высотой, которая требуется для того, чтобы почувствовать интуицию.

Если вы испытали однажды разочарование в попытке ощутить интуицию, не следует терять мужество; надо продолжать, даже если вам кажется, что это сплошная ошибка. Если вы следуете интуиции неизменно, вы придете к верному ее ощущению.

Распознать интуицию непросто. Волны мыслей подобны волнам многоголосия. Чужая мысль вполне способна «вплыть» в ту сферу, где вы являетесь сознательным, и, услышав такую мысль, вы можете подумать, что услышали голос вашей интуиции. Очень часто люди чувствуют подъем или подавленность безо всякой очевидной причины. Это может быть вызвано «дрейфом» мысли или чувства другого человека через ваш ум и ваше существо; и в этот момент вы на мгновение становитесь счастливым или несчастным, без причины на то. Это случается часто со всеми нами в течение дня: нас посещают мысли, чувства и образы, которые мы никогда бы не измыслили сами или для которых у нас нет оснований. Было бы неверно называть их интуицией. Вода в неглубоком пруде не та же самая, что в глубинах земли.

Следовательно, мысли приходящие и уходящие, скользя по поверхности, не стоят того, чтобы от них зависеть. Подлинную интуицию возможно найти в глубинах нашего существа.

Иногда трудноуловима разница между воображением и интуицией. И тои другое приходят одним и тем же путем. Мы не можем сказать, когда начал кристаллизоваться данный образ воображения. Воображение проявляется внезапно, но такова же и интуиция. Вот почему трудно провести между ними разграничение.

Истина состоит в том, что если образ воображения светлый — это определено работой интуиции. Любой образ воображения является интуитивным, пока он не искажен рассудком. Когда интуиция искажается рассудком, она становится воображением. Но каждый образ воображения и каждая мысль, в которых присутствует открытый свет разума, всегда являются интуицией, а потому у озаренного человека не существует мысли или образа, который не был бы интуицией: такая личность всегда пребывает в соприкосновении с ней.

Первое, что следует усвоить, это то, что надо верить в существование такой вещи, как интуиция. Следующее — надо быть способным следовать своей интуиции, пусть даже за это придется платить. И если какое-то время это вводит вас в заблуждение, так не будет постоянно. В конце концов, человек обнаружит, что он на верном пути. Третье, что необходимо, это добиться заостренности своего ума на одном предмете посредством сосредоточения, что позволит вам ощущать интуицию должным образом. Подобно тому, как уши сконструированы таким образом, что голосовые колебания отдаются в них, делаясь ясными для слышащего, так и ум надо сделать родом вместилища (или почвы), в котором (в которой) интуиция сможет проявлять себя ясно. Трудность состоит в том, что внешне работа органов слуха отличается от работы глаз, ум же видит и слышит одновременно. Он столь же восприимчив, сколь и продуктивен; однако он не может воспринимать и творить в одно и то же время, поскольку творчество есть выражение, восприятие же осуществляется посредством восприимчивости.

Ум способен стать вместилищем для знания, приходящего изнутри. Если мы взглянем на людей, мы обнаружим, что из ста девяносто девять по природе являются творцами, но только один из них достаточно восприимчив, чтобы воспринимать посредством своей интуитивной способности. Проблемой в отношении ума является то, что когда вы желаете воспринимать, ум желает творить; когда же вы хотите творить — ум желает воспринимать. Вот почему та мудрость, которая является сущностью жизни и которую необходимо найти в глубине самого себя, может быть достигнута, только если прежде сделать ум покорным, а это достигается посредством сосредоточения. Если ум человека неконтролируем, как можно его использовать? Одно дело узнать что-то, и совсем другое — извлечь пользу из того, что вы узнали. Выучить песню недостаточно для того, чтобы сделаться певцом. Для этого нужно владеть своим голосом. И так же с интуитивным знанием. Когда человек обрел высокие свойства посредством длительных занятий, но не способен извлечь пользу из своего знания — что ему в том?..

Существует достаточное число ученых людей; но в чем мы нуждаемся сегодня, так это люди, обладающие совершенным умом — те, кто видят не только внешнюю жизнь, но также и внутреннюю, кто извлекает вдохновение не только из внешней жизни, но также из жизни внутренней. Тогда они становятся выражением того совершенного Существа, которое скрыто: скрыто за многообразием жизни.

Глава 20. ВДОХНОВЕНИЕ

С биологической точки зрения, можно сказать, что низшие создания рождаются с определенными инстинктами, такими как склонность летать, защищаться с помощью рогов или кусать зубами. Все способности, которые они проявляют — врожденные. Но они не составляют исключительное наследство, полученное от предков — они также являются свойством духа. Это именно от духа все живые существа получают некое руководство в форме наклонностей. Сегодня, когда расцветает наука и преобладает материализм, человек забывает о том наследстве, которое он получил от духа, и приписывает все знание и опыт материальному существованию физического мира. Но таким образом он лишает себя тех даров, которые могли бы быть названы его собственностью и без которых невозможно жить более полно.

Вдохновение приходит к поэтам, писателям, изобретателям, ученым. Откуда оно берется, где его источник? Почему к поэту не приходит вдохновение музыканта; почему вдохновение поэта не приходит к музыканту? Почему оно посещает именно тех, к кому имеет отношение? Причина этого состоит в том, что существует Ум за всеми умами; существует Сердце, являющееся источником всех сердец; и есть Дух, который собирает воедино и накапливает все те знания, которыми обладает каждое из живых существ. Никакое знание или открытие, когда-либо сделанное, не утрачивается. Все оно накапливается, собирается в том уме, как в некоем вечном хранилище. Это хранилище и есть то, что признается видящими в качестве Божественного ума. Любое видение извлекается из этого ума. Может быть так, что поэт в течение месяцев трудится над своей поэмой, не испытывая вдохновения, и эта работа не дает удовлетворения ни ему, ни другим людям, которым она кажется чисто механическим занятием. А кто-то другой переживает момент вдохновения и запечатлевает его. Он никогда не исправляет написанного, никогда не изменяет его: если его изменить, оно будет испорчено. Это — нечто, возникающее мгновенно и являющееся совершенным — таким, каково оно есть. Это — произведение искусства, это — образец красоты; и оно пришло с такой легкостью...

Вдохновение есть знание, изливающаяся, так сказать, из внутреннего источника, без какого бы то ни было специального усилия со стороны ума. Но знание приходит не изнутри. Можно назвать это «внутри» только по отношению к физическому плану, и все это не «внутри», потому что внутри находится душа, а данное знание внешне по отношению к душе. И оно не собрано где-то, подобно кладу, который ангел или дух, являясь, передает вдохновляемому им человеку. Будь это так, поэты становились бы пророками, не зная грамоты, а композиторы сочиняли бы музыку, совершенно не зная законов композиции, по одному лишь вдохновению.

Короче говоря, все это происходит посредством прожектора, испускаемого душой, чей свет перемещается по тем областям, в которых душа испытывает интерес, отбрасывая свет по всей длине горизонта, наблюдая то, что проявляется в его свете и отбирая все то, что представляется полезным, прекрасным, интересным. Это и есть вдохновение. Его можно представить себе, как комнату, наполненную множеством интересных вещей, но лишенную освещения. Некто проникает в нее, вооружившись корабельным фонарем, и начинает светить на все вокруг, пока свет не упадет на то, что он ищет или то, что его интересует. Что он «подбирает» там, это свое вдохновение. Поэтому-то поэта и не может посетить вдохновение музыканта, а художника — вдохновение философа, ибо их миры различны. Они могут направлять свой свет на все, что угодно, но удержат его только на тех вещах, в которых они заинтересованы.

Вот почему взгляд вдохновенного человека остер по отношению ко всему окружающему, вот почему он находит интересным все, что угодно. Вдохновенный человек не будет скучать, слушая беседу о чем-либо, в корне отличном от того, что его интересует, ибо, хотя он может постигать предмет только в той степени, в какой ему позволяет его опыт, он имеет некоторое интуитивное видение сути дела. Я помню, для моего муршида никакой предмет не был абсолютно чуждым или не интересующим его ни в какой мере.

Истинное вдохновение исходит от предмета интереса; но без внутреннего света, сколь бы ни был велик интерес, испытываемый вами в ваших занятиях или практике, успех будет очень невелик. Именно поэтому среди множества художников только один добивается успеха, и среди множества скульпторов, возможно, есть лишь один, кто достиг совершенства в своем искусстве.

Вдохновение — это поток, поток изумления и смятения. Для подлинно вдохновенного человека, в чем бы ни состояла его работа, как только на него снизошло вдохновение, оно становится для него источником удовлетворения, удовлетворения не собой, но тем, что ему пришло. Оно дает его душе такое облегчение, поскольку его душа была отторгаема от чего-то, и это «нечто», от чего она была отторгаема, уступило душе, даровало ей то, о чем она просила. Отсюда, вдохновение может быть названо вознаграждением души.

Мы способны получить нечто не в силу своего страстного стремления к нему: человек способен сочинять стихи не в силу напряжения мозга, и не посредством многодневного беспокойства сочиняется музыкальное произведение. Напротив, тот, кто действует подобным образом, не может обрести вдохновение. Испытывающий вдохновение совершенно спокоен и не заинтересован в том, что ему предстоит. Разумеется, он испытывает желание приобрести что-то, он страстно стремится ухватить это. Но только посредством сосредоточения своего ума на Божественном уме, сознательно или бессознательно, человек обретает вдохновение.

Это явление столь удивительно и столь великолепно, что радость, даваемая им, не похожа ни на какую другую радость в мире. Именно в состоянии такой радости вдохновенный гений переживает экстаз. Это почти неопишуемая радость; это такое восхищение чувств, что вас возносит над землей — когда ваш ум сосредоточен на Божественном уме.

То, что оставляют в мире великие музыканты, поэты, мыслители, писатели и философы, всегда оказывает восхищающее действие, хотя и не всякая душа воспринимает их произведения полно и потому способна насладиться ими полна. Но если только вы можете вообразить себе их собственное наслаждение от того, что на них снизошло, вы поймете, что никакими словами не выразить этого. Только в состоянии вдохновения можно начать видеть Божественные знаки, и даже самый материалистически настроенный гений начинает испытывать изумление перед Божественным духом, пережив однажды вдохновение.

Приходит ли оно как законченная картина? Или как записанное слово? Нет, оно приходит к творцу, как если бы его рука была в чьей-то руке, как если бы его глаза были закрыты, а сердце открыто. Он нарисовал или написал нечто, но он не знает, кто написал или нарисовал это. Оно приходит к музыканту так, как будто кто-то другой поет или играет, а он только записывает услышанное: законченную мелодию, законченную арию. И после того, как он записал ее, она восхищает его душу. К поэту вдохновение приходит так, как если бы кто-то диктовал ему, а он всего лишь записывал. Его мозг не напряжен в акте восприятия им вдохновения, у него отсутствует тревога.

Вследствие всего этого, многие путают вдохновение с духовным общением. Многие из тех, кто испытывает вдохновение, рады приписать его духу, понимая, что оно исходит не от них самих. Но это далеко не всегда следствие духовного общения. Естественно, что вдохновение может прийти от живущего сейчас на земле существа или от кого-то ушедшего, и все же наиболее совершенный вид вдохновения происходит всегда из Божественного ума, и заслуга в том одного лишь Бога. Является ли источником вдохновения ум ныне живущего на земле человека или душа ушедшего на «ту сторону», тем не менее, оно пришло от Бога, ибо все знание и мудрость принадлежат Богу.

Существует три формы, в которых вдохновение приходит к человеку при посредстве живого существа: когда вы находитесь в присутствии того, кто вас вдохновляет; когда вы думаете о том, кто вас вдохновляет, и когда ваше сердце находится в состоянии совершенного покоя, и поток вдохновения, протекающий через сердце вдохновенного человека, входит в него. Это подобно радио: иногда вы настраиваете его на определенную волну, передающую музыку, которую вы хотите услышать, а иногда не настраиваете, но при этом радиоприемник все равно остается механизмом настройки. Мы можем не услышать что-то передаваемое по радио, но оно все равно передается, звучит. Подобным образом мы воспринимаем и вдохновение из трех источников, о которых говорилось.

Процесс вдохновения может быть различным. Все зависит от того, каким образом сердце сосредоточено на Божественном духе. Один способен сосредоточивать сердце непосредственно на Божественном духе, для другого дух — это нечто слишком отдаленное. Сердце такого человека фокусируется на центре, в свою очередь, сфокусированном на Божественном духе; он получает свое послание таким способом. Но источником своим этот процесс всегда имеет тот же самый дух. И это вина части человечества, что он приписывается ими некоему ограниченному существу, которое есть ничто иное, как тень, скрывающая Бога. Кроме того, если человек верит, что его вдохновляет из потустороннего мира древний египтянин, или что его направляет по пути американский индеец, он строит таким образом стену между собой и Богом: вместо того, чтобы принимать вдохновение прямо из совершенного и всемогущего источника, она занимается тем, что представляет себе свою ограниченную идею. Легчайший путь, доступный гению — сделаться пустой чашей, свободной от гордости своей утонченностью или от самомнения, любования своими знаниями, сделаться простодушным, как дитя, готовое учиться всему, что ему могут преподать. Душа перед Богом — что дитя, страстно жаждущее выразить музыку своего сердца и томящееся от этого стремления, дитя, становящееся источником Бога. И из этого источника возникает Божественное вдохновение и несет красоту все тем, кто способен увидеть этот источник.

Глава 21. СНОВИДЕНИЕ

Сновидение — это та же деятельность ума, которая в состоянии бодрствования называется воображением. Как воображение, когда оно направляемо и контролируемо волей, становится мыслью, так сновидение, направляемое и контролируемое волей, становится истинным сновидением. Верно, что воля теряет контроль, а умственная деятельность — свою направленность, когда мы находимся в состоянии сна. Однако, когда мы тщательно изучаем природу в ее целостности, мы узнаем, что все ее

проявления находятся под влиянием обычая, привычки. Даже дитя, не зная, который час, начинает желать есть и просыпается в одно и то же определенное время согласно сформировавшейся у него привычке. Наш голод и жажда, сон и бодрствование — все зависит от привычки, обычая.

Те, кто способны контролировать свое воображение посредством сосредоточения, становятся глубокими мыслителями и хозяевами своих действий. И, будучи в состоянии сна, они добиваются достижения своей цели в сновидении. Фантазии же бездумных людей неуправляемы даже в бодром состоянии; и во сне их ум оказывается подобен кораблю в будущем море, временами взлетающему высоко в воздух, а затем иногда низвергающемуся в самую глубину.

Ум имеет воздействие на тело, и тело также воздействует на ум. Следовательно, вполне естественно, что телесное расстройство может отбросить тень на ум и вызвать в нем подобное расстройство. Постоянно возникающие сновидения, в которых вы переживаете удушье, тонете, оказываетесь неспособны ходить и говорить, не являются следствиями состояния нездоровья. Они — результат впечатлений, удерживаемых в уме, и представляют собой род психического расстройства, болезни ума. Ум необходимо излечить от них. Сны, в которых человек летает, связаны с его биологическим состоянием, но, в то же время психологически они выражают постоянное усилие души подняться над сковывающими ограничениями, в которые ставит ее повседневная жизнь. Сновидение о полетах означает также путешествие, ожидающее человека в будущем. Когда же душа человека ощущает себя подобно танцу — он поет во сне.

Сновидения следуют, подчиняясь принципу сходства; это означает, что подобное привлекает подобное. Если ночь начинается с печального сновидения — они будут посещать нас всю ночь. Если же в начале ночи нам снится радостный сон, мы будем видеть приятные сновидения всю ночь. Если мы видим одно трагичное сновидение — трагедия продолжается всю ночь; если же мы видим хотя бы одно комичное сновидение — мы всю ночь пребываем в комедии. Сильно продвинутый человек видит много снов, в то время, как нетонкая личность, которая вполне довольна жизнью и не озабочивает себя мышлением не видит их. И не думайте, что такие люди встречаются редко — очень часто встречаются души, для которых мышление — проблема.

Когда мы начинаем изучать сновидения, мы обнаруживаем, что, предмет сей связан с чрезвычайно глубокой стороной жизни, потому что именно благодаря им мы начинаем открывать для себя две вещи. Первая из них состоит в том, что нечто пребывает активным, пока тело спит. Глубоко мыслящему это дает веру в будущую жизнь, ибо доказывает, что даже когда тело бездеятельно, человек продолжает действовать, и не менее активно, чем когда он действует в своем физическом теле. Если он и усматривает в чем различие, так это в протекании времени, ибо в мире сна возможно перенестись из одной страны в другую за два часа вместо двух месяцев. И ничто не может помешать ему, в то время, как на физическом плане препятствия имеют гораздо большее значение. Он может совершить прыжок из Англии в Америку в одно мгновение. Возможности этого плана существования гораздо обширнее, нежели физического. В нем не составляет труда моментально перейти от болезни к здоровью, от неудачи к успеху.

Люди говорят: «Да, но ведь все это — плод воображения, продукция ума...». Но что есть ум? Ум — это то, в чем отражается мир. В нем небеса и земля сосуществуют в согласии. Разве этого мало?.. Что такое физическое тело, в сравнении с умом? Ум — это целый мир в себе самом, а физическое тело подобно капле в океане. Если во сне человек способен видеть себя, это свидетельствует о том, что после того, что зовется смертью,

он не станет чем-то бесформенным, что он ничего не утратит: он только обретет ту свободу, которая была им утрачена. Смерть — ничто иное, как сон, сон тела, бывшего нам одеянием. Можно сбросить его и, тем не менее, остаться живым.

Второе, чему учат сновидения, это то, что существует закон, согласно которому все, что кажется удивительным, неожиданным, случающимся внезапно, не неожиданно и не случайно. Оно представилось нам случайным лишь в силу того, что не имело видимой связи с обстоятельствами. Ничто происходящее не случается иначе, как проходя через ум, хотя человек и повернут к этому факту спиной и открыт только внешним проявлением. Мы видим это во всем. Все, что происходит, приятное оно или неприятное, длительно подготавливается. Вначале оно существует в уме, а затем уже на физическом плане.

Сновидение показывает глубину жизни; сквозь сновидения мы видим то, что существует в действительности. Могут спросить: «Что оно означает? Имеет ли каждое сновидение значение?» Каждое сновидение обладает знанием, и дело лишь в том, что есть те, кто не знают языка страны, в которой они находятся.

Так обстоит дело с умами. Некоторые умы еще не способны выражать себя, и потому их сновидения как бы перевернуты вверх ногами, хаотичны. Отсюда, человек видит козла с ушами слона: его ум хотел выразить себя, но оказался неспособен сделать это. В том, что лепечет младенец, тоже есть смысл, только он не знает слов: он еще не выучился говорить. Так же дело обстоит и со сновидениями, выражающимися неверно. Но вы можете сказать: «Как может ум научиться выражать себя?» Для этого он должен стать самим собой. Ум часто обеспокоен, дисгармоничен, неспособен остановиться. Когда человек пьян, он может, желая сказать: «да», произнести «нет». Так же и ум, выражающий себя в сновидениях.

Изучение науки о сновидениях — замечательное занятие. Как удивительно, что сны поэта поэтичны, а сны музыканта гармоничны. Почему это так? Благодаря тому, что их ум тренирован, и он выражает себя в сфере искусства. Поразительные сны рассказывают иногда люди, обладающие поэтическим строем души! Обратившись к изучению сновидений, вы обнаружите определенную последовательность — от первого акта к последнему. Вы увидите, что каждое, даже самое малое действие обладает определенным смыслом. Но еще интереснее видеть смысл, стоящий за символическими снами. Замечательно то, что простодушные люди видят простые сны; люди, смущенные духом, видят смутные сны. И так же во снах человека проявляются его страх, радость, несчастье или печаль.

И такое изучение снов совсем не малость и не пустое времяпрепровождение. Потому что это не пустые грезы, а реальность не меньшая, чем жизнь на физическом плане. Разве эта наша жизнь не сон?

Разве наши глаза не закрыты?.. Человек говорит: «О, это всего лишь сон, это ничего не значит...». Но этот сон может быть всей вашей прошлой жизнью, или же вашей завтрашней жизнью. Он является сном только на физическом плане. Снами их делает только состояние, в котором очутился ум.

Король забывает во сне о своем дворце. Могут сказать: «Да, но когда мы просыпаемся, мы обнаруживаем себя в доме; следовательно, он реален... Если же мы грезим во сне о дворце, мы не найдем никакого дворца». Это и так, и не так. Дворцы, которые строятся в том мире, столь же принадлежат нам, что и реальные, даже в гораздо большей степени, чем реальные. Как только тело умирает, этот мир больше не существует для нас; тот же мир существует всегда. Если мы грезим об удовольствии — мы получим удовольствие. Если мы грезим о свете, любви — все это придет. Это сокровище, в котором вы можете быть уверены: смерть не властна отобрать его у вас.

Отзвук этой идеи очевиден в Библии: «Где сокровище ваше — там и сердце ваше». Мы также можем обнаружить отзвуки этой идеи, сравнивая сновидения с состоянием бодрствования. Что бы ни было у нас на уме, чем дальше оно там находится, тем крепче оно укореняется. Оно может стать более укорененным, чем то, что мы держим руками. И таким образом, мы создаем мир, в котором живем. В этом состоит секрет всей жизни. Как могут слова объяснить это?..

Типы сновидений

Давайте теперь рассмотрим, как формируются сны, снящиеся нам каждую ночь. Наш ум состоит из вибраций; назовем их атомами, если хотите. Они обладают способностью получать впечатления, наподобие фотопластинок. Они непрерывно получают впечатления: жары, холода, друзей, врагов ... Эти впечатления складываются в хранилище ума — тысячи, миллионы впечатлений, несчетное множество. Когда вы спите, ваше тело отдыхает, но ум активен, картины впечатлений проходят перед вами, совсем как кадры на экране. И когда ваш ум истощен полностью, приходит глубокий сон.

Некоторые из этих картин мы развили до чрезвычайной степени посредством постоянного удерживания их перед своим взглядом: портреты наших врагов, к примеру, или наших друзей, о которых мы часто думаем. Некоторые картины едва развиты: они возникают, чтобы тотчас исчезнуть. Вот почему во сне мы иногда видим лица наших друзей такими, какие они есть в действительности. Иногда же мы видим образы, которые кажутся нам знакомыми, но мы не узнаем их. Временами мы видим картины весьма странные. Две или три слабо развитые картины объединяются и образуют одну, которая кажется нам знакомой.

Если вы спросите меня: «Можем ли мы видеть во сне то, что мы никогда не видели?» — я отвечу отрицательно. Все, что нам снится, мы когда-либо видели. Джинны, которые никогда не проявлялись на земле, не могут создать картину того, что творится в земном мире.

Мы можем сами помочь исполнению наших сновидений: если мы видим что-то дурное, какое-то несчастье, мы можем воспринять это как предостережение. Если мы видим, что достигаем успеха в некой стране, мы должны отправиться в эту страну, потому что нам было показано, что успех ждет нас именно там. Нам показали вначале результат во сне, потому что мир сновидений — первичный мир, который затем воспроизводится здесь.

Что касается времени, когда произойдет показанное событие, то можно сказать следующее: сновидения, увиденные нами в раннюю часть ночи, исполняются через долгое время — через год и более. Исполнение виденного в середине ночи потребует нескольких месяцев. Предрассветные сновидения исполняются очень скоро. Это происходит оттого, что впечатления от сновидения, увиденного глубокой ночью, острее, вот они и материализуются быстрее. Впечатления же от сна, виденного ранним утром, вообще ничем не ослабляемы. Оттого такое сновидение исполняется скорее всего.

Есть тысячи способов предохранить себя от нежелательного сновидения, однако в случае, если это сон-предостережение, устранить его очень трудно, или, если это все же удалось, возникнет другое неприятное сновидение.

Сновидения, которые снятся нам каждую ночь, можно разделить на три вида (Существует и четвертый вид сновидений, относящийся к видениям).

Первый вид — хваби хайали: когда человек видит во сне то, что он делает обычно днем; когда его ум столь погружен во всякие дневные мысли, занятия и заботы, что они являются ему даже во сне. Эти сновидения не оказывают сильного воздействия на ум, потому что они не слишком глубоки.

Второй вид сновидений — это хваби гхалти. В такого рода сновидениях человек видит противоположное тому, что имеет место в действительности. Ваш друг может быть болен, а вы можете увидеть, что он здоров. Вы видите, как кто-то умер — и этот человек излечивается от своей болезни. Или же вы видите кого-то в качестве врага, в то время как на самом деле это друг. Когда зеркало ума искажено, образ, падающий на его поверхность, также искажается, наподобие того, как есть особые зеркала, в которых худой человек кажется очень толстым, высокий — низким, или все представляется перевернутым. Это происходит в силу негативной природы сновидений. Печатная доска, фотопластинка — все, что имеет характер негатива, сначала демонстрирует противоположное тому, что проявляется с их помощью. Такие сновидения являются, главным образом, взору тех, кому присуща человечность, кто, прежде всего, думает о мире, о своей ответственности перед ним и о Боге.

Третий вид сновидений не имеет большого значения — подобно рождению ребенка, который умрет, прожив всего неделю. Так же дело обстоит со снами, возникающими перед взором человека либо вследствие действия неуравновешенного ума, либо общего расстройства здоровья. Такие сновидения, как правило, не важны и, по существу, являются отходами, хотя и могут выстраивать перед человеком целые кинофильмы.

Ментальные сновидения

Ум полностью предается своей игре в то время, как человек спит, поскольку в состоянии бодрствования он властвует над своим умом, во сне же это владычество почти полностью утрачено. А раз так, ум свободен производить любые картины, будь то естественные или неестественные, искаженные или неискаженные. Картины эти производятся в соответствии с заключенной в них жизнью, жизнь же эта дается самим умом. Проще говоря, то, о чем мы часто думаем, объекты, которые мы видим чаще всего, обретают жизнь каждый раз, как мы наблюдаем их. Поэтому мы обычно видим во сне своих самых дорогих друзей или наихудших врагов. Этим же объясняется тот факт, что молочник видит во сне молоко, а мясник — мясо. Мир каждого человека обособлен; его мир — это тот мир, в котором он живет и о котором думает. Причина, в силу которой ментальные сновидения оказывают воздействие на жизнь человека, состоит в том, что линия его судьбы складывается на основе линий впечатлений, которые создает ум перед лицом души. Вот почему несчастливое сновидение может принести несчастье, а счастливое — счастье. И неверно, что то, что должно произойти с человеком, показывается ему в сновидениях, хотя мы всегда склонны так думать. В действительности это сновидение создает мост, благодаря которому мы вступаем в заботу или в счастье.

Символические сновидения

Чрезвычайно интересно видеть, как знание прошлого, настоящего и будущего открывается всякой душе в форме символов. Просветленный видит символ, и для него

все ясно; для того же, кто неспособен видеть, он — ничто. Никто не способен научить нас, как читать истинное значение символов, пока наша собственная душа не раскроет нам их тайну.

Символические сновидения большей частью касаются нас самих. Они показывают нам состояние наших дел, жизненные обстоятельства, состояние тех, кого мы любим. Причина, почему символ, являющийся нам во сне, может показать нам, что скрыто в прошлом, настоящем и будущем, заключена в том, что символ является формой, в которой скрытое первоначально создает себя, впоследствии преобразуя свою форму в то, что видимо на поверхности. Другая причина состоит в том, что прошлые или будущие воздействия события имеют форму, отличную от его реального проявления. Это подобно тому, как звук обладает тоном и обертоном, призвуком, принадлежащим исходной ноте, однако отличным по своему воздействию и окраске.

Насколько утонченно человек мыслит, настолько утончены и являющиеся ему символы. Простому человеку символ представляется простым, для сложного — он многосоставен. Каждый читает символы сновидения в соответствии с развитием своей души, поскольку ясность видения человеком явлений пропорциональна степени эволюции его души. Когда тайна символических снов начинает раскрываться сновидящему, это способно вызвать беспредельный интерес. Это нечто большее, чем изучение, нечто большее, чем чудо...

Астральные сновидения

Астральные сны являются взору существ с уравновешенной психикой, обладающих внутренней набожностью. Люди редко удостаиваются их, как бы высоко они ни были духовно развиты. Астральный сон — это реальный опыт души, обитающей в высших сферах, куда ее доставляет ум.

Существует три аспекта астральных сновидений. Первый — когда человек узнает о реальном событии, как оно есть — не в противоположной или символической форме. Некое актуальное событие проявляется на поверхности. Следующий аспект состоит в том, что человек встречает во сне живого или умершего друга и видит его состояние в данный момент. Третий аспект заключается в том, что астральная часть живущего или умершего человека посещает сновидящего. Посредством астральных сновидений исполняется множество вещей. Те, кто становятся мастерами в жизни, способны контролировать астральный план и по своей воле осуществляют вышеуказанные опыты.

Глава 22. ВИДЕНИЕ

В видении или духовном сновидении свет души полностью просветляет ум, и ум становится способным создавать и воспринимать ясную картину прошлого, настоящего и будущего. Человек на самом деле видит то, что происходит вдали от него, то, что происходило в прошлом или то, что должно произойти в будущем. Это подобно озарению. Видение можно охарактеризовать как язык Бога, выражающийся не только в словах, но в образных картинах. Язык, который невозможно услышать и невозможно постигнуть рассудком, где слышимое проявляет себя в видимой форме.

Видение обладает большей ясностью в состоянии сна, нежели в состоянии бодрствования. Причина этого в том, что когда человек спит, он живет в мире своей

души; бодрствуя же, он лишь частично присутствует в этом мире, большей же частью пребывает во внешнем мире. К любому явлению необходимо приспособиться. Не только звук есть нечто слышимое, но ухо является приспособлением для восприятия звука. Как уши делают возможным слышать звук, так и ум является приспособлением для восприятия впечатлений. Вот почему естественное состояние сна подобно углубленному сосредоточению, глубокой медитации, и вот почему все, что является в обличье сновидения, имеет значение.

Существует два различных вида видений: видения нисходящие и видения восходящие. Первые исходят от Бога, вторые — от человека. Первые обладают двумя аспектами: видения в качестве звучащего голоса и в качестве образной картины. Вторые также имеют два аспекта: видения самопроизвольные и приходящие в качестве ответа.

К примеру, фанатик, будучи всецело предан своей идее, может создать у себя в сердце образ Спасителя; или же некто, восприимчивый по природе, будучи всецело открытым восприятию и пребывая в состоянии страстного ожидания, может привлечь к себе дух Спасителя. В обоих случаях приобретаемые польза и благословение одинаковы, ибо здесь не человек творит, даже если данное видение было от человека. Один Бог является Творцом, и Он создает все, что бы и когда бы ни создавалось — как Богом, так и человеком.

Видения могут являть все, что угодно. Они могут говорить об обстоятельствах прошлого, настоящего и будущего, видимых как бы происходящими на сцене. Они могут нести облик святого, мудреца или учителя, ныне живущего или ушедшего в иной мир. Они могут демонстрировать символы, говорящие нечто о чьей-либо жизни посредством различных форм и красок. Они могут прийти как звук, как слова, как песня, как стихи, как письменный знак или как благоухание.

Всякая незримая форма, которую человек созерцает в видении, будь то дух, фея или ангел, учитель, мудрец или святой, всегда соответствует степени эволюции того, кто видит. Сколь высоко развита личность, столь высок уровень и его видения. Иногда человек привлекает к себе предмет видения; иногда предмет, открывающийся в видении, сам желает явиться перед ним; а, бывает, человек сам, своими силами творит объект своего видения.

Ценность видения зависит от значительности его объекта. В астральном видении человеку может явиться родственник или друг и сказать ему нечто важное о потусторонней жизни. Другому могут явиться святой или мудрец, которые будут его проводниками на духовном пути. Иному может явиться ангел, подобно тому, как Гавриил (Джибраил) явился Моисею и передал ему Божественное послание.

Мировые традиции преимущественно основываются на видениях. Валмики имел видение Рамы, великого царя и пророка индусов. Соломон, Джамшид, Иосиф, Авраам, отец религий, были известны и признаваемы в качестве пророков по причине своих видений. Основанием жизни Иисуса Христа было видение, пережитое Девой Марией. Пророческая миссия Мухаммеда началась с видения Амины, его матери. Коран в целом содержит в себе законы и моральные нормы; если же говорить о мистицизме и высокой философии в нем, то они более всего могут быть обнаружены в мирадже — видении Пророка. В Библии наиболее интересной для мистика частью является Апокалипсис, представляющий собой видение.

Некогда в Персии жил поэт Фирдоуси, которому царь поручил составить свод истории страны. Царь обещал ему по золотой монете за каждый стих. Фирдоуси удалился в уединение и принялся записывать предания веков. Характеры, жизни, деяния — все это он видел как подобие драмы, которую он перелагал в стихах. Когда он вернулся ко двору, его творение произвело на царя чрезвычайно глубокое впечатление.

Оно было прекрасно. Однако в мире всегда находится немало тех, кто отвергает и прекрасное. Истину признают за таковую немногие. При дворе творение Фирдоуси породило скептицизм и весьма критиковалось. Дошло до того, что царю стали говорить, что Фирдоуси выдумал все описанное. Это причиняло автору ужасную боль. Тогда он пришел к тому, кто больше всего критиковал его и возложил свою руку на его голову. И сказал: «Закрой глаза и смотри». То, что этот человек увидел, было подобно живой картине, и он воскликнул: «Я увидел!»... Однако сердце поэта было глубоко ранено, и он все равно не пожелал принять царского золота.

Нет более очевидного знака и более удивительного доказательства существования внутренней жизни, чем видение. Столь характерные символы и формы являются визионеру, дабы поведать ему о прошлом, настоящем и будущем, что можно только удивляться мудрости внутренней природы и прославлять имя Господне. Существует язык форм и символов. Если человек не знает о нем, видения лишены для него значения; но при этом, в языке видений невозможно создать стереотипы. Хотя многие писали книги о сновидениях, тем не менее, ни одна из них не добилась успеха в создании каких-то общих стандартов снов и видений.

Каждое видение произрастает из сердца человека, и форма его изысканна настолько, насколько утончена и изысканна индивидуальность этого человека. Она столь живописна, сколь позволяют его художественные способности и столь метафорична, и символична, сколь он поэтически одарен. Таким образом, видения пророков всегда чрезвычайно интересны, поскольку пророки — подлинные поэты (Хотя, с другой стороны, поэты не обязательно являются пророками).

Видение — это искусство природы, поэзия природы, прекрасное сновидение природы. Чем более очищена душа, тем явственней становятся видения. Это кубок Джамшида — чаша о семи колец, которая есть голова с ее семью отверстиями. В этой голове возникает видение, и тому, чей взгляд остер, оно открывает все.

Бывает время, когда видение является в символической форме, и бывают времена, когда оно является прямо, как есть. Видения ясны в те мгновения, когда душа очищена от всего земного, что затеняет их, и небесные образы являются, так сказать, отраженными на экране человеческого сердца. Тогда кто-то может зреть видение своего Рассула, своего Спасителя, своего Господа, наставника, пророка или учителя. Другой может переживать видение своих друзей: и родственников, умерших и настоящих. Кто-то может видеть лица, никогда прежде им не виденные и, тем не менее, принадлежащие людям реально существовавшим в этом мире. Кто-то может видеть джиннов и ангелов. Эти видения проявляют себе духовно настроенному уму и иногда приходят к человеку, который очутился в чистой духовной атмосфере. И никому другому не дано право судить об истинности видения, кроме того, кому оно является.

Сны и видения, переживаемые нами в жизни, большей частью символичны и едва ли не совсем лишены ясности. Они символичны, поскольку все существующее во внутреннем плане бытия принимает форму, отличную от той, которую оно принимает во внешнем плане бытия. Эта же причина имеет отношение к феномену пророческого вдохновения, ибо, помимо пророков, многие другие люди временами касаются тех же предметов, что и они, — ведь сознание всех людей суть одно. Однако не всякий осознает к чему прикоснулся, а другой, тот, кто осознает, не понимает языка внутреннего мира, поскольку дух говорит на языке, непостижимом рассудком и ясным только немногим, кто обладает от природы даром понимать глас истины, стоящей за ним. Человек, знакомый с апельсинами, совсем не обязательно должен узнать апельсиновое дерево, но тот, кто знает, как выглядит апельсиновое дерево, видя его

росток, может ожидать появления апельсинов. Иногда по бутону совершенно невозможно судить о том, каков будет цветок.

Многие люди видят символические сны, некоторые видят символические видения и, тем не менее, не могут понять, к чему они, ибо эти сны выглядят совершенно отлично от того действия, которое они имеют. К примеру, слон на Востоке считается знаком почета, однако во сне он является знаком смерти. Не следует рассматривать объекты видений как производящие такие-то и такие-то действия в жизни; понять результат видения позволяет способ, которым оно возникло. Способность мыслить — величайшее блаженство. Когда мышление, ясно, оно помогает осознать природу вещей, и посредством этого человек обретает возможность читать символические видения. Изучение символики никогда не увенчается успехом до конца, потому что нет предела разнообразию природных форм. Только интуиция способна здесь помочь и сделать значение ясным.

Символические видения чрезвычайно интересны, поскольку формы вещей и существ, их сочетания, протекание их бытия с его изменениями — все говорит о прошлом, настоящем и будущем. Для человека с развитой интуицией или для видящего они — открытая книга. Каждая душа в наиболее важные моменты своей жизни имеет видения, однако приходит время душевной ясности, когда каждое сновидение превращается в видение, и эта ясность может возрасти до такой степени, что человек будет переживать двадцать видений за день.

Видение — это не только знак духовного прогресса. Человек может далеко зайти по пути духовного прогресса и не иметь видений: в духовном развитии вышеуказанные способности не необходимы. Видения — это темперамент. Существует визионерский тип личности — впечатлительный, мечтательный, увлекаемый грезами, и если он еще и духовен, то тогда этот тип порождает подлинные видения. Видения обычно удостаиваются те, чьи сердца способны видеть. Оно чаще всего приходит к благочестивым, невинным, любящим, к обладающим спокойным умом; к тем, кто страдал в жизни, кто был многотерпелив, и мягкосердечен; к тем, кто избрал благой путь.

К тому, кто духовно развит, видения приходят часто: иногда как ответ на вопросы, иногда как предостережение о непредвиденной опасности, иногда как руководство в отношении некоего жизненного свершения. Если чья-то душа способна своей волей подниматься над низкими планами бытия, человек может обитать в духовных планах бытия как господин.

Ментальные видения приходят к тем, кто идет по пути преданности и кто, концентрируя свой ум, удерживает при этом в нем какой-либо идеал. Временами, когда это необходимо, таким людям является предостережение или руководство в форме видения их идеала. Те, кто обладают аспектом тасаввур — конкретным воспроизведением идеала в мыслях, в первую очередь, переживают каждую видимую ими форму как объемлемую формой их идеала. Это является первым шагом на пути к степени развития, в суфийской терминологии именуемой фана-фи-шейх, которая означает, что видение уже прочно сотворено внутри подвижников, и они получают изнутри себя совет по любому поводу, когда бы ни пожелали.

Видение обычно приходит тогда, когда человек находится в состоянии глубокого сна, однако иногда они приходят и в полусне. Бывает, они возникают в медитации. Иногда, когда глаза закрыты, может прийти вспышка и исчезнуть. Оно приходит также к тем, кто прошел через длительную болезнь, к тем, чей ум, вероятно, находится не совсем в нормальном состоянии, а тело ослаблено. При этом в процессе видения состояние личности негативно, иными словами — пассивно.

Те, кто говорят о своих видениях каждому встречному или гордятся ими, поистине, злоупотребляют духовным даром. Он оставит их, и им останутся преувеличение, а потом и ложь. мудро хранить свои видения в тайне и не говорить о них никому, за исключением наиболее доверенного друга, которого вы считаете мудрым и который может помочь вам на духовной пути, или же вашему учителю, который знает состояние вашего развития.

Величайшей преградой, мешающей видеть духовные сновидения, является мысль о себе. Насколько человек способен забыть себя, настолько он становится способен быть очевидцем духовных видений.

Глава 23. ОТКРОВЕНИЕ

В истории о Моисее рассказывается, что он был занят поисками огня, дабы испечь себе хлеб, когда внезапно увидел свет на вершине горы. Итак, он решил добыть этот огонь и взобрался на гору, однако огонь оказался зарницей. Не будучи в силах переносить сильнейший блеск, Моисей пал на землю, когда же он поднялся, то обрел способность общаться с Богом.

Эта история аллегорична. Идея ее состоит в том, что Моисей искал свет, дабы сделать его поддержкой своей жизни, но для этого ему понадобилось подняться на высшие планы: невозможно было получить его на земле, где первоначально пребывал Моисей. Затем он неожиданно встретился с зарницей — светом, бывшим за пределами его способности переносить его, и повергся ниц. Что означает это падение ниц? — Необходимость стать ничем, стать пустым. Когда он достиг этого состояния опустошенности, его сердце обрело звучание, и он обнаружил способ общаться с Богом посредством всего, что ни на есть в мире. В скале, в дереве или ином растении, в звезде, солнце или луне — во всем, что он видел, он находил связь со своей душой. И таким образом, все, что угодно открывало ему свою природу и свою тайну.

Требуется определенный уровень духовного прогресса, чтобы поверить в то, что есть такая вещь, как откровение. Жизнь открывается человеку, природа открывается — так же и Бог. Вот почему на персидском языке Бог именуется Худа, что означает «открывающий себя». Вся наука, искусство, культура, известные человеку, имели и продолжают иметь своей природой откровение. Иными словами, человек не только познает путем изучения — он также извлекает знание из своей человеческой природы. Дитя не только наследует качества своего отца, но также и качества своей нации, своей расы, так что можно сказать, что человек наследует качества всего рода человеческого. Если мы глубоко осознаем наличие этой сокровищницы знания, существующей за покровом, скрывающим ее, мы обнаружим, что имеем на это наследство право. Это дает нам ключ к пониманию тайны жизни: знание не только приобретается извне, но также и изнутри. Можно называть знание, которое мы постигаем из внешней жизни, изучением. Знание же, что мы черпаем изнутри, возможно назвать откровением.

Откровение можно объяснить в доступных словах как открытие. Вся жизнь перед нами, и мы воспринимаем ее посредством наших пяти чувств — и это вводит в заблуждение, поскольку выглядит так, словно мы видим вещи и в то же время, не видим их, понимаем — и одновременно не понимаем. Это подобно тому, как если бы мы видели орехи в скорлупе, не зная, засохшие они или спелые, и по большей части ошибались бы. То, что является живым, кажется нам мертвым; та же часть жизни, которая может быть названа мертвой — именно она и кажется нам живой.

Откровение обладает определенными степенями глубины, и каждая ступень эволюции делает человека способным получать определенное откровение. Откровение больше, чем интуиция, впечатление или вдохновение, поскольку оно столь очевидно, как письмо, написанное ясными словами. Оно приходит к человеку, который, так сказать, живет более в своей душе, нежели в теле или в уме.

Когда откровение приходит к человеку, он перестает быть просто поэтом, музыкантом или философом — он становится только орудием Бога. И тогда Бог начинает говорить с ним через все — не только через мелодию, стихотворение, цвет или свет. Человек начинает сообщаться с Богом во всех формах. Все, что он видит вверху или внизу, слева или справа, спереди или сзади, на небе или на земле — все для него несет в себе общение. И таким образом, он начинает говорить с Богом.

Люди думают, что человек после смерти попадает на небо, но в действительности небо переживается нами с первого же момента откровения. По существу, это именно откровение и создает небо, и каждая ступень откровения является небом. Следовательно, когда люди говорят о небе, они подразумевают различные ступени откровения.

Первая ступень — умность, вторая — мудрость. На первой ступени способность мыслить находится в заблуждении, поскольку она активна, страстно активна. А в состоянии мудрости эта способность ритмична. Когда человек говорит: «Я не позволю вам использовать меня. Если вы изворотливы, я буду вдесятеро изворотливей вас», — это умность. Если же он говорит: «Я понимаю вас. Вам нет нужды играть со мной какую-либо роль. Оставьте меня одного», — он мудр. Когда человек не знает о хитрости другого и тем самым позволяет использовать себя — он глуп. Но когда он ясно видит мошенничество и изворотливость другого и, тем не менее, позволяет ему использовать себя — это святой. Он находится по ту сторону сферы человеческого, он начинает восхождение на ангельский план. Он все видит, все понимает и ко всему относится терпимо.

Откровение — это совершенство внутреннего видения. Когда у человека возникает откровение, это означает, что он достиг высших ступеней развития, и началом этого является то, когда человек чувствует себя созвучным всем, всему, любой ситуации. Однако, чтобы подняться на эту ступень, необходимо развиваться соответствующим образом. Сердце должно быть настроено на тот уровень, на ту высоту, на которой человек чувствует свое единство с людьми, вещами и обстоятельствами. К примеру, если кто-то не может переносить определенный климат, это означает только, что он не находится в гармонии с данным климатом; когда кто-то не может ладить с людьми — он не в гармонии с ними; когда кто-то не может мириться с определенными событиями — он не в гармонии с этими событиями. Если обстоятельства кажутся ему тяжелыми, это указывает на отсутствие у него гармонии с ними.

Откровение нисходило на святых и спасителей человечества.

Когда мы слышим, что святые разговаривали с деревьями и иными растениями в глуши, что из моря исходил голос, который они слышали, что совершенные говорили с солнцем, луной и звездами — это вовсе не выдумка. Ибо чем глубже человек погружается в жизнь, тем более он убеждается, что все — живое, будь то существа или предметы, искусство или природа. Все, что бы он ни видел, что бы ни ощущал посредством органов чувств, все, к чему бы ни мог прикоснуться — все он способен осознать. Это может быть невидимо; это может быть неизвестно кому-либо, но все взаимосвязано. И когда человек начинает общаться с природой, с искусством, он начинает получать доказательства этого, ибо все начинает говорить. Как сказал великий

поэт, Персии Саади: «Каждый лист на дереве становится страницей Книги, когда сердце открывается и обретает способность читать».

Когда человек выходит на уровень откровения, он не нуждается больше в беседе: он знает, что желают сказать другие еще до начала разговора. Состояние человека или многих людей открыто ему; это подобно чтению письма. Человек может говорить ему что-то, но он знает, о чем речь, и не слушая. Это не чтение мыслей, не телепатия, не психометрия или ясновидение, как полагают люди. Откровение — вот все, что здесь имеет место. Что оно такое? Оно — более полное развитие вдохновения. Когда интуитивная способность развита полностью, человек обретает откровение. Все бессловесные твари и немые вещи начинают говорить. Ибо что такое слова? Разве они не покровы на идеях? Ни одно чувство никогда не может быть выражено в словах, как ни одна мысль не может быть полностью выражена в стихах. Истинный проблеск идей и чувств возможно воспринять только на плане бытия, который есть само чувство.

Могут спросить: как достигается откровение? Ответ состоит в том, что нет ничего во всей вселенной, чего нельзя было бы найти в человеке, если только он заботится о том, чтобы открыть это. Однако если он сам не найдет это, никто не может дать этого ему. Ибо истине не учат — истина открывается. С верой в это положение мудрецы Востока отправлялись в уединение и погружались в медитацию с целью дать откровению возможность проявиться. Несомненно, жизнь такая, какая она есть сейчас, едва ли дает человеку возможность удалиться в уединение, однако это не означает, что он должен оставаться невежественным в отношении того лучшего, что заключено в нем самом. Ибо в сравнении с этим великим блаженством, которое есть откровение, все другие сокровища земли — ничто. Откровение — это волшебная лампа Аладдина. Найденная однажды, она бросает свой свет направо и налево, и все становится ясным.

Откровение зависит от чистоты ума. Очень часто те, кто наделены мирской мудростью, не мудры в действительности. Одно дело — интеллектуальность, и совсем другое — мудрость. Все знание, добытое из книг и опыта мирской жизни и собранное в уме как ученость, не есть мудрость. Когда же на эти знания падает свет внутреннего мира, тогда знания, добытые из внешней жизни, в сочетании с этим, идущим изнутри светом, создают совершенную мудрость; и это та мудрость, что направляет человека на жизненном пути.

Те, кто получали откровение, оставили нам священные книги, такие как Библия, Коран, Бхагават-Гита. Сотни, тысячи лет прошли, а их священные учения живы и сегодня. Но в то же самое время нам следует знать, то, что они дают в форме проповеди, поучений, в действительности есть истолкование живой мудрости, которую невозможно полностью выразить в словах. Это живое знание можно только постичь, пережив его самому путем открывания своего сердца. И именно в этом то и состоит осуществление жизненной цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * О деталях значений, приписываемых цветам и формам см. в книге Х. И. Хана «Медитации на природу вещей».
- * Падеревский Игнацы Ян (1860-1941) — выдающийся польский пианист
- *) Направленность элемента земли горизонтальна; его характер — расширительный. Направленность элемента воды — вниз. Направленность огня — вверх. Воздух направлен зигзагообразно. Направленность эфира точно не определима ввиду того, что он пребывает в состоянии покоя. (Прим. Х. И. Хана).